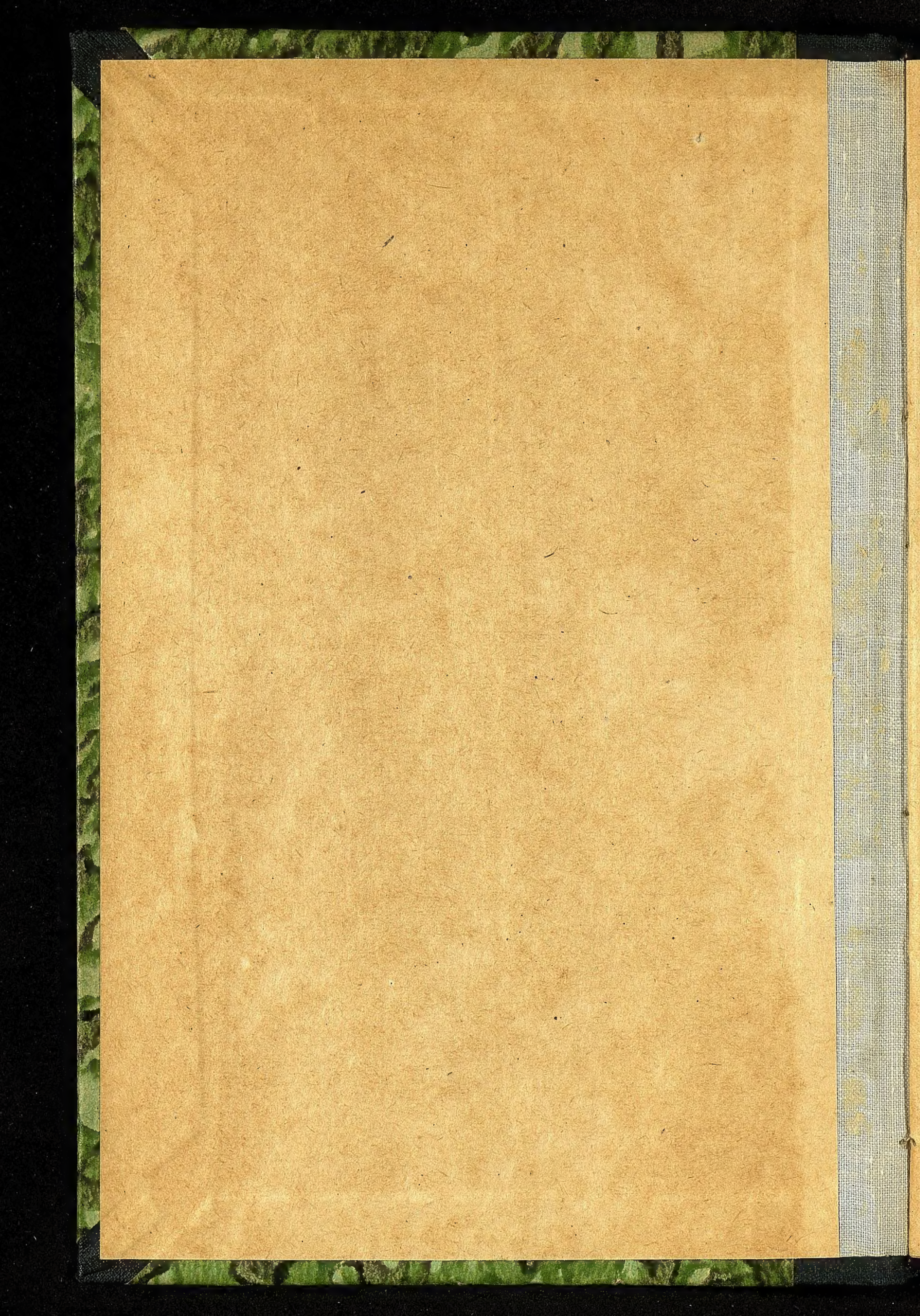




Конфедерация Анархистских Организаций Украины
„НАБАТ".



ВОЛИН.
(В. М. ЭЙХЕНБАУМ).

РЕВОЛЮЦИЯ И АНАРХИЗМ.

(Сборник статей).

Край завесы.—Неизбежное началось.—Главный козырь революции.—Тупик революции.—Новая власть.—Грядущие задачи.—Крестьянское дело.—Диктатура пролетариата и советская власть.—Ленин и анархизм.—Рабочий путь.—Два коммунизма и др.

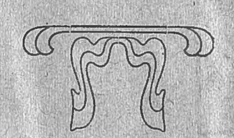
Издательство Конфедерации „Набат".
1919.

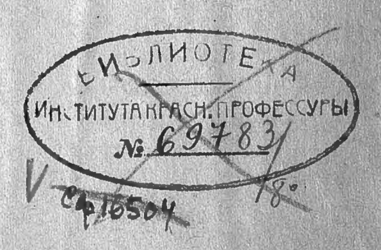
Конфедерация Анархистских Организаций Украины
„Набат".

ВОЛИН.
(В. М. Эйхенбаум).

Революция и анархизм.

Сборник статей.





Издательство Конфедерации „Набат".
1919.

Предисловие.

Непосредственная революционная работа каждого дня,—работа, связанная с постоянным спехом, с вечными раз'ездами и всевозможными передрягами, мешала мне до сих пор (как мешает еще и сейчас) приступить к систематической литературной разработке целого ряда существеннейших вопросов анархизма и анархического движения. Разумеется, было бы крайне желательно, чтобы вопросы эти,—всё еще мало или даже вовсе не освещенные в анархической литературе, — получили, наконец, свою разработку как на страницах нашей периодической печати, так и в наших брошюрах и книгах. Есть надежда, что мне удастся, в недалеком будущем, посвятить часть времени этому неотложному делу. Но, как известно, от надежды до ея осуществления—дистанция приличного размера... Пока-что, я должен ограничиться настоящим сборником.

Сборник этот не преследует намеченных выше широких теоретических задач. Он содержит исключительно статьи злободневного харахтера, написанные „на скорую руку", за время войны и революции,—частью еще за-границей, частью—уже в России. Я собрал их для настоящего издания по желанию товарищей, признающих за ними известную ценность.

Статьи расположены в своем естественном, хронологическом порядке. Первые пять—были напечатаны в Америке, в Нью-Иоркском „Голосе Труда" (еженедельном органе „Федерации Союзов Русских Рабочих Соединенных Штатов и Канады"), выходившем с осени 1914 по лето 1917 г. Последующие статьи печатались в Петрограде, в еженедельном, а затем ежедневном „Голосе Труда" (органе „Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды"), выходившем с августа 1917 по март 1918 г.

Волин.

Украина. Июнь 1919.

КРАЙ ЗАВЕСЫ*).

Бьют не Россию: бьют режим.
(Из недавних разговоров).

В самом начале войны мне случалось не раз беседовать на тему об открываемых ею „перспективах“ и „горизонтах“... И, далее, о том, какие именно перспективы представляются,—учитывая войну, как исторически совершившийся факт,—наиболее выгодными, наиболее „желательными“ теоретически, с точки зрения интересов революции и освобождения трудящихся.

Помню, я нередко выражал тогда свою точку зрения следующим, приблизительно, сжатым и „парадоксальным“ образом.

Если бы,—говорил я,—управляющее судьбами человечества Провидение вдруг, как это бывает в сказках, остановило меня и сказало: „Слушай, смертный! У меня явилось капризное желание поступить в этой войне так, как ты мне прикажешь... Говори, чьей победой хотел бы ты, чтобы она кончилась. Я сделаю по твоему слову...“ Если бы, таким образом, исход войны был поставлен в зависимость от моего прямого, личного желания, то я ответил бы:

Хочу, во-первых, чтобы немцы разбили русских, ибо это может дать необходимый „физический“ толчок к назревшей в России революции.—

Хочу, во-вторых, чтобы немцы нанесли хороший удар Франции, ибо это может и французам помочь выбраться из того мещански-буржуазного болота, в каком они увязли по горло.—

Хочу, в-третьих, чтобы, в конце-концов, кто-нибудь разбил на-голову и самих немцев, по аналогичным соображениям.—

Не знаю, сумело ли бы мудрое Провидение выполнить мои желания... Вся трудность для него, в этом случае, заключалось бы, вне всяких сомнений, в том „к о м - н и б у д ь“, который должен был бы, в конечном счете, разбить самих немцев. Ибо, если бы мне, так-таки, и пришлось говорить серьезно с Провидением, то, разумеется, я поставил бы условием, чтобы этот „кто-нибудь“ не был одним из современных буржуазных государств...

* * *

Множество раз, с тех пор, ставился и с е р ь е з н о разбирался в социалистической печати всех оттенков жгучий вопрос о том, что было бы б о л ь ш е й угрозой и опасностью для свободы народов, для демократии, для

---

*) Нью-Иоркский „Голос Труда“, №№ 50 и 51, 27 авг. и 3 сент. 1915 года.— Статья написана в Париже, под живым впечатлением разговора с В. Л. Бурцевым. Бурцев отстаивал „оборонческую“ позицию. Я сказал ему: если в истории есть хоть какая-нибудь логика, хоть какой-нибудь „закон равновесия“, то война, по моему мнению, должна будет пойти так: поражение России; сильный удар Франции; революция в России; конечное поражение Германии (Англией?) и переход к революции немецкой и, затем, всемирной. Я подробно развил в разговоре мои соображения. В статье—первой части разговора придана несколько иная форма. В.

дальнейшего развития рабочего движения, словом — для поступательного движения человечества: победа ли германского блока, или же победа альянса?

Совершенно естественно, что вопрос этот никогда не мог быть определенно и неопровержимо решен, ибо для того или иного решения его нет достаточных данных. Авторы ограничивались, конечно, тем, что высказывали свое личное мнение и старались более или менее убедительно его аргументировать.

В частности, и на страницах „Голоса Труда“ вопрос этот затрагивался не один раз. Читающие его товарищи знают, конечно, что, напр., тов. М. Корн склонен усматривать большую опасность в победе германского иперо-милитаризма, тогда как сама редакция „Голоса Труда“ опасается в неменьшей степени победы русско французского альянса.

Имелись также серьезные попытки ввести вопрос в плоскость не чьей-либо, а „ничьей“ победы. Предвиделось, что наилучшим, с сказанной выше точки зрения, результатом было бы, чтобы никто не побеждал; чтобы все, в виду простого истощения сил и невозможности продолжать войну, вернулись во-свояси „с пустыми руками“. Указывалось, что такой результат мог бы весьма наглядно показать массам всю нелепость войны, всю бессмысленность и бесполезность затрачиваемых сил и приносимых жертв; мог бы вызвать в массах глубокое брожение и недовольство; причем ни одно правительство, в этом случае, не имело бы повода особенно ликовать и гарцовать перед своими „верноподданными“... „Голос Труда“ не раз останавливался на этой гипотезе и совершенно справедливо отмечал, что ход событий дает известные основания предугадывать такой исход войны „в ничью“.

Но, до самого последнего времени, невозможно было высказаться по всему этому вопросу сколько-нибудь определенно, в смысле предположений и учетов... Приходилось итти черезчур ощупью. Трудно было приподнять хотя бы краешек тяжелой завесы, отделяющей нас даже от ближайшего будущего...

* *
*

Развернувшиеся зв самое последнее время и продолжающие развиваться все в том же, новом направлении события позволяют уже теперь, кажется мне, приподнять этот край завесы и,—пусть еще весьма предположительно, но с еще более вескими основаниями,—остановиться на кой-каких общих перспективах.

События эти состоят, как известно, в том, что Россия в настоящее время терпит, повидимому, окончательное и решительное поражение, и что, в связи с таковым, внутри страны растет недовольство, начинается брожение, напоминающее, по своему характеру, „смутное время“ 1904—5 годов.

И вот тут-то вспоминается мне невольно мой фантастический разговор с мудрым Провидением.

Всякий раз, когда читаешь о чудовищных поражениях русских армий, в связи со всем тем, что узнаешь о внутренних событиях на родине,—не можешь не говорить себѣ: „Пусть ужас охватывает при мысли о той цене, какую платит русский народ истории за счастье быть еще раз побитым в войне. Пусть кровь стынет от ярости, скорби и муки при виде всего того, что разыгрывается в настоящее время в злосчастной России,—но,

не пройдет же все это бесследно!... Поражения и их последствия могут, должны дать новый толчок русской революции... И на этот раз, если только революция начнется, она будет иметь серьезные шансы на успех...“

И невольно думаешь дальше: „В конце концов, не так уж невозможно, чтобы Германия разбила-таки, в большей или меньшей степени, всех своих противников... Россию она, во всяком случае, может разбить на голову, это ясно... И—кто знает?—такой финал приведет-таки, быть-может, к взрыву народного гнева в России, а затем, может-быть, и во Франции, а быть-может и в Англии... Ибо—переполнится всюду чаша терпения народного...“

И тут же думается: „Но, Бог мой! Что же будет тогда твориться в „победоносной“ Германии?... Какой ужас предстоит в будущем немецкому трудовому народу, если Германия выйдет из войны решительной победительницей, в ликовании диктующей условия мира!.. Какая страшная реакция, какая оргия империализма, милитаризма и пр. может начаться там!.. И каким огромным препятствием может служить эта черная сила революционному размаху в других странах... Нет. Необходимо, исторически необходимо, чтобы и Германия была, в конечном счете, кем-нибудь побита; чтобы и в Германии не могло быть победного ликования...“

И думается еще: „Но, быть-может, Германия, истощенная, вынуждена будет, в конце концов, капитулировать перед Англией?.. Англии, быть-может,—в настояших условиях в особенности,—менее других „вредно“ выйти из войны в роли победительницы?.. Или, может-быть, Германии, даже в случае победы, будет не до ликования после этой войни, и население ея, все-таки, будет недовольно?..“

И чувствуя, что эти последние размышления неубедительны, наталкиваешься на еще одну возможность, еще одну „перспективу“,—ту самую, к которой я, собственно, и веду свою речь.

* *
*

Возможность эта могла бы показаться утопической, почти „дикой“, если бы не наличность нескольких весьма веских, говорящих за нее, соображений:

1) Не следует упускать из вида, что настоящую войну нельзя рассматривать и учитывать, как отдельное, законченное, самостоятельное и самим собою исчерпываемое явление. Война эта представляет из себя, во всяком случае, явление исторически грандиозное. Ея „итоги“ не могут замереть в пределах ея самой. Бесчисленные и глубокие круги пойдут от нея во все стороны и на многое число лет. Она положит глубокий отпечаток на все 20-ое столетие. Она явится, несомненно, началом целой великой эпохи,—эпохи длительной и колоссальной как по своему размаху, так и по своему содержанию и последствиям... Она, сама по себе,—лишь прелюдия к целому ряду крупнейших потрясений, перемен, сдвигов и переворотов... Ибо слишком до основания потрясет она устоявшееся-было и начавшее кое-где загнивать болото исторической жизни народов, и вызовет в этих спящих водах не одну бурю, не один ураган...

Ну, а если позволительно предположить, что волны этой войны не улягутся в берега, не поразмыв основательно „устоев“ внутренней жизни народов; что взбаламученное этой войной до самого дна море народной жизни не успокоится так легко и просто, и отраженным образом вызовет

новые и новые бури и потрясения,—то позволительно итти в своих рассуждениях и дальше, а именно:

2) Быть-может, разбитая немцами Россия произведет еще до окончания этой грандиозной войны (мы имеем пример тому в Русско-Японской войне) резкую, решительную и плодотворную революцию, перед которой „революция" 1905 года была лишь „генеральной репетицией"...

Быть-может, эта революция окажется настолько „великой", что, подобно Великой Французской Революции, вдохнет колоссальную, всесокрушающую энергию в сердца людей; быть-может, тогда русский народ, подобно французскому во дни Великой Революции, восстав и решительно сломив старый строй, сумеет быстро сорганизовать крупные силы и преобразить войну гнилого русского самодержавия с немецкой военно-промышленной кастой в действительно освободительную войну революционного, проснувшегося к новой жизни народа со всякими, в том числе и немецкими насильниками; быть-может, не только бельгийские, итальянские, французские и английские, но и сами немецкие сознательные массы прямо или косвенно поддержат его в этой великой, революционной войне; и, быть-может, молодая революционная Россия справится, таким образом, с немецким военным насилием, подобно тому, как санкюлоты Великой Революции справились с поднявшейся на них европейской коалицией... Быть-может, эта великая эпопея подаст сигнал к великому пожару, и в буре всеобщего негодования и бунта рухнут и разобьются, наконец, тысячелетние цепи рабства на всей освобожденной земле?...

Согласен, что такие „перспективы" могут захватывать дух и вызывать головокружение, а иным скептикам покажутся даже просто смешными, утопическими, выхваченными из романов Уэльса... Но повторю, во-первых, что, если только не бояться окинуть взором эту эпоху всю, в ея целом; если не бояться заглянуть в нее глубже и дальше, за акт войны самой по себе; если принять эту войну лишь как пролог затяжной и несущей в себе глубокие задатки и огромные потрясения драмы целого столетия (а истекший год войны и созданное ею ныне положение вещей дают некоторое право на такую точку зрения): если, словом, рассматривать нынешние события, как начало событий огромного, всемирно-исторического размаха,—то предлагаемое рассуждение не будет казаться столь уж невероятным... А во-вторых, я всегда помню две вещи: я помню 1), что реализация „большой" революции, революции социальной, потребует почти неизбежно предварительных глубоких потрясений, вероятнее всего—именно войны... И я помню 2), что мы „не знаем ни дня, ни часа, в которые грядет Сын Человеческий", и должны, поэтому, быть постоянно на-стороже, постоянно готовы...

* * *

Вот этот-то, практически (или, если хотите, тактически) обязательный для нас вывод, резко подчеркнутый создавшимся ныне положением вещей, меня больше всего и занимает. Ради него-то, главным образом, я и стремлюсь приподнять ныне „край тяжелой завесы..."

Ибо, я лично нахожу смешными, близорукими и утопическими как-раз „перспективы" тех наших „социал"- и „анархо-патриотов" (термин не совсем, или даже совсем не удачный, но уже приобретший право гражданства), которые, сводя данную войну к нашествию „варваров-тевтонов" на „демо-

кратическую цивилизацию“ остальной Европы, проповедуют сперва отражение нашествия, в священном единении с правительством и с отказом от тени „революционного действа“, а потом уже—некую внутреннюю борьбу... Ибо, если бы Германия была, действительно, разбита соединенными силами альянса и, в первую голову, российским самодержавием, то, по моему личному мнению, это был бы такой ужас, такое черное и длительное царство реакции, перед которым тускнеют все опасения за последствия немецкой победы...

В противовес лозунгу этих „утопистов“: сперва союз с собственными варварами и самоотречение, а потом, может-быть, революция,—в России само собою назревает в настоящее время обратное настроение и, силою вещей, создается почва для усвоения массами как-раз обратного лозунга: прежде всего, и скорее — революция, а затем или заодно с тем — революционная освободительная война против всех видов насилия и против всех его носителей, русских, немецких и иных.

Само собою разумеется, что события могут еще направиться и по иному руслу. Ни я, ни кто другой не пророчествуем... (Я уверен, что тысячам русских эмигрантов, как и мнѣ, лично было бы глубоко больно, если бы революция вспыхнула в России до окончания войны, ибо, в таком случае, им не пришлось бы, вероятно, принять в ней непосредственное участие...).

Я лишь снова и снова ставлю все тот же общий вопрос: с какими лозунгами революционеры и анархисты должны, на почве этой войны, подходить к массам? Что должны они нести им?...

И я отвечаю: единственный мыслимый для нас, сознательных революционеров и анархистов, лозунг, во всякую минуту и при всяких условиях, —революция и революционная война против всякого насилия, а не отказ от революции („временный“!) и патриотическая война... Массы — могут быть насильственно вынуждены принять последнее, но нашим лозунгом, нашим делом оно становиться никогда и ни на одну минуту не должно.

И вот, когда события принимают такой оборот, как в настоящее время в России,—то становится особенно ясно, что именно этот, революционный лозунг есть правильное толкование и выражение нашей идеи, есть наш истинный, не подлежащий изменению, „вечный“ лозунг... Становится ясно, что грубую ошибку совершают те, кто, ради чего бы то ни было, и хотя бы на одну минуту, отрекаются от него... Ибо история, эта великая предательница, всегда угрожает бросить в мир справедливость высшую, правду вечную, и мы,—носители этой правды и справедливости,—должны неизменно и верно служить только ей, а не лакействовать перед другими, низшими и временными силами истории... Иначе, история может жестоко обмануть нас, и мы можем неожиданно очутиться в хвосте ея... „Отрекающиеся“ рискуют, по близорукости, не разглядеть перста истории и промахнуться... Но неправда, будто мы, не принимающие войну, „с легким сердцем рискуем нашествием всяких ужасов завоевания“. Неправда потому, что эти ужасы — ничтожны, вымышлены, миражны перед лицом „высшей правды“, высших интересов трудящихся рабов земли. Неправда потому, что история, в конечном счете, — с нами,

с нашей великой идеей, и мы не рискуем быть преданными ею, если только сами не предадим ее. „Отрекающиеся“ совершают уступку — пусть временную—„правде низшей“. История может жестоко насмеяться над ними, наказать их, дав как-раз место „правде высшей“...

И в данном случае, в нынешних событиях, история как-будто именно и собирается подтвердить всю глубокую жизненность, всю вечную, неизменную правду нашего лозунга. Вот она готова бросить его сама, помимо нашей воли. Она готова подчеркнуть его вечную истинность, невозможность никогда, ни при каких обстоятельствах, ни на минуту отказа от него... Имеющий уши слышать ея голос—да слышит!...

* * *

Мы проповедуем наши анархические идеи потому, что если бы сейчас все приняли и воплотили их,—мир стал бы иным. Их сейчас не принимают. Это не заставляет нас, однако, отказываться от них. Ибо — придет наш час, и мы не знаем, когда придет он, и должны быть всегда готовы к нему и стараться ускорить его приближение.

Должны ли же отпадать или меняться наши вечные лозунги против войны, против участия в войне и за революцию от того, что в известные моменты масса не принимает, не может принять их? — Нет, конечно. Не должны. Или—если должны, то и всю остальную нашу истину, неот‘емлемую частицу которой составляет эта, первая, позволительно искажать, изменять и урезывать, приспособляя ее к надобностям момента и поведению масс.

Вот где начинается наклонная плоскость оппортунизма.

И вот почему я считаю небесполезным приподнять теперь же край завесы.

* * *

События начинают, наконец, говорить живым, внятным языком. Тяжелый хмель первых дней проходит...

Открывается почва для нашего дела, для нашего, единственно-верного, вечного лозунга: революция и борьба революционного народа со всеми видами господства и насилия, вплоть до возможного максимума достижений.

Все те, кто призывали в России к „миру“ вместо революции, все те, кто изменили этому „вечному лозунгу“, могут быть теперь с минуты на минуту вынуждены снова изменить себе и вернуться к старому призыву. Почему же?.. Потому ли, что их „программа“ выполнена и „враг“ поражен? Нет. Наоборот (о, ирония судьбы!): потому, что враг поражает. Потому, что история обманула их. Потому, что слепо-логичная, слепо-правильная (в данном случае) сила вещей сама непреоборимо вела дело против их, несовпадающих с нею, с ея высшей правдой, лозунгов и, в результате, дает в массах „контр-пар“... И будут они ловить ускользающие от них тени и приспособляться к массам... Право, логичнее и последовательнее для них было бы и теперь, когда наростают гнев и бунт, воздевать руки к небу и возглашать: „Что вы делаете?.. Вы же губите цивилизацию и демократию!.. Прежде всего—побейте немцев! Уничтожьте звер-

ского врага!.. А потом уже—сделаем революцию..." Ибо, истина ведь должна быть одна, и логика—одна, и лозунг—один, а не два, три, четыре, смотря по обстоятельствам; не так ли?.. Массы же переменчивы; и если уж начать гоняться за ними, то может приттись каждый день кричать по разному...

Мы же все, оставшиеся все время неизменно верными нашей правде, должны в настоящий момент еще ясней осознать наш лозунг, еще глубже понять всю святую необходимость сейчас еще решительнее и ярче бросить его.

Приподнятый ныне край завесы ослепительно ярко показывает нам, что сейчас, все так же как и всегда, только с еще большей силой жизни, ибо готова почва, этот лозунг, — приемлется он массами или еще нет,—должен быть: немедленная революция!.. А все прочее—приложится.

Ибо—да будем мы всегда готовы к приходу «Сына Человеческого», и да встретим мы его с возженными светильниками...

РЕВОЛЮЦИЯ ВПЕРЕДИ.

(Нью-Иоркский „Голос Труда", № 130, 23 марта 1917 г.).

Мы осуждены оставаться вдали от событий. Мы не можем сейчас ринуться туда—в Россию, к восставшему народу, к братьям, к товарищам... Мы отрезаны от родины морями и землями, сушей и океаном. Мы оторваны от нея войной...

Из продажных, лживых здешних газет мы узнаем лишь жалкие крохи истины.

Мы осуждены, пока, на бездействие. Мы не живые участники событий. Мы даже не очевидцы. Мы—далекие-далекие зрители...

Мы не можем судить, решать, призывать... Мы едва осмеливаемся думать...

Но—одно только мы можем, мы имеем право и мы должны сказать: то, что произошло в России по сей час, это—еще не революция.

Родзянко—„вождь" революции. Дума—центр. Армия—вершительница. Львовы и Милюковы—приказчики и управляющие. Собственность—благословенна. Война—священна...

Что до всей этой «музыки» народу—измученному, изголодавшемуся, гибнущему народу, крестьянам и рабочим?!..

Крестьянам нужна земля. Вся земля.

Рабочим нужны копи, рудники, фабрики, заводы, мастерские, машины. Все средства производства.

Народу нужен мир.

Народу нужны хлеб, жилища, одежда...

Народу нужна свобода. Полная свобода действий.

Получит ли он все это насущное от Родзянок, Львовых, Милюко-

вых или от какого бы то ни было правительства, от какой бы то ни было власти?

Никогда.

Он должен взять все это сам.

Возьмет ли?.. Пойдет ли дело дальше, вширь и вглубь? Станет ли оно подлинным всенародным делом?

Вот в чем весь вопрос.

Если дело остановится на том, до чего оно пока докатилось, то-есть на победе „русской партии" и на водворении „конституционно-монархического образа правления" с министрами из кадетской партии,—то можно назвать сию историю, как угодно: „государственным переворотом", „кадетским переворотом", „патриотическим переворотом", наконец—просто „переворотом", но только не революцией.

Народ, крестьяне и рабочие не получат от такой „революции" и ломаного гроша.

Но если события не застрянут на „конституции"; если они всколыхнут всю народную массу и вышвырнут решительно за борт всех Николаев Николаевичей, Родзянок, Милюковых, Львовых и всяких иных „вождей", царей и правителей; если народ возьмет-таки судьбу свою в свои собственные руки, провозгласит повсюду „вольные города" и „вольные деревни", организуется в свои крестьянские и рабочие союзы и приступит к отобранию в общественное достояние земли, средств производства и способов передвижения и сообщения; если народ сам займется решением вопроса о войне и мире,—тогда и только тогда можно будет говорить о революции. Только тогда приподымется тяжелая завеса, за которой скрыты ближайшие судьбы и России, и других стран, и самой войны...

Есть ли шансы за то, что события не остановятся в тупике и выйдут на широкую дорогу революции?

Да, есть. И мы поговорим о них в следующий раз... И будем ждать, надеяться, верить...

Мы не можем, в данную минуту, действовать, решать, призывать.. Мы не участники событий..

Мы можем лишь думать, волноваться, желать...

И пожелание наше ясно: долой правительство! да здравствует революция!..



НЕИЗБЕЖНОЕ НАЧАЛОСЬ.

(Нью-Иоркский «Голос Труда», № 133, 13 апр. 1917 г.).

Даже американская печать, которая, по понятным причинам, старается представить дело так, будто революция в России благополучно завершилась и в стране наступило благословенное царство тишины, свободы и „демократии",—даже американская печать вынуждена ныне робко признать, что России „угрожает опасность гражданской войны"; что отношения между „Временным Правительством" и „Советом Рабочих и Солдатских Депутатов" все более и более обостряются; что ставшее, было, устойчивым положение правительства—колеблется.

Другие, не американские источники даютъ о действительном положении вещей в России более откровенные и подробные сведения.

В нью-иоркской немецкой (социалистической и интернационалистской) „Фольксцейтунг" от 9-го апреля имеется телеграмма отъ собственного корреспондента из Петрограда, в которой, между прочим, рассказывается следующее: „С неделю тому назад, Комитет (Совета Раб. и Солд. Деп.) решился, под предлогом опасения контр-революции, арестовать всѣх членов Думского Исполнительного Комитета. Снабженные приказом об аресте, специальные уполномоченные отправились, в сопровождении нескольких солдат, к Таврическому Дворцу, где они были остановлены стражей. Последняя, узнав, в чем дело, недвусмысленно заявила, что не позволит арестовать членов Думы". Советская делегация вернулась, таким образом, без результата. Ниже, в той же телеграмме, сообщается, что комитет Совета тогда же решил арестовать бывшего царя и заключить его в Петропавловскую крепость. С этой целью, Комитетом отряжены были в Царское Село 150 вооруженных солдат, с письменным приказом об аресте. Комитет расчитывал, при этом, на преданность командующего стражей офицера, приверженца Совета. Но оказалось, что, без ведома последнего, начальник стражи был заменен другим офицером, который не допустил ареста.

Имеется целый ряд и других указаний на то, что вражда между силами, поддерживающими Думское Временное Правительство, и силами, группирующимися вокруг Совета Рабочих Депутатов, усиливается, углубляется, растет.

Надо думать, что вражда эта будет наростать и обостряться до тех пор, пока обе силы, обе власти не придут, наконец, к решительному и резкому столкновению.

Все это—как нельзя более естественно. Всего этого надо было ожидать. Все это совершенно неизбежно, неминуемо.

Как естественно и неизбежно было в России, в момент решительной революции, самое возникновение двух очагов, двух ячеек, двух „центров", двух „властей", — так же естественны и неизбежны дальнейшие пререкания и конфликты между этими двумя „центрами" и, наконец, решительная борьба между ними.

Характерны и важны при этом, конечно, не подробности, не отдельные моменты и эпизоды этой борьбы,—эпизоды, которые могут быть и извращены, и неверно освещены иностранной печатью.

Характерно и интересно тут общее положение вещей в его целом.

На основании учета многих реальных условий русской жизни,—условий, на которых мы не можем здесь останавливаться,—твердая и прочная победа либеральной буржуазии и буржуазно-демократической идеи всегда представлялась нам в России, в случае решительной революции снизу, невозможной.

И теперь — нам кажутся неизбежными не только резкая, открытая борьба между думским правительством и Советом, но и (рано или поздно) решительная победа последнего.

После недолгого перерыва, второй этап представляется нам именно в виде решительной борьбы за власть,—борьбы, вероятно, длительной и, очень возможно, не бескровной,—между либерально-буржуазным „республиканствующим" правительством и Советом. И этот, второй этап завершится, вне всяких для нас сомнений, победой Совета, т.-е. победой той власти, которая выдвинута и поддерживается передовой, социалистической частью российского пролетериата и является первым шагом по пути к воплощению социал-демократической идеи.

И это—все?

Нет, далеко не все. Чтобы довести нашу мысль до конца, скажем, в кратких словах, тут же, что и этот второй этап кажется нам не последним; что и эта, вторая борьба кажется нам не завершающей Революцию; что и эта, новая победа кажется нам не окончательной.

Опять-таки, учитывая целый ряд об'ективных условий русской жизни, мы думаем, что твердая, прочная победа социал-демократической идеи окажется в России тоже невозможной.

Мы думаем, что после некоторого, более или менее продолжительного перерыва, борьба неминуемо возобновится. Начнется третий и последний этап Русской Революции,—этап, который сделает ее поистине Великой Революцией: начнется борьба между живыми силами, выдвигаемыми творческим порывом народных масс на местах, т.-е. между непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения, — организациями, приступающими, таким образом, к самостоятельному созиданию своей истинно новой жизни, с одной стороны, и—отстаивающей свое существование централистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием. Борьба между двумя издревле ведущими спор социальными идеями: марксистской и анархической.

Мы не сомневаемся, что эта борьба закончится победой анархической идеи.

Мы не сомневаемся, что эта борьба завершится победой самостоятельных, живых рабочих и крестьянских организаций на местах, в их творческом порыве к новой жизни—на началах полной децентрализации, полного безвластия: на началах организации союзов безвластных общин, городских и сельских, союзов „вольных городов" и „вольных деревень"; на началах анархического коммунизма.

Еще в 1905 году, в самом разгаре тогдашней трагедии, отошедшей ныне в далекое кровавое прошлое, — мы, вдумываясь в реальные условия русской жизни, находили, что в России возможны только два „образа правления“: или насильственно поддерживаемое силою оружия само державие — в той именно форме, в какой оно просуществовало до сего года; или — в результате длительной революции снизу — отсутствие всякого „образа правления“; т.-е.—организация новой жизни снизу же, с мест, „от окружности“; т.-е. — федерация союзов вольных общин и организаций, городов и деревень: т.-е.—Анархия.

Мы остаемся и ныне при нашем убеждении. И, быть-может, недалеко уже то время, когда сама жизнь, мечем и огнем решая вопрос, скажет всем нам, в чьих руках истина.

КОПТИЛЬНИКИ РЕВОЛЮЦИИ.

(Нью-Йоркский „Голос Труда“, № 135, 27 апр. 1917 г.).

Есть люди с ничтожной, мелкой, трусливой душой,—с душой жалкой и темной, которая жмется, замирает и прячется от яркого света, от шири жизни, от простора творчества, от смелого полета мысли, от свободного размаха воли и дела...

Есть люди с сердцем робким и боязливым, с сердцем маленьким, бескровным и слабым,—с сердцем, которому не дано вместить ни яркого вдохновения, ни большой любви, ни могучей ненависти, ни страсти, ни огня...

Есть люди с умом хилым, старческим и пугливым, с умом низкорослым и тесным, которому не дано видеть вершин и далей, которому не суждены ни глубокое понимание прошлого, ни мудрая оценка настоящего, ни проникновенное предчувствование грядущего...

Есть люди с совестью фальшивой и дряблой, с совестью гнусливой и хриплой,—с совестью, которая истаскана по торным дорогам сделок и компромиссов, которая цинично и нагло продает себя грязным маклерам на рынке человеческой подлости...

Есть люди... в которых так мало человеческого, так мало божественного!..

Есть люди—усталые, ослабевшие, изнемогшие,—люди, павшие мыслью и духом; люди, опустившие свои, когда-то сильные, крылья; люди, угасившие ярко горевший некогда огонь свой; люди, ослепившие свое зрение, отрекшиеся от былых просторов, вершин и далей, от бесстрашных полетов, от размаха, от творчества без граней...

* * *

Они не опасны, они не страшны, они безвредны и безобидны,—все эти люди,—когда мирно и тихо сидят они по своим гнездам, углам и кельям, нанизывая, день за днем, свое тусклое, серенькое существование; кропая, из часа в час, свои скромные, маленькие личные дела и делишки; скрываясь в тени своего сладенького жития от света, грохота и шума большой человеческой жизни и никогда, никогда не заглядывая за пределы „своей“ конторы, „своей“ столовой, ближайшего театра и жениной постели...

Они безопасны, эти люди, когда, смутно угадывая свою малость и слабость свою, они живут, как бескрылые насекомыя, не порываясь летать... Они безвредны, когда не навешивают оружия на свои мещанские одежды...

Чадят они тогда понемногу своей копотной, душной жизнью и отравляют воздух на нашей планете. Но светильники мира на то и горят, чтобы разбивать, разгонять, рассеивать эту серую, удушливую мглу бескрылого прозябания и освещать человечеству путь к снежным вершинам, к сияющим далям, к лучезарному солнцу...

* * *

Увы! Когда, наконец-то, вся, тысячелетиями накопленная, мгла и муть приходит в движение, начинает волноваться, колебаться и рассеиваться; когда мрак, копоть и чад начинают уступать силе побеждающего, животворящего света; когда светильники мира разгораются все ярче и ярче и вот-вот, кажется, одолеют и разгонят тьму,—тогда, именно тогда (о, проклятие!) вылезают из нор своих родители тьмы, гасители света и кропатели жизни... Они не желают больше мириться со своими маленькими делами, с своей затхлой жизнью, с своим бескрылием. Они хотят летать, как другие. Они хотять светить... Они тоже хотят творить и действовать...

И вот, выползают они,—эти робкие, слабые, незрячие люди,—на большую, широкую дорогу жизни, борьбы и творчества. То злобствуя и гнусавя, то пышно и величественно разглагольствуя, то кривляясь и паясничая, шмыгают они меж другими, и забегают вперед, и шумят, и трубят в фальшивые трубы праздного ликования, и потрясают дешевым оружием самозванных рыцарей, и спешат налить хоть плохенького маслица в свои пустые сосуды... И возжигают они свои коптящие светильники. И светильники их чадят, и темнят, и отравляют воздух тусклым, беспламенным горением своим...

Шипят, трещат, коптят и тухнут их жалкие плошки. Но они все бегут; бегут вперед, одни за другими; бегут в припрыжку; бегут сотнями, тысячами; бегут всюду, куда ни глянет глаз... И кричат тоненькими, визгливыми и гнусавыми голосами: „И мы,—и мы с вами... Мы тоже боремся... Мы тоже летаем, мы тоже творим... Мы тоже революционеры... Слышите, мы кричим: «Да здравствует революция!»... Мы тоже за революцию... Мы хотим революции... Мы тоже, мы тоже..."

Коптильники революции! Не лучше ли было бы вам молчать, уйдя подальше, зарывшись поглубже от налетевшей великой грозы, ибо не понять вашим маленьким, робким душам этих сверкающих молний, этих раскатов грома?...

Не лучше ли было бы вам продолжать и теперь кропать вашу крохотную жизнь и чадить там, внутри ваших нор, ибо пора, пора победному свету воссиять над миром!...

Не лучше ли было бы вам зарыться с головой в мягкие, уютные подушки мещанских постелей ваших и переждать грозу, ибо мещане вы и мещанами остались, и нет вам места среди творцов новой жизни...

Чадом своим не угашайте света!

* * *

Слушайте, впрочем, вы все, коптильники революции! Вы, ея мещане, старцы, слепцы и гасители!...

Вот встают народы по всему миру. Встают рабы. Встают легионы несчастных по всей земле, дабы прогнать тьму. И несут они светильники полные и яркие; светильники, исполненные великой жажды, великой правды, великих исканий... Светильники, горящие пламенем, возженным от самого солнца...

Вам не загасить этих светильников. Вам не удушить этого света...

Нет! Копоть ваших робких, трусливых, маленьких душ не страшна восставшим рабам, приближающимся к солнцу и от солнца возжигающим светильники свои!...

ГЛАВНЫЙ КОЗЫРЬ РЕВОЛЮЦИИ.

(Нью-Иоркский «Голос Труда», № 137, 11 мая 1917 г.).

Мы имели уже случай указывать на те, весьма реальные данныя, сумма которых дает нам серьезный повод думать, что начавшаяся в России революция может, в ходе своего естественного развития, перейти в революцию социальную и завершиться падением капиталистической системы и всех, связанных с нею, политических, общественных и иных форм и отношений.

Очаг революции охватывает страну, занимающую шестую часть суши земного шара и насчитывающую 170 миллионов населения.

Острое революционное состояние этой страны, при котором более или менее обеспечена свобода агитации, пропаганды и организационной работы, будет неизбежно длительным.

Этому длительному революционному процессу предстоит быть процессом, по существу своему, созидательным, т.-е. процессом искания и стройки новых основ и форм существования.

В этом искании, в этой стройке неизбежно примут живое участие миллионы и миллионы людей, выбитых (войной и дальнейшими событиями) из „нормальной", обывательской, мещанской колеи и властно брошенных, силою вещей, в водоворот общественной жизни, общественных исканий, общественного дела. Нет семьи, которая не была бы затронута событиями. Нет человека, который не был бы „растормошен" ими. Нет такого угла, население которого не чувствовало бы неумолимой необходимости разобраться в окружающем и принять участие в поисках выхода из создавшегося положения.

„Магнитная стрелка" революции тянется к более или менее отчетливой идее уничтожения капиталистического строя; причем, в дальнейшем ходе революции, эта идея будет неизбежно, с большой быстротой, распространяться на широкие массы населения, становясь все более и более ясной, превращаясь, все более и более определенно, в практическую задачу дня.

Процессу этого быстрого нарастания идеи и сознания, равно как процессу этого превращения идеи в реальную задачу, помо-

гут, в значительной степени, рассеянные по всей стране идеологические силы.

Современное развитие печатного и книжного дела, в связи с острой потребностью в грамотности и чтении у миллионов, властно привлеченных к общественным делам и задачам, людей, а также наличность современных средств передвижения, сношения и сообщения—помогут, с своей стороны, наростанию, распространению и, наконец, осуществлению идеи-магнита Революции.

В аграрной области социальная революция (т.-е. экспроприация земли, в тех или иных формах)—неизбежна. И есть серьезные основания думать, что, в связи со всеми другими условиями, социальная революция в области земельного вопроса перейдет, столь же неизбежно, в революцию промышленную и обще-хозяйственную.

Весь этот, находящийся в таких—совершенно исключительных—условиях, „центральный“ очаг длительной революции окружен (условие тоже совершенно исключительное) добрым десятком других, больших и малых, очагов, население которых тоже выбито (войной) из нормальной колеи и подготовлено к революции; причем „зараза“ революции, зараза событиями дня перебрасывается из одной страны в другую с необычайной быстротой, благодаря развитию печати, путей и средств сообщения и сношения.

Таковы те основные „шансы“ нынешней революции, на которых нам уже приходилось останавливаться, которые резко отличают ее от всех, без исключения, прошлых революций, и общая сумма которых с достаточной,—кажется нам,—красноречивостью говорит за возможность перехода именно этой революции в революцию социальную.

* *
*

Но все эти „шансы“ и данныя, даже взятые вместе, приобретают, в наших глазах, действительно решающее значение лишь тогда, когда мы принимаем во внимание еще один, „венчающий дело“, самый главный, самый крупный „козырь“ происходящей ныне революции.

Вдумайтесь серьезно в характер тех задач, потребностей, вопросов и интересов, которые, в ходе и в результате развертывающихся событий, уже встали и еще встанут в будущем перед многомиллионными массами населения (не только России, но почти всего мира) везде, на местах, по городам и весям необ‘ятных территорий, по самым глухим углам,—всюду, где только живут и трудятся люди.

Присмотритесь внимательно к тому общему положению вещей, перед которым неумолимо очутятся, в итоге событий, тысячи и тысячи людей на местах.

Задача ликвидации самой войны. Связанная с этой ликвидацией огромная задача восстановления всего разрушенного земледельческого, промышленного, финансового, общественного и всякого иного „уклада“. Целый ряд задач, вытекающих из состояния полнейшей продовольственной и обще-хозяйственной разрухи, приведшей к крайнему недостатку и сказочной дороговизне одних, к полному отсутствию других необходимых продуктов.

При этом—призрак подлинного голода. Призрак полного финансового истощения и банкротства. Запутанность долговых обязательств и платежей по займам. Неизбежность громадных налогов. Общее запустение и обезлюдение страны, и—мало ли что еще!..

Жизнь огромных человеческих масс, жизнь каждой отдельной, составляющей эти массы, единицы—не только выбита из колеи: она приведена, во всех отношениях, в состояние полного развала, полного расстройства, полного хаоса и ужаса... Жизнь стала сплошным бедствием, несчастьем. Жизнь опустела, истощилась, обескровилась...

И это общее запустение жизни захватило все углы, все клеточки организма страны.

И на этой-то ужасной, истощенной почве вырастают перед населением задачи фантастической глубины и сложности.

Достаточно хоть мельком взглянуть на это положение вещей, чтобы ясно увидеть, что каждая такая задача, уже сама по себе, —громадна; что таких задач имеется не одна и не две, а много; и, наконец, что все оне, в приложении к разнохарактерным местностям громадной страны, превращаются на местах в тысячи отдельных, разнообразнейших задач, нужд и потребностей, крайне спутанных, сложных и переплетающихся между собою.

И это еще не все. В то самое время, как запустевшая, расхлябанная, разоренная жизнь представит так мало возможностей для более или менее быстрого и удовлетворительного, планомерного, „сверху вниз" решения всех этих задач, —стремление населения к скорейшему и полнейшему их решению будет—везде на местах—чрезвычайно острым. Все, выдвинутые жизнью, насущные потребности будут повсюду обострены и напряжены до крайней степени. Измученное, изголодавшееся население будет болезненно ждать удовлетворения своего голода, своих нужд, своих запросов и требований...

Вдумайтесь,—говорим мы,—серьезно во всю эту действительность, во всю эту задачу, и попробуйте сравнить ее с теми обычными приемами, способами и путями решения, описания которых мы так привыкли встречать в программах, проектах и предположениях всех существующих миросозерцаний, течений и партий, включая социальдемократов и социалистов-революционеров.

Учредительное Собрание. Законодательное Собрание... Центр: точка, в которую с'едутся 2—3 тысячи „представителей", для разрешения и удовлетворения всех вышеочерченных задач, нужд, потребностей и бед многомиллионного, до дна взбаламученного населения огромной страны.

Не становится ли ясным,—при первом же сравнении задачи с намечаемыми попытками ея решения,—громадное, кричащее несоответствие между тем и другим? Несоответствие между насущнейшими, разнообразнейшими и острейшими нуждами, интересами, запросами, требованиями и задачами громадной, вырвавшейся на волю, жизни миллионов людей на местах, и—маленькой, ничтожной, центральной точкой, придуманной для разрешения, примирения и удовлетворения всех этих задач, интересов и потребностей...

Каким жалким, бессильным, слепым, искусственным и... глупым выглядит, в результате сравнения, весь этот проект решения такой задачи из центра, из одной точки! Какое поистине траги-комическое впечатление производит это несоответствие!...

Заглянем на минутку в прежние революции.

Никогда, нигде, ни одно Учредительное Собрание не могло удовлетворить и не удовлетворяло нужд, потребностей и задач всей массы населения, точнее говоря—трудящейся массы. Каждое Учредительное Собрание удовлетворяло лишь небольшую часть населения—имущих.

Когда же массы, не получив удовлетворения, выходили на борьбу за все то, чего оне напрасно ждали от „точки",—бывало поздно. Новое насилие становилось на их пути.

Но в те, прежние времена, положение было иным—в двух отношениях. С одной стороны, массы были крайне темны и невежественны. Ясной идеи социализма, экспроприации, революции не было. Не существовало ни современной печати, ни других современных способов сообщения. Словом, отсутствовали все вышеперечисленные данныя революции. С другой стороны, потребности населения на местах не доходили до той фантастической степени остроты, до какой оне дойдут в результате нынешних событий. Кроме того, никогда столь обширные массы не бывали выбиты из колеи. Вот почему, неудовлетворенность масс в прежних революциях выражалась лишь вспышкой озлобления, но не переходила в действие, не направлялась в созидательное русло.

Совсем иное дело—сейчас, в этой революции.

Если мы, анархисты, всегда находили ребяческой идею организации „социалистического государства", т.-е. устроения новой жизни, при помощи ззхваченной партией политической власти, из центра; если мы всегда считали компрометтирующей истинного социалиста веру в такой, абсолютно не-социалистический метод решения,—то тем более нелепой представляется нам мысль, что в данной революции удастся, при помощи „диктатуры пролетариата", захвата власти и центрального („пролетарского"!) правительства, притти к социалистическому перевороту. Мы должны сознаться, что больше понимаем, в этом случае, тех социалистов (государственников), которые в „настоящий день" не верят в возможность такого сопиалистического переворота. Они инстинктивно чувствуют эту невозможность, так-как самый переворот они мыслят централистически. Разница между ними и нами, во-первых, та, что они верят в далекую, некогда, возможность такого переворота,—мы же думаем, что им так и не суждено когда-либо дожить до „настоящего дня"; а, во-вторых, та, что из нынешней невозможности они видят лишь один выход—буржуазно-демократическую республику.

Мы же предвидим, как предвидели и всегда, совершенно иную возможность.

Ни Учредительное Собрание, ни какое бы то ни было иное правительство не сможет удовлетворить интересов и потребностей всего населения. Несоответствие между задачей и способом решения станет реальностью, фактом. И, рано или поздно, население поймет это. Быть-может, поймет не сразу. Быть-может, некоторое время подождет. Быть-мо-

жет, временно успокоится на победе центрального социальдемократического органа власти... Но, в конце концов, оно неминуемо убедится в безвыходности положения и в невозможности добиться удовлетворения таким путем.

Тогда, не получив удовлетворения из центра, массы,—в обстановке нынешней революции,—неизбежно возьмутся сами, на местах, за решение всех ея задач.

Оне выдвинут и создадут на местах, из собственных недр, необходимые им для этой цели организации, свяжут их между собою и приступят к свободному переустройству жизни.

Тогда революция перескочит через головы глубокомудрых социалистов „в футляре“, как она перескочила через головы кадетов, называвших еще недавно „бреднями“ ту самую республику, которой они теперь „служат“.

Ибо, если народ с а м—повсюду, на местах—начнет решать вопросы революции и творить новую жизнь, то он, вне всяких уже сомнений, будет совершать р е в о л ю ц и ю с о ц и а л ь н у ю, приступая, при помощи своих массовых организаций, к повсеместной экспроприации и переустройству. Причем,—в обстановке данной революции,—своя, внутренняя армия не станет противодействовать ему, а окружающие страны загорятся сочувствием и стремлением подражать ему...

Н е и з б е ж н о е р а з о ч а р о в а н и е м а с с в о в с я к о й п о п ы т к е в ы в е с т и н ы н е ш н ю ю р е в о л ю ц и ю и з т у п и к а н а б о л ь ш у ю д о р о г у п р и п о м о щ и ц е н т р а л ь н о г о п р а в и т е л ь с т в а, и, в р е з у л ь т а т е, н е м и н у е м ы й п р и с т у п к с а м о с т о я т е л ь н о м у, н а м е с т а х, р е ш е н и ю в с е х з а д а ч э т о й р е в о л ю ц и и,—п р и с о д е й с т в и и а р м и и и с о ч у в с т в и и о к р у ж а ю щ и х н а р о д о в,—мы и считаем „главным козырем“ этой революции.



ТУПИК РЕВОЛЮЦИИ*).

(Петрогр. „Голос Труда“, № 1, 11 авг. 1917 г.).

Наша революция обладает одной чрезвычайно характерной чертой: сжато, „в конспекте“, мельком пробегает она ту историческую книгу, которую так туго,—страницу за страницей, слово за словом,—читали, изучали и усвоивали наши западно-европейские предшественники.

„С места в карьер“, огромными, судорожными скачками, как-бы закусив удила и спеша в бешеном галопе наверстать расстояние, несется наша революция, во весь опор, по тому историческому пути, по которому так медленно, так робко и так трудно продвигались, до нас, западные народы. Догнать, больше того—на всем скаку обогнать, обойти их, успевших таки пробраться довольно далеко вперед, стремится наша революция...

1-го марта падает абсолютная монархия. На пути революции вырастают неясные очертания монархии ограниченной. На одно лишь мгновение, одним только краем своим цепляется революция за этот призрачный силуэт... Новый порыв, новая судорога, новый сильный скачек,—и призрак конституционной монархии остается далеко позади, рассеивается, тает...

Впереди обрисовывается, зовет и манит иной призрак—туманный, расплывчатый остов республики. Он колеблется, он беспрерывно меняет свою форму, он множится на наших глазах—этот новый призрак...

Он так соблазнителен! Он стольких уже остановил на пол-пути!.. Но быстрыми, последовательными скачками переносимся мы от республики ярко-буржуазной к республике „неопределенной“; и далее—к республике „демократической“ и широко-федеративной (к республике „без президента“, читали мы в печати недавнего прошлого)... И уже мерещатся нам впереди очертания республики „социальной“!..

Таковы чисто-политические этапы революции. И такими же гигантскими скачками оставляем мы позади смертную казнь, цензуру, полицейские стеснения, национальные и религиозные ограничения... Словно быстро сменяющиеся верстовые столбы, мелькают перед нами: восьмичасовой рабочий день, свобода стачек, вольные собрания и вольные речи, революцонные газеты, рабочие организации, фабрично-заводские комитеты, рабочий контроль над производством, крестьянские с'езды, „вся земля народу“... Советы Рабочих Депутатов начинают осуществлять на две трети „государственную власть“... Партия социалистов-революционеров,—партия социальной революции в деревне,—становится партией правительственной... Далеко-далеко позади оставляются нами, в этой бешеной скачке первых четырех месяцев, самые передовые страны...

Такой ход событий,—в случае насильственной революции снизу,—можно было легко предвидеть (и многие предвидели его) заранее. Но в наши намерения не входит сейчас исследование причин и корней отмеченного нами явления. Вопрос занимает нас с совершенно другой стороны.

* * *

Неудержимо рвется вперед мечта-революция. И вот—вдали новый силуэт: „Вся власть Советам!“... „Диктатура революционной демократии!“...

---

*) Статья написана после неудачного «июльского выступления» в Петрограде. Я тогда только-что приехал, вместе со многими товарищами, из-за границы.—В.

Силуэт социального переворота. Силуэт полной, социальной революции. Силуэт умирающего капиталистического порядка. Силуэт перестраивающегося на социалистических началах общежития... Последний этап и последний силуэт революции!

Перед ним—крутой поворот пути. Тот самый поворот, к которому в настоящее время,—все так же медленно, тяжело и осторожно,—приближаются трудовые массы других стран. Поворот, за которым грезится „начало конца“ буржуазного царства...

На самом повороте—последнее препятствие: высокая каменная стена.

Судорожно вонзаются шпоры всадника в тело бешено мчащейся Революции. Кровь, свежая кровь брызжет из-под шпор... С разбега, взвивается на дыбы благородный конь и—ударяется о стену. И падает во прах, не рассчитав, не преодолев преграды...

Оборвалась сразу бешеная скачка. Не слышно больше галопа копыт. Пала на землю жуткая тишина...

Тише, вы, ротозеи революции! Ибо—великая мечта повергнута в прах.

Замолчите, глупцы! Не мешайте скорби. Ибо—великая революция тяжко ранена.

Ликуйте, злорадствуйте, веселитесь, все вы, лжецы, клеветники и негодяи! Пришел ваш праздник. Ибо—сердце революции истекает кровью...

* * *

„Революция разбита... Революция остановлена... Революция окончена... Революция загнана в тупик... Революция погибла... Наступает реакция... Начинается контр-революция“... Так говорят ротозеи революции. Так шушукаются и сплетничают по углам карлики-обыватели. Так гнусавит худосочная печать...

Так заявляет, наконец, само „Правительство“, на-скоро об‘являя себя „правительством спасения революции“ и кидаясь, ради этого спасения, в об‘ятия той самой реакции, от которой надлежит спасаться...

И—нагло разгуливают, форсят, гогочут, шипят и хихикают по улицам вылезшие снова на свет божий болотные гады, то шепелявя и пришепетывая, то кликушествуя и выкрикивая: „Долой революцию! Довольно революций! Мы хотим порядка, законности и сильной власти!“...

Но, не одни только ротозеи, обыватели, правители и гады болотные чуют муть.

„Рабочий класс понес несомненное поражение... Мы отброшены назад, далеко назад—ко времени, предшествовавшему дням 20—21 апреля... Пролетариат потерпел поражение... Поражение налицо... Соотношение общественных сил передвинулось в сторону имущих классов... Революция отброшена назад... Предстоят черные дни“...

Так пишет (статья „Что же теперь?“; „Новая Жизнь“ № 76) столь серьезный, честный и вдумчивый публицист, как Л. Мартов.

И вот, будучи серьезным и вдумчивым писателем, Мартов, в той же статье, совершенно верно отмечает, что, все-таки, «судьбы революции этим поворотом не решаются»; что сила революции «далеко еще не исчерпана»;

что «свой реванш» революция будет иметь... Как нельзя более справедливо указывают и некоторые другие писатели в «Новой Жизни» на то обстоятельство, что об'ективные условия, создавшие революцию, не только не исчезли, но, наоборот, в сильнейшей степени обострились и будут продолжать обостряться в дальнейшем... И мы думаем, вместе с „Новой Жизнью" и Мартовым, что в недалеком будущем—против идущей вглубь реакции снова встанет идущая вглубь революция; что нынешняя реакция—явление временное, не окончательное и отнюдь не ликвидирующее революцию.

* * *

Но, в качестве революционного деятеля, Л. Мартов не ограничивается, в своей статье, одной только общей оценкой положения. Он останавливается также, с одной стороны,—на причинах кризиса, с другой—на тех способах, при помощи которых можно, по его мнению, вывести революцию из тупика; он говорит о методах „спасения революции".

По этим же вопросам высказываются ныне на страницах печати многие его единомышленники, социальдемократы. В партийной прессе не раз, за последние дни, затрагивается и разбирается вопрос о том, где лежат причины беды, как теперь быть и что делать, дабы помочь революции иметь „свой реванш". И мы хотим сейчас же сказать, что как глубокие причины кризиса революции, так и, в особенности, дальнейшие пути революционного действия представляются нам совершенно иными, нежели всей плеяде социалистических писателей. На вопрос: „Что же теперь?" мы отвечаем различно.

Если бы у нас была возможность возвысить свой голос раньше, в самом начале революции, в первые дни и недели ея вольного разбега, ея жадных, неограниченных порывов и исканий,—мы и тогда, с самого начала, отстаивали бы совершенно иные пути и дела, чем предлагавшиеся социалистами. Мы выступали бы определенно против «программ и тактик» наших социалистических партий и фракций (большевиков, меньшевиков, левых с.-р., правых с.-р. и пр.). Мы поставили бы революции иные цели. Мы предложили бы трудовым массам иные задачи...

Пропаганде совершенно иных понятий о социальной революции и путях ея посвящена была наша многолетняя работа заграницей. Увы, наш голос не долетал до России, отгороженной от мира полицейскими рогатками и заставами.

Ныне, наши силы стягиваются здесь. И мы считаем своим прямым долгом, своей величайшей обязанностью тотчас же возобновить,—на родной, теперь свободной почве,—нашу работу. Мы должны действовать. Мы должны развернуть перед трудящимися массами новые горизонты; должны помочь им в их исканиях...

Силою вещей мы вынуждены поднять наш голос в такой момент, когда революция на время зашла в тупик, и массы приостановились в тяжелом раздумье. Нам предстоит сделать все возможное для того, чтобы раздумье это не пропало бесплодно. Мы должны использовать время так, чтобы новые волны революции застали массы более подготовленными, яснее сознающими свои цели, задачи и пути, чтобы эти волны не разбились, не расплескались снова в неосмысленном, бесплодном порыве...

Мы должны теперь же наметить те выходы из тупика, о которых, увы, нет ни одного слова во всей, без исключения, периодической печати.

Дальнейшие наши статьи и будут посвящены этому коренному вопросу как текущего момента, так и всей революции.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАНЬ.

(ПТГ. „Голос Труда“, № 2, 18 авг. 1917 г.).

Далеко не первый раз, в истории последних десятилетий, и не в одной только России—движение труда по пути борьбы против Капитала оказывается временно загнанным в тупик, и передовые рабочие массы видят себя вынужденными топтаться на месте. Не у нас одних только—рабочее дело терпит поражение и обнаруживает какое-то роковое внутреннее бессилие. Не в одной только нынешней русской революции—могучий размах пролетарского действия оказывается направленным в ложную сторону, бьющим мимо цели и беспомощно повисающим в воздухе...

Читателю, вероятно, знакома,—из печати, по наслышке или же по опыту,—та длинная, скучная вереница серых, бесцветных, скрипучих годов, какую переживало рабочее движение „передовых“ стран (Англии, Германии, Соед. Штатов, Франции и др.). в конце минувшего XIX-го столетия. Нескончаемая вереница тусклых, безотрадных дней. Тяжелые, хмурые будни рабочей борьбы. Беспросветное, бескрылое, мещанское прозябание рабочей массы,—прозябание, сменившее собою революционные бури 40-х и 70-х годов.

В течение этого долгого ряда лет, рабочее движение всех стран следует, в своем медленном поступательном развитии, одному и тому же шаблону: оно сосредоточивается, с одной стороны, в недрах узко-профессиональных (экономических) организаций, с другой—в лоне социалистических (политических) партий.

П р о ф е с с и о н а л ь н а я о р г а н и з а ц и я и п о л и т и ч е с к а я п а р т и я—таковы, на долгое время, те единственные формы, в которые отливается на Западе рабочее движение, рабочая борьба. При этом, как профессиональная, так и политическая организации рабочего класса могут, конечно, носить, в разных странах, несколько различный характер. Взаимоотношения между той и другой организацией тоже могут быть разны... Неизменным, определенным остается существо дела: профессиональные организации (проф. союзы в Германии и во Франции; трэд-юнионы в Англии; Федерация Труда в Соед. Штатах и т. д.) и политическая партия, постепенно пополняя свои ряды членами-рабочими, становятся, на долгое время, единственными носителями, выразителями и руководителями пролетарских чаяний и пролетарской борьбы.

Совершенно такой же путь развития пробегает ныне—быстро, в сокращенном виде—русское рабочее движение. За какие-нибудь пять месяцев революции, значительная часть русского пролетариата успела распределиться по многочисленным профессиональным организациям и политическим партиям. Рабочая борьба в России, с первых же своих шагов, вступила на путь, по которому медленно двигалось рабочее движение Запада.

* * *

Однако, к концу 90-х годов минувшего столетия, движение это оказывается, повсюду заграницей, в несомненном тупике. Везде, рабочие массы начинают инстинктивно чувствовать, что оне попали в тяжелое, ложное положение, в какой-то заколдованный круг, из которого нет прямого, ясного выхода.

Почти в одно и то же время, мысль сознательных, передовых слоев рабочего класса различных стран приходит, после долгого опыта, к одному и тому же выводу: ни узко-профессиональное движение, ни политические партии не способны вывести пролетариат на широкую дорогу истинной социальной борьбы; ни то, ни другое не в состоянии привести пролетариат к социальной революции, к действительной победе.

Вывод был тяжел и болезнен. Он дался рабочим массам Запада не без мучительных сомнений, колебаний и потрясений. Но, раз будучи сделан, он толкнул эти массы к новым исканиям, к новому творчеству, к созданию новых форм движения, организации и борьбы.

На грани XIX и XX веков, передовые рабочие массы Запада приходят к окончательному, твердому убеждению: в организационном отношении—профессиональные союзы и политические партии не могут об'единить и связать пролетариат в сплоченную, единую трудовую армию, которую можно было бы подготовить к решительной битве с капиталом и противопоставить организованной, об'единенной силе последнего. В отношении прямой революционной борьбы—узко-профессиональные и политические организации оказываются не только непригодными, но просто вредными интересам пролетариата.

Придя к такому заключению, ищущая, творческая мысль рабочих масс Запада стала, естественно, искать выхода, искать нового пути, на котором можно было бы в равной степени избежать гибельных недостатков как узкого профессионализма, так и партийно-политического „действа",—этих Сциллы и Харибды социальной революции.

Энергичные творческие искания передовых рабочих слоев не пропали даром.

На грани XIX и XX веков, пролетариат пришел, в целом ряде стран, к новым решениям, к новым путям и горизонтам, несколько различным, в разных странах, по своим очертаниям и формам, но однородным по своей внутренней сущности: рабочая мысль во Франции, в Соед. Штатах и, незадолго до войны, в Германии и Англии, пришла к необходимости создания,—вместо узко-префессиональных и партийно-политических организаций,—единой, сплоченной, самостоятельной и внепартийной, трудовой, экономически-социалистической и боевой организации. Организации классовой, а не партийной. Организации революционно-социалистической, а не шкурной.

В латинских странах (Франция, Италия) это новое направление рабочей мысли и деятельнсти вылилось в форму так-называемаго „синдикализма"; такая же форма стала, незадолго до войны, намечаться в Англии

и Германии, где рабочие, в значительном числе, покидали ряды партий и юнионов и образовывали ячейки нового движения. В Соединенных Штатах это новое направление проявило себя, за последнее десятилетие, в форме так-называемого „индустриализма“. Везде рабочие массы обнаружили глубокое стремление порвать с прежними приемами организации и борьбы и приступить к созданию новых форм и путей...

Вот почему, грань XIX и XX веков является, в рабочем движении, крупной исторической гранью, которая недостаточно еще ясно учитывается и оценивается современными исследователями, теоретиками, деятелями и самозванными кропателями пролетарского дела. Эта историческая грань ждет еще своей полной оценки. И такая оценка—не за горами.

* * *

Что касается России, то у нас,—с первых же дней революции,—рабочее движение направилось, главным образом, по стопам наших предшественников и революции 1905 года; пролетариат, в главной своей части, принялся строить и заполнять профессиональные организации и кинулся в ряды политических партий. За пять месяцев революции, он перегнал, в этих двух направлениях, своих западных братьев и одним скачком достиг результатов, приобретенных старшими братьями путем долгого постепенного развития. Но, в результате этого скачка, наш рабочий класс тоже попал в тупик, в „тупик революции“, из которого ныне должен быть найден определенный выход.

Подробная беседа об этом выходе предстоит впереди. Пока же, скажем одно: или рабочий класс России найдет, в судорогах революции, тот единственный выход, поиски которого составляют сущность рабочего движения Запада на грани XX го столетия,—или выход не будет найден. В первом случае, революция приобретет новую мощь, новую надежду на полную победу; во втором случае, „тупик“ революции может очень легко оказаться ея поражением.

Мы переживаем критические минуты. Чашки весов Революции то медленно колеблются, то судорожно дергаются. Им предстоит колебаться еще некоторое время. Затем, оне остановятся. От того, сумеют ли русские рабочие во-время, пока чашки весов еще колеблются, бросить на свою чашку новый принцип, новый организационный лозунг, новую идею,—зависят, в значительной (если не в главной) степени, дальнейшая судьба и исход нынешней революции.

К МОМЕНТУ.

(ПТГ „Голос Труда“, № 3, 25 авг. 1917 г.).

События следуют одно за другим, словно в гигантском калейдоскопе, с головокружительной быстротой.

Московское совещание... Прорыв рижского фронта... Контр революционные заговоры...

А что сказать о некоторых других,—быть-может, менее эффектных, но едва ли не еще более трагичных по существу,—«знамениях времени»?

Угрожающая массовая безработица... Призрак полного голода... Общее оскудение жизни... Общий развал...

Да. Это—революция. Подлинная, настоящая революция. Не светлый праздник, не „нечаянная радость“, а великое и тяжкое испытание. В мучительных судорогах, в тяжелых очистительных страданиях рождается новая жизнь...

И вот, как во всякой подлинной революции, так и здесь—у всех, сменяющих друг друга, событий есть единый, связывающий их, глубокий внутренний смысл.

Есть одна основная черта, одна главная, центральная ось, вокруг которой, в сущности, вращаются все эти события, и которая представляется нам единственно-существенной, единственно-интересной, единственно-важной и заслуживающей внимания, с точки зрения интересов трудящихся масс.

Идет великая борьба,—великая, трагическая тяжба,—между двумя вековыми историческими силами, между двумя старыми и смертельными врагами: между капиталом и трудом; между буржуазией и ея рабами. Таково основное, „осевое“ содержание революции. Все прочее, все промежуточное, все то, что стремится примирить, согласовать, сгладить, успокоить,—все это, хотя, быть-может, и характерно, и имеет временно свое значение, но—совершенно несущественно с точки зрения конечных результатов революционного процесса.

Хотим мы этого или не хотим; улыбается нам это или нет,—революция наша неизбежно закончится одним из двух: или, по ея окончании, останется капитализм, останется частная собственность на материалы и орудия труда, останется помещик, фабрикант, купец и останутся, следовательно, все те ужасы, которые неразрывно связаны с капиталистическим порядком вещей,—или же капиталистический строй исчезнет, не устоит, погибнет в горниле кровавых событий, и, „на другой день после революции“, мы начнем жить на совершенно новых началах. Одно из двух: буржуазия будет, или не будет. Буржуазия или победит, или будет побеждена. Или погибнет, или начнет царствовать, по образу и подобию буржуазии западно-европейской.

Обе стороны—и буржуазия, и пролетариат—более или менее отчетливо сознают эту сущность революции. И каждая из сторон стремится к своей, возможно более полной, по возможности исчерпывающей победе.

Таков основной смысл всего, совершающегося ныне. Такова та главная ось событий, без твердого уяснения и постоянного памятования о которой невозможно ни правильно разбираться в текущих событиях, ни верно оценивать и понимать их.

Мы знали всегда и знаем теперь, что в этой великой тяжбе—буржуазия пойдет на все. Она будет, как была всегда и везде, беззастенчивой в выборе средств и беспощадной в их применении. И чем затруднительнее будет становиться ея положение, чем серьезнее будет обозначаться угроза ея владычествованию,—тем бесстыднее будет ея сопротивление революции, тем ужаснее будут меры, применяемые ею против революционного народа.

Все то, что происходит ныне, на глазах у всех, а также все, полу-

чаемые нами из серьезных источников сведения с мест, уже, как нельзя более ярко, подтверждают сказанное.

Буржуазия хочет победить. Всемирная буржуазия стремится погасить начавшуюся революцию, угрожающую ея царствованию. И она не остановится ни перед чем, решительно ни перед чем, ради осуществления свой воли. Вот что мы должны сказать себе твердо, раз навсегда.

Но, у нас есть серьезные основания думать, что, на этот раз, буржуазии,—русской и международной,—не удастся сломить, раздавить, затопить в крови величайший, начатый Россией и медленно, но верно назревающий за границей „бунт рабов". У нас есть основания считать, что даже военные успехи Германии не приведут к „гражданским" успехам и не спасут от угрожающей революции ни самое немецкую, ни международную буржуазию. Слишком уж взбаломучено повсюду народное море. Слишком расшатаны везде устои жизни. Слишком разбушевалась стихия, чтобы можно было теперь, теми или иными способами, укротить, обуздать ее, ввести в нормальное русло, в спокойные берега.. Повелители стихии не ожидали сами такого урагана. И не слишком ли поздно теперь, посеяв ветер, пытаться уловить и унять бурю?..

* *
*

Мы понимаем, однако, что, для конечного успеха революции, требуется величайшее напряжение сил,—повсюду, на местах,—и ни на минуту не прекращающееся дальнейшее углубление и расширение революции там, где она уже началась, т.-е. в России, с целью превращения ея в революцию истинную, в революцию социальную.

Вот почему, каковы бы ни были события и передряги момента,—мы говорим русскому пролетариату, русскому крестьянству, русским солдатам, русским революционерам: прежде всего и паче всего—продолжайте революцию! Продолжайте энергично организовываться и связываться между собою вашими организациями, союзами, общинами, комитетами, советами. Продолжайте неумолимо и неотступно,—везде и всюду,—дело вмешательства в хозяйственную жизнь страны, дело перехода в ваши руки, т.-е. в руки ваших организаций, всех материалов и орудий труда, дело устранения частных предприятий. Продолжайте революцию! Берите в свои руки решение всех жгучих вопросов момента. Создавайте необходимые для этого органы. Крестьяне—берите землю, в ведение и распоряжение ваших комитетов. Рабочие—готовьтесь к переходу в ведение и распоряжение ваших организаций,—всюду на местах,—рудников и копей, промыслов и отдельных хозяйств, фабрик и заводов, машин и мастерских.

В ответ на все удары в спину: в ответ на все ухищрения, на все явные и тайные козни буржуазии,—вы должны еще определеннее, еще настойчивее организовываться, бороться, продолжать революцию.

Мы не видим, в совершающихся ныне событиях, ничего такого, что могло бы заставить нас отказаться от этой единственно-важной, единственно-ценной, единственно-спасительной и единственно-ясной, для трудящихся, задачи дня.

Наоборот. Более чем когда-либо, мы настаиваем ныне на безусловной необходимости отдать этой задаче все силы, все помыслы, всю энергию...

Власть в руки „революционной демократии“, „вся власть Советам“, или—„диктатура пролетариата“?

(„Голос Труда“, № 3, 25 авг. 1917 г.).

Левое крыло социал-демократии ищет и никак не может найти того, кто должен был бы стать хозяином русской жизни, овладеть государственной властью и обратить ее на потребу и пользу трудовому населению.

Одни с.-д. говорят о переходе власти к „революционной демократии“. Другие—еще совсем недавно заменили „устаревший“ лозунг «диктатуры пролетариата» новым лозунгом—„вся власть Совѣтам“, а теперь об‘являют этот последний, в свою очередь, „устаревшим“ и кропят живой водой лозунг „диктатуры“...

Печально обстоит у с.-д-тов дело с вопросом о власти!... Печально потому, что именно этот вопрос представляется нам вопросом чрезвычайной, исключительной важности; вопросом, которому мы придаем центральное значение в дальнейших судьбах революции; вопросом, неясность и неустойчивость которого могут иметь самые гибельные последствия... И, право, нам вчуже жаль партию, в рядах которой нет ни единодушия, ни даже сколько-нибудь определенного, постоянного мнения по вопросу, от ясной постановки и решения которого столькое зависит...

А между тем, решение это—„так близко, так возможно“... Решение вполне логическое, ясное, простое, само собою напрашивающееся (в особенности для с.-д. большевиков). Надо только решительно, смело протянуть к нему руку. Надо решиться произнести последнее, логически необходимое слово: никому не следует овладевать государственной властью. Не надо никакой власти. Вместо власти, „хозяином жизни“ должны стать об‘единенные трудовые организации рабочих и крестьян,—организации, которые,—с помощью тех же солдатских организаций,—должны не «власть захватывать», а непосредственно перенять в свои руки землю и другие материалы и орудия труда и установить—всюду на местах—новый порядок хозяйственной жизни.

«Обыватели» и «лентяи» спокойно подчинятся новому порядку вещей. Буржуазия,—без солдат и без капитала,—естественно останется и без власти. Тродовые организации свяжутся между собою и сообща наладят производство, распределение, передвижение и обмен товаров на новых началах, создавая для этой цели, по мере надобности, необходимые центры, органы и связующие узлы. Тогда, и только тогда, победит революция. Только такая „диктатура“ (не властная, не политическая, не централистская) приведет к цели.

До тех же пор, пока политические партии будут спорить между собой из-за власти и вовлекать в эти распри рабочие массы, разбивая их и вызывая на неудачные политические выступления,—до тех пор не может быть и речи ни о победе революции, ни даже—о сколько-нибудь глубоком социальном переустройстве жизни.

Надо надеяться, что, если левая с.-д-тия так и не придет к указанному решению и выходу, то сами массы на местах вынуждены будут жизнью,—в конце концов,—приступить к нему. И мы думаем, что об'ективные условия эпохи и обстановки несут в себе зародыши такого разрешения „гордиева узла революции" и могут привести к такому выходу.

Само собою разумеется, что мы отнюдь не хотим быть пророками. Мы лишь предвидим известную возможность, известную тенденцию, которая может и не осуществиться. Но в этом последнем случае, нынешняя революция окажется еще не победной, не окончательной, не великой социальной революцией, и разрешение задачи, которую мы намечаем, ляжет на одну из грядущих революций.

ВМЕСТО ПЕРЕДОВОЙ.

(„Голос Труда", № 9, 6 Окт. 1917 г.).

Издавна принято посвящать передовые статьи глубокомысленным размышлениям о „текущих событиях". И я охотно верю, что оно так и должно быть. Газета живет недолго: один день, неделю... Естественно, что от нея ждут, прежде всего, живого отклика на злобу этого дня, этой недели.

Что делать, однако, если события, в один прекрасный (или не прекрасный) момент, как-будто перестают „течь" и, расплывшись на время бесформенным, мутным пятном, превращаются в стоячее болото, не обнаруживающее никаких ясных признаков „течения"?

Именно таков, в его целом, настоящий момент. Река событий, до сих пор то спокойно протекавшая по равнинам, то - чаще—бурно кипевшая по стремнинам гор, низринулась, наконец, в глубокую котловину и—остановилась, застыла,—правда, продолжая глухо бурлить в глубине своей, у самого дна, но не находя ясного пути своему дальнейшему разбегу.

Да будет же мне позволено, в такой момент, вместо беседы о „текущих событиях", воспользоваться временной приостановкой течения и, бросив взгляд назад, окинуть „мысленным взором" пройденный путь.

Меня тем более соблазняет эта мысль, что, лишь на днях вернувшись, после месячного отсутствия, в нашу „революционную столицу", я—признаться—не успел еще как следует проникнуться ея новыми настроениями, запросами и интересами.

Итак, оглянемся назад и—подведем некоторые итоги.

* * *

Вы помните, конечно, первые дни, первые недели революции? Дни праздничного ликования, дни восторженных упований и ничем, почти ничем не омраченной радости... Дни весенние, дни голубые, дни солнечные...

Где они теперь, эти невозвратимые дни?.. Где былые надежды? Где осиянная радость революционной, красной весны, первой воистину „красной“ Пасхи?.. Где они?..

Пришла осень.

Свинцовое небо. Свинцовые тучи. Тяжелые, молчаливые, осенние слезы...

Пришла такая же тяжелая, мучительная, кошмарная жизнь в темном тупике, в стоячем болоте, в мрачной котловине революции...

Как страшно изменилось все вокруг нас и в нас самих!.. Каким ужасом, каким зловещим мраком затянулись былые упования и радости...

Какими темными, беспросветными буднями сменился сияющий праздник революции... Какими тяжкими сомнениями отравлена бодрая, ясная уверенность первых дней...

* * *

Почему же не оправдалась радость? Почему не сбылись надежды? Почему великая революция, так бодро, так уверенно, так сильно и величаво начатая, докатилась ныне до темной бездны, вместо ясного, светлого, творческого, неомраченного развития? Почему?

В борьбе новых сил, высвободившихся из-под обломков разрушенного здания, только одно могло сразу направить революцию на истинный, широкий и творческий путь. Только одно могло поддержать, подхватить и поставить на новые рельсы всю хозяйственную жизнь страны. Только одно могло развернуть перед революцией действенные общественные горизонты. Только одно могло направить по верной дороге и повести к решению весь страшный вопрос о войне. Только одно: с первых же дней революции, вся трудовая Русь, все трудовое население городов и деревень—рабочие, крестьяне, и, отчасти, солдаты—должны бы были, создавая сеть своих трудовых, внепартийных, массовых организаций и деятельно об'единяя их между собою, приступить немедленно к разработке и воплощению в жизнь плана перенятия „в свои руки“,—то-есть, в ведение и распоряжение этих организаций,—всей хозяйственной жизни страны. С первых же шагов революции, массы должны бы были направить всю свою энергию на работу по предварительной организации, подготовляя как дальнейшую планомерную экспроприацию всех средств производства, так и перенятие в свои руки всего дела передвижения и распределения продуктов, всей продовольственной задачи.

Ясно, что эта громадная организационная задача должна была бы решаться беспартийно и отнюдь не на основах властного принуждения. Ясно, что вся эта задача была бы задачей творческой и устрояющей. Ясно, что эти же организации должны бы были действенно и ясно поставить и решить вопрос войны и мира; что только оне могли бы решить его!

Ясно, что все силы должны были быть направлены на эту многостороннюю, творческую задачу. Ясно, что вся социалистическая, честная интеллигенция должна была помочь массам выполнить эту сложную задачу своими знаниями, советами, раз'яснениями...

Было ли это сделано? Таким ли путем шел революционный процесс?

Оглянитесь назад. Вы увидите, что на это, единственно-необходимое дело не было обращено ни малейшего внимания.

Массы, слишком темные и неподготовленные, были не в силах сразу же осознать этот путь и вступить на него.

Интеллигенция, демократия—да будут они прокляты историей!—по старой привычке, послушные нелепой догме „научного социализма", потянулись к верхам, к центру, к „политической власти"... Началось—там, на верхах—великая партийная междоусобная брань. Начался дикий „танец программ". Началась безумная „пляска власти", закончившаяся, пока что, неслыханным в истории трагическим фарсом—„Демократическим Совещанием", с необычайной яркостью (увы, не для слепых!) разбившим последние иллюзии ребяческой „идеи власти"... Начались бесконечные прения во всякого рода политических говорильнях, где одни и те же люди, словно привидения, появлялись, кружились, говорили, исчезали, снова появлялись и снова исчезали... Живого дела, действия, творчества—не было.

А жизнь,—та самая жизнь, которую надо было неотложно налаживать и создавать творческими усилиями массовых организаций на местах,—эта жизнь разваливалась, рассыпалась, загнаивалась...

Советы, руководимые все теми же политическими болтунами, все более и более повисали в воздухе. „Правительство" занималось ребяческой игрой во власти, шушуканиями, пререканиями и интригами...

Что же удивительного, что, после семи месяцев этой нелепой, безумной политической оргии, этого бреда политически помешанных людей, вся подлинная народная жизнь, а вместе с нею и революция оказались в тупике и разлились в нем смрадным, чадящим болотом?!

Какой ужас!..

Какая боль—видеть и сознавать все безумие совершающегося и... быть бессильным остановить, образумить преступников, слепцов и трусов революции!..

* * *

Люди часто спрашивают: возможен ли еще творческий выход из создавшегося положения? Возможно ли еще истинное спасение революции?..

Наверху—тупые политиканы, пустые болтуны, бессовестные ренегаты и жалкие, не верящие в свободный размах и творчество масс, трусы; внизу—еще недостаточно сознательные, во многом темные, ощупью ищущие дорогу и пробивающиеся сквозь тьму массы... А за сценой—развалившаяся, разоренная, гибнущая жизнь, кишащая всевозможными кошмарными призраками: голода, разгромов, погромов, гражданской войны, диктатуры и пр.,—призраками, готовыми каждую минуту облечься в плоть и кровь, ворваться на сцену и, под свист и улюлюканье нечистой силы, раствырять в разные стороны как участников, так и зрителей великой траги-комедии... Куда мы идем? Куда идет революция?—в судорогах отчаяния спрашивают себя люди, и зачастую не находят ответа.

Мне предстоит еще, в последующих номерах „Голоса Труда", подробно остановиться на ряде выдвигаемых революцией и моментом жгучих вопро-

сов (о тупике революции и о выходе из него; об организации масс; о власти; о Советах и об Учредительном Собрании, и т. д.),—вопросов, отчасти уже затронутых мною в некоторых статьях первых четырех номеров газеты.

Пока же—скажу, в заключение, одно:

Или—в дальнейшем ходе революции, в результате происходящих ужасов, бедствий и передряг, после приостановок, новых вспышек, откатов назад, столкновений, ошибок, быть-может, даже гражданской войны и временной диктатуры,—массы, в непрекращающихся творческих исканиях, сумеют, наконец, довести свое сознание до той высоты, которая позволит им направить свои творческие силы в русло самостоятельной организации и созидательной деятельности на местах. И тогда—спасение и победа революции будут обеспечены.

Или—массы так и не сумеют построить, в процессе этой революции, свои собственные, об'единенные между собою и прямо направленные на созидание новой жизни, организации. В этом случае, революция будет, рано или поздно, задушена; ибо, довести революцию до победного конца могут только такие организации...

Есть серьезные шансы за то, что сама жизнь, на этот раз, неизбежно (хотя, быть-может, еще и не так скоро; но, социальная революция и должна быть длительным процессом) приведет массы к явной необходимости взять задачу переустройства жизни в собственные руки, т.-е. в руки своих, приспособленных, со временем, к этой цели, организаций.

На этой почти неизбежности мы должны основывать все наши надежды.

КОНЕЦ ЛИ ЭТО?

«Голос Труда», № 11, 20 окт. 1917 г.).

Возможный переход „всей власти" (правильнее—захват политической власти) в руки „Советов"—конец ли это? Все ли это? Завершит ли этот акт разрушительную работу революции и откроет ли он двери к великому социальному строительству, к дальнейшему творческому разбегу ея?

Победа „Советов", если она станет фактом, и дальнейшая новая „организация власти"—будут ли, действительно, победой труда, победой трудовой организации, началом социалистического переустройства? Эта победа и эта новая „власть",—выведут ли оне революцию из тупика? Бросят ли оне революции, массам, человечеству новые творческие горизонты и откроют ли оне революции истинные пути к созидательной работе, к разрешению и улажению всех жгучих вопросов, нужд и интересов эпохи?

Все зависит от того, какое содержание вложат победители в лозунг „власти", в понятие „организации власти"; от того, как, в дальнейшем, будет использована победа теми силами, в руках которых окажется, на другой день после победы, эта так-называемая „власть".

Если под словом „власть" понимать переход в руки рабочих и крестьянских организаций, поддерживаемых организациями военными, всей твор-

ческой работы и организации жизни всюду на местах,—работы, в процессе которой, созданные на местах организации естественно и свободно об'единятся между собою, приступят к новому общественно-хозяйственному творчеству и поведут революцию к новым горизонтам мира, экономического равенства и действительной свободы;

Если не подразумевать под лозунгом „власть Советам“ организации политически-властных центров на местах, подчиненных общему государственно-политическому властному центру—Совету Петрограда;

Если, наконец,—после победы,—политическая партия стремящаяся к господству и власти, отойдет в сторону и, действительно, уступит место свободной самоорганизации трудящихся; если „власть Советов“ не явится, на деле, политически-государственной властью новой политической партии,—тогда, и только тогда новый кризис сможет стать последним кризисом, началом новой эры.

Но если под „властью“ разуметь организацию сильных партийно-политических центров, руководимых властным государственно-политическим центром в Петрограде; если „переход власти в руки Советов“ будет, на деле, означать захват политической власти в руки новой политической партии, с целью сверху, „из центра“ перестроить, при помощи этой власти, общественно-хозяйственную и трудовую жизнь населения и разрешить все сложные вопросы эпохи и момента,—то этот новый этап революции отнюдь еще не будет окончательным.

Для нас не подлежит никакому сомнению, что и эта „новая власть“ ни в каком случае не сумеет не только приступить к „социалистическому переустройству“, но даже удовлетворить ближайшие нужды, потребности и запросы населения.

Мы не сомневаемся, что в этом, втором случае, массам предстоит очень быстро разочароваться в „новом идоле“ и обратиться к иным путям, отбросив и новых богов...

Тогда, после некоторого, более или менее продолжительного перерыва, борьба неминуемо возобновится. Начнется третий и, на сей раз, последний этап Русской Революции,—этап, который сделает ее поистине Великой Революцией: начнется борьба между живыми силами, выдвигаемыми творческим порывом народных масс на местах, т.-е. между непосредственно и самостоятельно действующими на местах рабочими и крестьянскими организациями, переходящими к прямой экспроприации земли и всех средств потребления, производства и передвижения,—организациями, приступающими, таким образом, к самостоятельному созиданию своей истинно новой жизни, с одной стороны,—и отстаивающей свое существование централистской социал-демократической властью, с другой стороны. Борьба между властью и безвластием. Борьба между двумя издревле ведущими спор социальными идеями: марксистской и анархической.

И лишь полная исчерпывающая победа анархической идеи,—идеи безвластия и естественной, свободной самоорганизации масс,—будет означать истинную победу Великой Революции.

Мы не верим в возможность истинного завершения социальной революции „политическим“ путем, при котором дело переустройства и разре-

шения сложнейших, колоссальнейших и разнообразнейших задач нашего времени начинается с политического акта, с захвата власти, начинается сверху, из центра...

Поживем,—увидим...

О так-называемом „выступлении"*).

(„Голос Труда", № 11, 20 окт. 1917 г.).

Нас спрашивают, с разных сторон, как относимся мы к возможному предстоящему выступлению масс с лозунгом „вся власть Советам", и примем ли мы в нем участие.

Ответим кратко:

1) Поскольку мы вкладываем в лозунг „вся власть Советам" совершенно иное содержание, нежели то, которое вкладывается, по нашему мнению, в этот лозунг партией с.-д. большевиков, призванных событиями „руководить" движением; поскольку мы не верим в возможность широких горизонтов для Революции, если эти горизонты открываются путем политического акта—захвата власти; поскольку мы, таким образом, относимся отрицательно к политическому выступлению масс за политические лозунги, под влиянием идейной пропаганды политической партии; поскольку мы совершенно иначе мыслим как самое начало, так и дальнейшее развитие истинной социальной революции,—постольку мы относимся к данному выступлению отрицательно.

2) Если, тем не менее, выступление масс будет иметь место, то мы, как анархисты, примем в нем самое активное участие. Мы не можем не быть за-одно с революционной массой, хотя бы она шла и не по нашему пути, не за нашими лозунгами, и хотя бы мы предвидели неудачу выступления. Мы всегда помним, что заранее предусмотреть направление и исход массового движения нельзя. И мы считаем, поэтому, всегда нашим долгом участвовать в таком движении, стремясь внести в него наше содержание, нашу идею, нашу истину.

О ВОССТАНИИ.

(«Гол. Тр.», № 12, 27 окт. 1917 г.).

Очень характерный обмен мнений имел на-днях место между тремя деятелями.

Большевик Рязанов, по вопросу о „восстании", сказал, что „восстание подготовляют все те, кто создают в массах настроение отчаяния и индифферентизма".

В. Базаров (в „Новой Жизни") поставил, по этому поводу, вопрос: „Разве отчаяние и индифферентизм когда-либо побеждали"?

*) Заметка эта, весьма характерная для освещения позиции анархистов по отношению к октябрьскому восстанию и дополняющая мысли, развитые в других, связанных с окт. восстанием, статьях, напечатана была от имени „Петроградского Союза Анархо-Синдикалистской Пропаганды", целиком разделявшего проводимую в ней точку зрения. В.

Н. Ленин, подтверждая правильность мысли Рязанова, пишет („Раб. Путь", № 42):

„О, презренные дурачки из „Новой Жизни"! Они знают такие примеры восстания в истории, когда массы угнетенных классов побеждали в отчаянном бою, не будучи долгими страданиями и крайним обострением кризисов всякого рода доведены до отчаяния? Когда эти массы не охватывал индифферентизм (равнодушие) к разным лакейским предпарламентам, к пустой игре в революцию, к низведению либерданами Советов с органов власти и восстания до роли пустых говорилен"?

Несомненно, все трое правы—каждый по-своему.

Рязанов совершенно прав, утверждая, что подобного рода „восстание подготовляют все те, кто создают в массах настроение отчаяния и индифферентизма".

Ленин совершенно прав, указывая на то, что и в прошлых революциях восстания вызывались, по существу, теми же причинами.

Базаров совершенно прав, сомневаясь в победоносности восстания. Он мог бы ответить Ленину: „Примеров, когда массы побеждали, будучи доведены до отчаяния, в истории еще не было. И именно поэтому, я сомневаюсь и на сей раз в победе".

В чем же дело?

Во-первых, Ленин забыл, что вопрос идет о социальной революции, о социальной победе; Ленин забыл, что ни одна из прежних революций не была победной, с точки зрения трудящихся масс; что массы, восстававшие (совершенно верно, т. Ленин!) всегда и всюду под влиянием „настроения отчаяния и индифферентизма", ни разу еще не победили, в социальном смысле слова.

Во-вторых (и в этом—суть), ни Ленину, ни Рязанову, ни Базарову не приходит в голову одно очень простое рассуждение:

Да. Во всех прежних революциях, „игра в революцию", вместо „делания революции" (то-есть, распри партийных лидеров на верхах из-за власти, вместо серьезного социально-революционного творчества, вместо подготовления истинно-классовой экономической революции в низах, рука-об-руку с массой),—эта „игра" неизбежно приводила массы: 1) к „отчаянию и индифферентизму"; 2) логически—к восстанию „в отчаянии"; и 3) к конечному поражению революций.

Да. И наша революция,—в ту первую свою пору, когда никто и ничто не могло еще помешать ей ни развернуться и укрепиться творчески, ни (раз укрепившись) свободно развиваться далее в том же направлении, ни, наконец, завершиться совершенно иного типа восстанием,—и наша революция, увы! выродилась в такую же политическую „игру в революцию": борьбу партий за власть.

Да. И с.-р—ы, и меньшевики, и большевики, с их „лидерами", сами повинны в нарождении отчаяния и индифферентизма „к пустой игре в революцию", а, стало-быть, и в роковом назревании шаблонного (политического) типа восстания: повинны постольку, поскольку все они,—вместо живой, творческой работы в массах и непосредственной по-

мощи массам на пути дальнейшей стройки, совершенствования, об'единения массовых организаций и сознательного направления их на планомерную экспроприацию,—сами принимали живейшее участие в этой политической „игре в революцию", в разных „совещаниях", политических махинациях и пр.; поскольку все они гнались за „властью", за „политическим результатом", и направили в эту же, ложную сторону внимание и энергию масс.

Пока все эти господа, в первые (самые ценные и свободные) месяцы революции, „играли" в нее,—время уходило. Массы так и не стали на верный путь делания (организации) революции. Контр-революция, предоставив „партиям", сколько угодно, „играть", тем временем сорганизовалась и подготовилась. Пришел, наконец, неизбежный, в таких условиях, ужас жизни и привел с собой неизбежность восстания, вызываемого (совершенно верно, т. т. Рязанов и Ленин!) как и в прежних, побежденных революциях, „отчаянием и индифферентизмом", на почве „долгих страданий и обострения кризисов всякого рода"... А можно было избежать и этих „страданий", и этих „кризисов", если бы „политические партии" перестали быть „политическими партиями" и совершенно иначе взялись бы за дело!..

Да. Победоносная социальная революция осуществится не этим путем. Ея восстание будет не „ленинским" восстанием...

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

(„Голос Труда", № 12, 27 окт. 1917 г.).

Очень возможно, что настоящий номер „Голоса Труда" выйдет уже „задним числом", то-есть — при совершенно новой „политической обстановке".

Завеса взвивается. Ближайшее будущее выяснит, в чьих руках фактически окажется «власть», какою эта власть, по существу, будет, и что она сумеет сделать для Революции.

Мы уже говорили, что переживаемый ныне перелом лишь в том случае послужит началом социальной революции, если, «на другой день» после победы, в слово «власть» будет вложена не идея новой политической власти партии в ценре, а идея свободного устройства новой жизни, всюду на местах, свободными и свободно об'единяющимися между собою рабочими и крестьянскими организациями.

Следует также помнить, что сама по себе победа «новой власти» будет лишь тогда обеспеченной, и эта власть сможет лишь тогда приступить к творческой работе и организации новой жизни, когда победители решительно справятся с очень возможными дальнейшими противодействиями и со всякими общими затруднениями.

Грядущее чревато еще многими неожиданностями.

Победители должны твердо помнить, что лишь при действительном осуществлении социальной революции, т.-е. при полном обеспечении нужд, требований и запросов страдающей и угнетенной массы населения, революция сможет найти в себе силы, необходимые для ея

укрепления, дальнейшего ризвития и — в случае надобности — для ея защиты.

В противном случае — до конечной победы еще далеко.

Будем надеяться, что Революция, в конечном счете, преодолеет все препятствия, войдет на широкую творческую дорогу и даст полный результат.

От нас, анархистов, многое зависит в этом отношении.

И мы должны быть готовы к новой борьбе, к новой работе, к великому созиданию истинно-новой жизни.

ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(„Гол. Тр.", № 13, 3/16 нояб. 1917 г.).

Сложность перехода от еженедельной газеты к ежедневнику лишила нас возможности высказываться в течение целой недели.

Семь дней вынужденного молчания — в такое время, когда каждый пережитой час измеряется годами!

Неделя молчания — когда каждый отжитой день меняет положение вещей, повелительно требуя нового слова, нового освещения, раз'яснения, указания!

Притом, мы, анархо-синдикалисты, занимаем в революции совершенно особое место. Наш голос должен раздаваться непрерывно, чтобы к нам прислушивались, чтобы нас знали, чтобы нас не искажали... Первый раз в России мы можем говорить и действовать свободно.

Как же относимся мы к разразившейся „второй революции?" Как понимаем ее?

* * *

Люди, хоть несколько знакомые с нами, знают, что мы относимся отрицательно ко всем, без исключения, политическим партиям.

Мы не признаем путей, предлагаемых этими партиями.

Мы не признаем захвата политической власти. Не признаем раздоров между партиями и их споров из-за власти. Не признаем организации рабочего класса в политическую партию.

Мы не признаем политического пути революции.

Мы говорим: с самого начала русской революции, то-есть с марта месяца, трудящиеся массы должны были организовываться беспартийно в свои трудовые, классовые организации, об'единяя их между собою и направляя на единственно-необходимую цель — перенятие в свое ведение и распоряжение всех „материалов для труда" и всей хозяйственной жизни.

Мы говорим: именно в первые месяцы революции никто не мог и не стал бы мешать этой стройке, этому об'единению, этому делу.

Люди знания, люди опыта, люди образованные, интеллигентные — должны были, с первых же дней революции, заняться не политической борь-

бой, не политическими лозунгами, не „организацией власти“, а организацией революции. Они должны были содействовать массам в развитии и усовершенствовании выдвинутых ими организаций и направить деятельность, энергию, внимание масс на организационную подготовку действительной, экономической, трудовой революции.

Никто в то время не мешал бы им.

Рабочие, крестьяне и солдаты были бы дружны в этой общей работе. Революция шла бы быстрыми шагами, по прямой дороге. Она пустила бы, с первых же дней, глубокие корни—тем более, что масса сама, в стихийном порыве, создала сеть своих организаций, и надо было лишь внести в это строительство известную планомерность, сознательность, идейность...

О, если бы, с самого начала, все честные революционеры, вся социалистическая печать и пр. отдали свои силы, свое внимание и энергию на эту сторону дела!... Пути революции были бы иными...

Увы! Именно этого не было сделано.

Еще один раз политические партии направили революцию в политическое русло, разбивая рабочие массы на фракции, отвлекая их от единственно-важной задачи...

Массовые организации глохли, вырождались, отрывались от жизни, повисали в воздухе.

Все внимание партий, людей и печати ушло на „политику“; на вопросы „программ“, политических взглядов, организации власти, борьбы за власть и т. д.

Революция пошла кривой, политической дорогой. Массы были сбиты с пути, потеряли свои истинные позиции и увлечены были в сторону политическими лозунгами и целями.

Увы, этот, политический путь революции имеет свои железные законы, свою роковую последовательность. Он неизбежно должен приводить революцию (и приводил все прошлые революции) к тупику и взрыву.

Мы всегда предвидели этот роковой путь и его логическое завершение. И мы не ошиблись.

Вот почему, мы, до последней минуты, не переставали всеми силами бороться против политического пути революции и против политических партий, в том числе—большевиков. Мы направили на них всю нашу критику и, до последнего часа, не прекращали ея. Еще в 12-м номере „Голоса Труда“, вышедшем за день до начала новой революции, мы продолжали эту критику. И на прямой вопрос относительно предстоящего „выступления“, мы отвечали: поскольку неверный политический путь роковым образом приводит к политическому выступлению, постольку мы относимся к нему отрицательно.

Но,—добавляли мы,—раз движение станет фактом и примет массовый характер,—мы будем, как всегда, с революционными массами.

И вот, час пробил. Неизбежная, при политическом ходе революции, развязка наступила.

Не отказываясь, разумеется, и ныне от критической оценки событий вообще и деятельности отдельных партий в частности, мы должны, однако, обратить главное наше внимание на другую сторону.

* * *

Революция стала снова массовой. События стали стихией. Не в „большевиках“ теперь дело. Перед лицом новой бури они сами отходят в тень...

Роковое свершилось. Неизбежное началось. Жребий брошен. Возврата нет.

Только слепцы или сознательные лжецы могут теперь твердить об „авантюре“ и „заговоре“...

Нет, нет! Все политические партии (а не одни только большевики) повинны в том тупике, в который была загнана революция. Но теперь она выбита из этого тупика и мчится снова по большой дороге.

Не в „большевиках“ теперь дело. Дело в том, что масса снова творит революцию. И дело,—главное,—в том, что у этй революции есть, все же, крупные шансы выйти, в конце концов, на прямую дорогу.

События приобретают теперь громадный смысл. Революция и контрреволюция, успевшая окрепнуть, пока массы занимались политическими погремушками,—снова и решительно скрестили шпаги.

Вот где основной смысл момента.

Революция сделала новый судорожный скачек, вырвалась из тупика и бешено мчится вперед. Против нея идет контр-революция. Волей-неволей, надо быть или с той, или с другой из сил. Средины нет. Или с революционной массой против врага, или с врагом против Революции.

Гражданская война, которую мы давно предвидели, началась.

В ней две силы, два лагеря, две армии.

Кто за Революцию,—тот должен быть, как всегда, с революционным народом.

Кто не с ним, тот против него. Тот, силою вещей, против Революции.

Истинные революционеры должны и теперь, как всегда, итти рука об руку с революционными массами. Действовать с народом. Помогать народу. Творить в народе. Бороться в рядах народа...

И,—если так надо и так суждено,—умирать с народом!



„ДЕКЛАРАЦИЯ“ И ЖИЗНЬ.

(„Голос Труда“, № 14, 4/17 нояб. 1917 г.).

Мы напечатали вчера, в качестве документа, „Декларацию прав народов России“.

Бумажные памятники Второй Русской Революции растут, растут...

Историки будут, несомненно, с любопытством рыться в этих «останках» и посвятят им немало красивых и громких страниц.

Но—что скажет жизнь? Ибо, революция должна твориться не для истории...

Жизнь же скажет вот что: точка зрения необходимости единого централизованного государства в действительности несовместима с предоставлением истинной свободы национальностям. В решительную минуту—марксист-государственник (если только он остается таковым) никогда не решится на отпадение «входящей в состав государства» нации. Ибо, допущение распыления и размельчания государства явно противоречит идее необходимости государства в целях мощного хозяйственного и иного развития. Ибо, нельзя варить марксистское социалистическое снадобье в котле, рассыпающемся на отдельные черепки...

Только не-государственники (анархисты) могут действительно и смело итти до конца в вопросе о свободе национальностей. Ибо только они выдвигают, вместо принципа государственного об'единения, принцип об'единения людей на основе свободного союза организаций и общин, городов и деревень, вне государственных и национальных рамок.

Вывод: или Ленин и его товарищи должны открыто и прямо отказаться от государственнической точки зрения,—или «Декларация» рискует остаться лишним бумажным памятником в «Истории Великой Русской Революции». Воплотить в жизнь и государственное начало, и «Декларацию» —невозможно.

НОВАЯ ВЛАСТЬ.

(„Голос Труда“, № 14, 4/17 нояб. 1917 г.).

Где начинается власть, там кончается революция.

Где начинается „организация власти“, там кончается организация революции.

Выражение „революционная власть“ имеет ровно столько же смысла, сколько выражения «горячий лед» или „холодный огонь“. То-есть, не имеет никакого смысла.

Для одержания необходимой победы над буржуазией и для оказания решительного противодействия контр-революционным силам в момент переворота, нет необходимости: ни в политической партии, ни в политической организации масс, ни в дальнейшей организации власти. Наоборот: именно организация революции, то-есть, об'единение крестьян, рабочих, солдат, служащих и т. д. в

неполитические, беспартийные, трудовые организации, с прямой целью дружного перенятия в свои руки производства, распределения, передвижения и всей, вообще, хозяйственной жизни,—именно такое свободное об'единение, а не создание новой власти, может, проще всего и верней всего, подготовить осуществить, в особенности же—укрепить и развить победу Революции.

Именно свободное, не „властное" об'единение масс и свободное революционное творчество массовых организаций может, с самого начала, легко и вполне обеспечить эту победу.

* * *

При политическом ходе вещей, по рецепту „организации власти", мы увидим следующее: как только первая революционная победа восставшего народа (победа, добытая, благодаря все тому же партийно-политическому пути, неимоверно дорогой ценой) станет фактом, —наша „вторая революция" тотчас же остановится. Вместо необходимого (для упрочения и развития победы) дальнейшего самостоятельного революционного творчества масс всюду на местах,—мы будем созерцать: отвратительный „торг власти" в центре, ненужную «организацию власти» в центре и, наконец, нелепую „деятельность" этой новой власти в центре, этого нового «всероссийского» правительства.

Такой „торг", такая „организация" такое „правительство"—уже намечаются. Блок социалистических партий, вероятно, поставит у власти коалиционное (сборное) социалистическое министерство —о, конечно, под контролем какого нибудь „Совета"...

Советы и другие организации на местах—должны будут, разумеется, зависеть от центрального Совета и от Правительства; должны будут подчиняться центру, „признать" его... „Вся власть Советам" превратится, на деле, во власть партийных лидеров в центре. Вместо свободного естественного союза вольных деревень и городов, естественно и свободно налаживающих новую хозяйственную и общественную жизнь, мы увидим сильный государственный центр, „твердую революционную власть" —предписывающую, давящую, карающую...

Или будет так, или—власти не будет вовсе. Середины нет и быть не может. Фразы о „местной автономии", при наличности действующей государственной власти, всегда оставались, остаются и будут оставаться пустыми фразами на бумаге.

* * *

Выполняя свою „программу", идя по политическому пути, по пути „организации власти",—большевики уже вынуждены отступать и уступать. Понятное движение, неизбежное при политическом ходе революции, уже началось. С одной стороны, большевики уже начинают сами намекать на то, что дело идет еще не о социализме. С другой стороны, они уже, роковым образом, идут на сделку с „социалистами"-реформаторами. Прикидываясь наивными простачками, они пишут по поводу намечающегося блока („Известия" от 1 ноября, № 213,

передовая статья): „Это и есть то, что с самого начала проповедывали большевики, которые давно уже настаивали на том, что власть должна принадлежать революционной демократии, т.-е. Советам, а значит, и партиям, входящим в состав этих Советов“ (курсив мой В.).

Мало-мальски разбирающиеся самостоятельно рабочие,—надо надеяться,—скоро поймут, что „революционная демократия“, „Советы“ и „партии“—отнюдь не одно и то же, и что, в этой обычной неразберихе по вопросу о власти, ясно одно: власть будет принадлежать фактически горсти политических лидеров, набранных из всех партий. Лидеры большевизма (имевшие, по крайней мере, смелость приложить к жизни свой политический лозунг) вырвали этот жар из жаровни „социалиста“ Керенского. Лидеры других партий хотят получить чужими руками,—каждый для себя,—хоть по паре угольков... И получат! Получат... если, конечно, сия пресловутая „организация власти“ не будет сорвана самими массами, организующими революцию.

* *

Сумеет ли что-нибудь дать народу эта новая, налаживающаяся власть?

Несомненно, кой-что попытается дать. (Без этого, она не продержалась бы и месяца).

Но—забудьте, рабочие, о социальной революции, о социализме, об уничтожении капиталистической системы, о вашем полном раскрепощении, если вы собираетесь ждать всего этого от новой власти! Этого и новая (как никакая) власть вам не даст.

Вы хотите доказательств?

Не забывайте, во первых, что сами большевики с опаской говорят о полной, социалистической революции. И не забывайте, во-вторых, что (за исключением примыкающих в этом вопросе к большевикам с.-р.-максималистов) все остальные социалистические партии, которые тоже будут у власти, громко или молчаливо признают эту революцию буржуазной.

Это значит, что на своем правом фланге социалистическая власть будет непосредственно сливаться с буржуазными слоями, растворяться в них, отражать их, прислушиваться к ним, служить им.

Это значит, что все социалистические партии готовы будут всегда,—при первом же подходящем поводе, в первую же трудную минуту (то-есть, как раз тогда, когда оне нужнее всего будут пролетариату в его борьбе),—готовы будут покинуть пролетариат и пойти на соглашение с буржуазией.

Это значит, что и большевики, мало-по-малу,—от уступочки к уступочке,—неизбежно будут засосаны болотом сделок, соглашений, закулисной политики, осторожности и умеренности.

Это значит, что от большевизма до капитализма—фронт, все-же, остается, по существу, „единым“, без перерывов... Увы, таковы роковые законы политической борьбы...

* * *

Вы скажете, что будете протестовать, бороться, восставать и действовать самостоятельно на местах?

Прекрасно. Но будьте готовы к тому, что ваши выступления сочтутся „самочинными“, „анархическими“; что „социалисты у власти“ обрушатся на вас, под этим предлогом, со всею силою „социалистического“ авторитета; и что те слои населения, которые будут удовлетворены новым правительством (которым оно „кое-что“ даст), а также все одержимые усталостью, злобой и ненавистью,—станут против вас.

При свержении самодержавия, с вами были почти все.

В борьбе с Керенским—вы были уже более одиноки.

Если же теперь вы дадите (и события позволят) новой власти окрепнуть; если вам предстоит, в будущем, начать борьбу с этой сильной властью,—вы будете горстью.

Вас раздавят беспощадно, как „безумцев“, как „фанатиков“, как „анархистов“, как „разбойников“... И на ваших могилах не поставят даже памятника...

ДВЕ СТОРОНЫ.

(«Гол. Тр.», № 14, 4/17 нояб. 1917 г.).

Началась и развивается вглубь массовая, пролетарская Революция. Долг каждого сознательного рабочего, крестьянина и солдата, долг каждого честного революционера—стать за Революцию, участвовать в ней, помогать ей.

Это—одна сторона дела,

Революция грозит окончиться организацией в России новой, сильной государственной власти. Долг каждого сознательного рабочего, крестьянина и солдата, долг каждого честного революционера—относиться недоверчиво к новой власти, не давать ей „забрать силу“. Долг каждого—возбуждать самодеятельность и творчество масс на местах, помогать им в создании собственных, свободно и стройно об'единяющихся между собою организаций. Надо, чтобы новая жизнь России налаживалась в виде союза вольных городов и деревень, союза трудовых организаций.

Это—вторая сторона дела.

ОТ ТУПИКА К ТУПИКУ.

(„Гол. Тр.“, № 15, 6/19 нояб. 1917 г.).

Вопрос о мире—давно находится в тупике, вывести из которого может лишь прямое действие народных масс против войны.

Вопрос о хозяйственном развале, о надвигающемся голоде, о полной остановке производства—все стремительнее несется к тупику же, вывести из которого могла бы только непо-

средственная самоорганизация и, далее, смелая, энергичная созидательная работа трудящихся масс—крестьянских и городских—повсюду на местах.

Вопрос о власти—переходит от одного тупика к другому. И нет решительно никакой надежды на то, чтобы, идя по этому пути, Революция могла выйти на широкую дорогу.

Что попытка политической „диктатуры пролетариата", осуществляемой сверху, терпит крах,—это теперь ясно уже многим. Серьезный раскол среди самих большевиков—яркая к тому иллюстрация.

Но, с другой стороны, ухватившиеся ныне за этот раскол и крах меньшевики и с.-р-ы не хотят видеть, что их позиция „соглашения"—увы!—тоже ничто иное, как тупик Революции, только с „заднего" конца. Они находят (как и отколовшиеся от „диктаторов" соглашатели-большевики), что „единственным выходом из положения является создание правительства из всех советских партий".

Про такие „выходы из положения", какими все время занимаются господа социалисты (и большевики, и меньшевики), давно говорится: „нос вытащил—хвост увяз; хвост вытащил—нос увяз"...

С точки зрения меньшевиков и большевиков-соглашателей, быть может, предпочтительнее увязнуть „хвостом", чем „носом"?... Дело вкуса, конечно...

С точки же зрения истинной пролетарской (трудовой) революции—правительство из лидеров разных социалистических партий является, несомненно, огромным шагом назад. Такое правительство станет роковым образом (и весьма скоро) из сборно-социалистического—буржуазным по существу. Наконец, и оно, вне всяких сомнений, окажется бессильным разрешить бесконечно-сложные, тяжкие и жгучие вопросы момента и вывести страну из невыносимого положения, не жертвуя Революцией.

Итак: „диктатура" и „власть Советам"—несутся к тупику. „Соглашение"—тоже тупик. Впереди—тупик. Позади—тупик. В прошлом—тупик. В будущем—тупик...

Когда же и как кончится эта „революция тупиков"?

* * *

Есть только одно средство вывести Революцию на истинную и прямую дорогу: отказаться вовсе от организации центральной политической власти и от захвата ея партией или партиями. Приступить немедленно к помощи массам,—всюду на местах,—в деле энергичного об'единения их в трудовые беспартийные организации. Помочь приведению этих организаций в стройное целое, связываемое, по городам и деревням, а затем—по районам и областям, при помощи Советов этих организаций (Советов не „властных", а лишь создающих необходимую связь). Направить все эти организации на единственно-важную цель: перенятие ими „в свои руки" производства, обмена, распределения, передвижения и пр. На-

чать, таким образом, тотчас же налаживать хозяйственную жизнь. Тогда, сама собою, легко и естественно, начнет осуществляться „диктатура труда“. И вся страна сумеет примириться с нею...

В самом начале революции,—в первые ее месяцы,—вся эта задача была, конечно, гораздо проще и легче выполнима. Но и теперь—такая возможность имеется. Другого пути нет. Всякий иной путь загоняет и неизбежно будет загонять Революцию в тупик.

„Новая Жизнь“, в передовой статье Н. Суханова (№ 173), пишет:

„Развал большевистского „правительства“ на другой день после его образования диктовался всем ходом событий. Ничего другого нельзя было ожидать в результате большевистского “захвата власти“.

И „Новая жизнь“ воображает, что переход этой власти к „правительству демократического блока“, что „диктатура демократии“—спасут Революцию, выведут ее из тяжелого положения,..

Бедные люди, обманываемые и обманывающие других политическим миражем! Мы можем сказать им их же словами: ничего другого нельзя ожидать в результате какого бы то ни было (а не только „большевистского“) „захвата власти“.

Всякая власть есть гибель Революции. Никакая власть не приведет Революцию к действительной цели. И не в лабиринтах политических комбинаций хранится тот ключ, которым будет открыта заветная дверь в храм победы!..

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

(„Голос Труда“, № 16, 7/20 Нояб. 1917 г.).

Социалистические партии говорят:

Для того, чтобы организовать революцию, необходимо, прежде всего, захватить и организовать государственную власть. При ея помощи, перейдет в руки государства и все хозяйство.

Анархисты говорят:

Для того, чтобы организовать революцию, надо, прежде всего, захватить и организовать хозяйство. Этим путем, и власть и государство (признаваемые самими социалистами лишь как «неизбежное и необходимое зло») отпадут.

Захватить хозяйство, это значит — овладеть земледелием и промышленностью. Это значит — взять в свои руки производство, распределение, обмен, передвижение, сообщение. Это значит—перенять в свое ведение и распоряжение все средства и орудия труда и обмена: землю; копи и рудники; фабрики, заводы, мастерския, промыслы и другие предприятия; склады, магазины, банки, помещения; железные дороги, пароходства; почту, телеграф, телефон...

Для захвата власти—нужна политическая партия, фактически захватывающая эту власть в лице своих лидеров (вождей). Поэтому, социалисты призывают массы сорганизоваться в партию, для поддержки ея в момент захвата власти.

Для захвата хозяйства, нет необходимости в политической партии. Нужны—всюду на местах—самостоятельные, трудовые, внепартийные массовыя организации, приступающие к выполнению революционно - и организационно-хозяйственной задачи.

Поэтому, анархисты не организуют партии, а работают или непосредственно в массовых организациях, или на стороне, в группах и союзах идейной пропаганды.

* * *

Но,—спрашивают социалисты,—каким образом можно „захватить хозяйство" без предварительного захвата власти? Как организовать революцию без предварительной организации власти? (Анархисты задают обратный вопрос: каким образом можно захватить хозяйство путем захвата власти? Как организовать революцию путем организации власти?)

Социалисты (и не одни только они) выдвигают против анархистов ряд возражений, которые можно свести к следующим, основным:

1) Без захвата политической власти, народу не дадут захватить хозяйство. Иными словами: «экономика без политики не может обойтись».

2) Без организующего центра в организованном целом—государстве—нельзя: а) наладить крупное производство и обеспечить дальнейший рост производительных сил, без чего невозможен никакой прогресс вообще; б) привести в равновесие хозяйственную жизнь и поддерживать дальнейшую ея гармонию, главным образом—в деле распределения и обмена.

3) Без власти, вообще, долго еще нельзя будет обойтись. Ибо, необходимы: общий контроль, гармонирование и регулирование из центра, поддержание единства, стройности, общей дисциплины, и т. д.

Прибавим, что и среди анархистов многие не представляют себе ясно, каким именно образом, практически, могут и должны трудящиеся массы организовать революцию без всякого намека на „организацию власти?" Далеко не все анархисты могут более или менее определенно ответить себе на вопрос, каким именно образом возможно организоваться для революции без власти? Как приступить к делу? С чего начать? Как именно действовать?

Рассмотрение всех этих вопросов важно в двух отношениях: во-первых, для самих активных работников-анархистов, еще не совсем разобравшихся в этой области; во вторых, в целях дать этим активным работникам известный материал для их агитационной, пропагандистской и организационной работы на местах, среди малосознательных темных людей, которые, прочитав анархическую книжку или послушав лекцию, часто говорят, а еще чаще думают: „Оно, конечно, хорошо бы, если бы так... Что и толковать? Лучше не надо... А только, невозможно все это, вот что. Как это смогут люди устроиться без старших и безо всякого правительства? И как же это они все в свои руки отбирать будут? Кроме ссор да несогласий ничего из этого не выйдет. Все-равно, придется, опять же, правительство ставить, для порядка"... Таким людям надо уметь ясно, толково об'яснить нашу точку зрения и как можно лучше доказать ея справедливость.

В ряде статей, мы предполагаем самым подробным и тщательным образом разобраться во всех этих вопросах. Серьезно подумать над ними—обязанность каждого сознательного рабочего.

СЛОВА и—ДЕЙСТВИЯ.

(«Голос Труда», № 17, 8/21 Нояб. 1917 г.).

Вчера появилось в газетах крайне характерное воззвание народного комиссара Ленина «**К населению**», — воззвание, мимо которого мы не можем пройти молча.

Особенно характерны в этом воззвании три вещи:

1) Ленин прямо и окончательно заговорил в нем языком анархиста:

— „Никто вам не поможет, если вы сами не об'единитесь и не возьмете ВСЕ ДЕЛА государства в СВОИ руки". (Слово „государства"—единственное, что может здесь резать наш слух).

— „Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь", и т. д.

2) Призыв этот остается в воззвании голой фразой, лишенной какого бы то ни было намека на реальное содержание. Нет ни малейшего указания на то, каким образом можно провести призыв этот в жизнь.

3) Кричащие противоречия в самом тексте призыва резко бросаются в глаза:

„Во имя этих справедливых требований, громадное большинство народа **сплотилось вокруг Временного Рабочего и Крестьянского Правительства**". (Жирный шрифт наш).

«Товарищи трудящиеся. Помните, что ВЫ САМИ теперь управляете государством».

«ВАШИ Советы отныне—органы государственной власти, полномочные решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. (Жирный шрифт наш).

Кто же теперь у нас — «полномочный, решающий орган власти»? «Временное рабочее и крестьянское Правительство» или —«Советы»?

Кто «управляет государством»? «Временное Правительство» или — «Вы сами»?

Кому и вокруг чего „сплачиваться"? „Большинству народа" вокруг этого „Временного Правительства", или — „трудящимся" вокруг „Советов"?

* * *

Давно известно, что сказать можно все. На словах легко, в нужную минуту, стать не только почти-, но даже сверх-анархистом.

Важно, чтобы действия соответствовали словам. Важно, чтобы дело не ограничивалось запоздалыми словами.

Действия же Ленина и его единомышленников резко расходились с его нынешними словами в прошлом, резко расходятся со словами и теперь.

Расходятся теперь, ибо фактически управляют государством не Советы.

Расходились в прошлом, ибо в том-то вся и суть, что надо во-время создать организации и силы, которые были бы способны «брать сами», «сплачиваться» и т. п., В том-то вся и беда, что эти организации и силы, которые ныне могли бы энергично действовать в жизни и на деле брать „все дела в свои руки“, не были созданы во-время.

Тогда, когда надо было отдавать всю энергию на эту подготовительную, организационную, творческую работу, дабы, в нужный час, трудящиеся могли не только на бумаге, но и на деле „взять в свои руки“ строительство жизни,—тогда Ленин и его единомышленники отдавали свою энергию вопросам политики и власти. Тогда, в этот, самый важный подготовительный период, — они говорили не анархо-синдикалистским (как на каждом шагу теперь), а социал-демократическим языком...

Теперь—их анархические призывы рискуют остаться фразами, «звучащими гордо», но бессильными претвориться в жизнь.

Надо было в свое время, в прошлом,—в преддверии и в начале Революции, — говорить языком анархистов и—главное — итти анархическим путем. Тогда могла бы создаться реальная почва для живого претворения ныне, трудящимися массами, красивых слов в великие действия...

ВОЙНА.

(„Гол. Тр.“ № 17, 8/21 нояб. 1917 г.).

Два основных явления обусловливают собою ужасы переживаемой эпохи: 1) война и 2) вызванная ею хозяйственная разруха, уже приведшая нас к голоду.

Война и голод; голод и война—таковы те две оси, вокруг которых вращаются в настоящее время жизнь, чувства и мысли миллионов людей.

Война и голод мешают жить и работать. Война и голод висят страшным, удушливым кошмаром над всеми и каждым, над человечеством. Война и голод, главным образом, не дают революции выбиться из того тупика, в котором она,—сама Революция!—задыхается...

* * *

Изо дня в день,—в печати, в организациях, в государственных учреждениях, на митингах, лекциях и собраниях,—обсуждается вопрос о том, как скорее прекратить эту бессмысленейшую бойню, как остановить войну. Предлагаются и выносятся всевозможные решения. Обсуждаются те или иные меры и способы... Русский народ делает героические усилия для того, чтобы стряхнуть, наконец, с человечества этот дикий кошмар...

Все напрасно!.. Разнузданная, обезумевшая стихия не хочет уняться. Чудовищная пляска смерти и разрушения не останавливается...

* * *

За последнее время, однако, у многих и многих назревает предчувствие, вернее — какое-то „физическое ощущение“ близости конца. На каждом шагу высказывается мнение, что „теперь война скоро прекратится“...

Предчувствие это вызывается, главным образом, глубоким сознанием того, что всеобщее истощение, утомление и озлобление народов достигли крайней степени. Той самой степени, которая,—по мнению многих, в июлю 1914 года,—должна была неизбежно наступить через три-четыре месяца от начала войны и, во всяком случае, сделать это войну короткой, быстрой...

Большинство не отдает себе, конечно, ясного отчета в том, как именно война закончится, каким путем народы водворят мучительно-желанный мир.

Существует по этому поводу одно мнение, которое, на наш взгляд, заслуживает внимания. Мы считаем небезполезным вкратце остановиться на нем.

* * *

Война равно надоела всем,—говорят некоторые люди: все воюющие народы истомлены, измучены, озлоблены до крайности. Ни одна армия, в существе дела, не хочет больше воевать. Каждый, безусловно каждый солдат на фронте,—русский, немец, француз, англичанин,—в глубине души ненавидит эту войну и с восторгом прекратит ее. Не достает лишь одного: почина с чьей-либо стороны.

Надо, чтобы которая-либо из армий решилась, наконец уйти, прекратить войну этим простым и естественным способом. Если одна армия бросит фронт и уйдет,—все другие армии немедленно сделают то же самое. Важно только, чтобы, уходя, армия, на всякий случай, оставила при себе оружие и уходила вооруженной и более или менее организованно.

Миссия такого почина,—добавляют эти люди,—возложена событиями на русскую армию. Стоит ей бросить фронт,—и все, без исключения, другие армии немедленно последуют ея примеру. Раз и навсегда в истории война будет прекращена—как потому, что явно подчеркнется ея полная бессмысленность, так и потому, что такая ликвидация войны неизбежно откроет в Европе эру социальной революции.

Два года тому назад такая мысль показалась бы сумасшедшей. Теперь—ее можно услышать даже от иного „оборонца“.

И словно для того, чтобы подчеркнуть эту идею, слухи и факты говорят нам ежедневно о том, что наши солдаты не хотят больше воевать ни одного дня, и что, если последняя попытка к миру (или, по крайней мере, к перемирию) не даст полного результата,—солдаты сами уйдут по домам, и никакая сила их не удержит. Война кончится сама собой.

Мы склонны думать, что события очень близкого будущего могут самым действительным образом подтвердить это „фантастическое“ предположение. И мы должны быть готовы к такому обороту вещей.

ГОЛОД.

(„Голос Труда“, № 17, 8/21 нояб. 1917 г.).

Голод больше не надвигается: голод есть. Конечно, не среди богатых, которые, хоть и за крупные деньги, но могут достать абсолютно все... Нет!.. Голод пришел к нам, недостаточным классам, и занял почетное место за нашим столом.

Голод уже не стучится в наши двери: он здесь, с нами, наш гость и хозяин.

Наступает самое грозное для Революции время.

Необходимы немедленные, неуклонные, определенные меры для борьбы с царем-голодом. Ибо за ним, по пятам, следует другой царь—царь-бунт: не светлый, святой бунт Революции, а черный, дикий, бессмысленный бунт разгрома...

Необходимо приступить к организованной борьбе с наступившим голодом. Необходимо: 1) немедленно создать организации для прочных, прямых сношений рабочего населения городов с деревней; 2) реквизировать при помощи соответственных организаций, все продукты, имеющиеся на складах, в магазинах и т. п.—с целью немедленного образования общественных продовольственных складов и равномерной выдачи продуктов населению по дешевой цене (или даже бесплатно); 3) немедленно приступить к восстановлению производства предметов житейского обихода и наладить обмен их на хлеб и другие деревенские продукты. И т. д. В двух словах, —немедленно приступить к деятельному и организованному общественному производству, обмену и потреблению.

Само собою разумеется, что, за одно с этой работой, необходимо немедленно ликвидировать войну, без чего самые решительные меры не приведут к полному результату.

Немедленное прекращение войны—первое необходимое дело масс. Немедленная и самая решительная организация масс для борьбы с голодом—вторая необходимая задача.

Быть-может, близок день, когда массы, окончательно выведенные из себя и не желающие более ничего и ни от кого ждать,—действительно сами приступят к решению обоих вопросов. И, будем надеяться, решат их не словом, а живым, смелым и твердым делом.

...В тот день начнется Социальная Революция.



ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП.

(„Гол. Тр.“, № 18, 11/24 нояб. 1917 г.).

То, что грозно и неумолимо надвигалось на нас в течение нескольких месяцев,—пришло.

Наступление зимних холодов совпадает с началом отчаянного положения в армии, подлинного голода внутри страны и массовой безработицы в городах.

Развал производства, обмена, передвижение, финансов; разложение всего хозяйства страны; невыносимо тяжелое положение миллионов людей —достигли крайней степени, дошло и до „последней черты“.

И, вместе с тем,—мы подошли к последнему этапу Революции,—к этапу, которым заканчивается революция политически-буржуазная и начинается новый, еще неведомый путь: путь революции истинно-народной, пролетарской, социальной.

Чтобы ни ждало нас на этом пути,—мы должны прямо, открыто и смело посмотреть в глаза действительности и твердо сказать себе: иного пути нет. Возвращение назад невозможно. Значит,—вперед, к новым далям, к новым возможностям!

Теперь—больше не время жалеть об ошибках и упущениях прошлого; не время унывать, колебаться, уставать, опускать руки...

Теперь—время действовать, и действовать самим,—всюду на местах,—через наши рабочие организации, ни на кого не надеясь и ни от кого ничего не ожидая.

Литераторы из „Новой Жизни“ могут, сколько угодно, воображать, будто буржуазия, будто буржуазные силы и организации в состоянии спасти „страну и революцию“... Они рискуют жестоко ошибиться,. эти глубокомысленные литераторы!..

Нет теперь, вне самих масс, такой силы, которая могла бы творчески наладить жизнь и ввести ее в нормальное, здоровое, созидательное русло. Никакое правительство, никакая „власть“, никакая партия, никакой диктатор и никакая буржуазная „твердая рука“—не в состоянии больше „поднять“ жизнь. Ибо—слишком глубоко расшатана она. Слишком расползлись все ея „устои“. Слишком обезкровлена она...

Не будь мировой войны и связанной с нею великой разрухи за-границей,—наша буржуазия, наши Корниловы, Керенские и др. могли бы еще рассчитывать на энергичную, решительную поддержку—деньгами, товарами и солдатами—со стороны. Но, при нынешних условиях, западно-европейской буржуазии не до нас. При всем великом желании задушить нашу революцию и помочь в этом отношении нашей контр-революции,—заграничная буржуазия ныне совершенно бессильна сделать это. Положение ея таково, что дай ей Боже справиться у себя дома со всякими делами, бедами и затруднениями!.. Ведь и там за-границей,—та же разруха, тот же голод, то же безденежье, то же отчаянное состояние масс, что у нас, хотя и в меньшей, сравнительно, степени.

* * *

Где же, однако, выход? Где творческие силы жизни и Революции? Где проложены грядущие пути созидания?

Есть только одна сила, способная найти этот выход и открыть эти пути: сила живой. организованной, самодеятельной массы. Только сам трудящийся народ,—и никто другой,—может теперь „поднять" жизнь...

Он призван создать новые формы ея. Он призван вдохнуть в нее новые силы. Он призван построить, на развалинах отжившего, новое великое здание... Если не он, если не сама трудовая масса, то—никто. Так говорит жизнь. Так повелевают события.

Но—сумеет ли он? Сможет ли он, действительно, „повернуть землю"? Есть ли у него „точка опоры" и необходимый „рычаг"?

Нам приходилось уже указывать на то, что нынешняя Революция таит в себе громадные об'ективные силы, на которые мы и возлагаем наши надежды.

Международное положение и связанный с ним всемирный развал нынешней хозяйственной системы,—развал, при котором нет, кроме самих масс, иной творческой силы, которая была бы способна восстановить хозяйство и жизнь; дошедшее до „последней черты" разрушение современного трстроя и обективная невозможность восстановить его помимо самих трудовых масс—такова „точка опоры" Великой Революции нашего века.

Твердая решимость; беззаветная творческая смелость; приникновенное сознание того, что мы—масса—должны суметь, должны сделать, должны, не останавливаясь ни перед чем, пойти по пути самостоятельного творчества, ибо нет другого пути,—таков „рычаг" Революции.

Смело, прямо, решительно действуя, не опасаясь ничего и мирясь с ошибками, которые неизбежны и которые ныне не могут ухудшить положение,—должны массы сами, через свои организации, приступить к новому хозяйственному и общественному строительству жизни.

Ибо—терять им нечего, жалеть им не о чем, а приобрести они могут вселенную...

Ново-Жизненский Анархо-Синдикализм.

(„Голос Труда", № 18, 11/24 Нояб. 1917 г.).

Всякому, кто интересуется „текущими событиями" и следит за ними, достаточно известно, что большевики, за время революции, подошли очень близко к анархо-синдикалистам в целом ряде вопросов. В газетах можно не раз встретить выражение „большевистский анархо синдикализм". Под многим из того, что теперь говорится в „Правде", мы,—анархо-синдикалисты,—могли бы подписаться обоими руками...

От большевиков нас отделяет два главных пункта: первый—упрямое,—„рассудку вопреки, наперекор стихиям",—сохранение ими идеи политической государственной власти, вместо естественного об'единения трудовых организаций, городов и деревень; второй—упорное не-

понимание ими того обстоятельства, что для успешности их нынешняго „курса на социальную революцию", им надо было и прежде стоять на другой позиции, и теперь (если еще не поздно) порвать решительно с явными заблуждениями. Если бы они всегда стояли на их сегодняшней точке зрения, то они могли бы подготовить сознание масс в требуемом направлении; подготовить организационную работу масс в этом же направлении; словом, создать ту почву, на которой теперь массам было бы не только возможно, но и нетрудно приступить к осуществлению выдвигаемых жизнью революционно-созидательных задач.

Увы! Эта предварительная работа не была сделана. Слишком поздно и слишком не решительно становятся теперь большевики на нашу точку зрения. И их (уже очень значительное) жизненное бессилие об'ясняется, более всего, тем, что они, в течение долгих лет, не только не подготовляли масс к разрешению нынешних задач, но вели всю свою работу в прямо-противоположном, бесконечно-вредном направлении.

* * *

„Новая Жизнь" неустанно, изо дня в день, грызет большевиков за их (увы! запоздалое) увлечение анархизмом.

Но—послушайте следующее:

„Спасти родину от экономической смерти можно—если только это вообще возможно—исключительно путем автономной, ни от каких правительств не зависящей работы... учреждений... Продовольственные комитеты, особое совещание по топливу, комитеты по снабжению металлами, хлопком и другими сырыми продуктами, фабрично-заводские совещания, уже выработавшие кое-где областные об'единения,—все эти органы снабжения, в настоящее время или совершенно бастующие или почти не работающие, должны немедленно очнуться от своего паралича и самым энергичным образом приняться за дело спасения страны. Они должны координировать свои действия в общегосударственном масштабе, поставить текущую работу совершенно самостоятельно, действуя так, как будто бы в России никаких правительств не существовало.

Есть все основания думать, что при достаточной настойчивости и твердости, такой всероссийский союз органов снабжения мог бы наладить работу без особенной помехи со стороны правительств". (Курсив везде мой. В.)

И еще:

„Если... хотят доказать (курс. подл.) заблуждающимся народным массам, что система управления народных комиссаров никуда не годится", то—„единственное разумное средство, ведущее к этой цели: забыть о существовании народных комиссаров и продолжать свою текущую работу"...

Так пишет В. Базаров в „Новой Жизни“.

Если внести в этот текст две три поправки; если оставить в стороне вполне понятный, под пером новожизненского литератора, интерес к самодеятельности буржуазных учреждений и идею игнорирования власти буржуазными учреждениями; если поставить на место перечисляемых В. Базаровым капиталистических организаций и комитетов, рабочие организации, рабочие комитеты, то в приведенном отрывке мы нашли бы не только некоторые основные черты анархо синдикализма, но и выявление анархо-синдикалистской позиции нынешняго дня.

Мы имеем здесь на лицо: и отрицание надобности правительства (призыв к „работе, не зависящей ни от каких правительств“; приглашение „действовать так, как будто бы в России никаких правительств не существовало“); и признание реальной силы за действенными учреждениями, которые могли бы „наладить работу без особенной помехи со стороны правительства“; и предложение этим учреждениям „забыть о существовании народных комиссаров“; и замечание о том, что, быть может, все эти меры окажутся теперь запоздалыми, и многое другое...

Бедные партийные социалисты! Как ни упираются они и руками, и ногами, как отчаянно ни цепляются за свои старые догмы, а жизнь, живая жизнь, гонит их,—и левых и правых, — к анархо синдикализму—правда, искаженному, изуродованному, замаскированному, но, в отношении общей ориентировки мысли, самому подлинному.

Большевики—анархо-синдикалисты „с властью“; ново-жизненцы—становятся анархо-синдикалистами „с буржуазией“...

Ибо, основное положение анархо-синдикализма в том и состоит, что для спасения страны, народа и Революции надо, чтобы различные „учреждения“ (по нашему, трудовые организации) вели работу и борьбу, „ни от каких правительств независящую“; действовали так, „как будто бы в России никаких правительств не существовало“; и чтобы эти учреждения „забыли о существовании народных комиссаров“...

* * *

Если мы говорим „анархо-синдикалистам“—большевикам: „Поздновато проснулись... Было бы вам раньше, вовремя, обо всем этом подумать... Теперь—рискуете остаться в области голых слов“.. —то „анархо синдикалистам“ ново-жизненцам мы можем сказать только одно: если бы вас, господа, перестало тянуть к буржуазии, то и вы, вероятно, становились бы теперь не „буржуазными“, а, понемножку да полегоньку. „пролетарскими“ анархо-синдикалистами... Увы, трудно вам, трудно „войти в царство небесное“... Что же касается вашего „анархо-синдикализма на-изнанку“, то он, поистине,—только „святая утопия“ и (не извольте сомневаться, т. Базаров!)—„вообще невозможен“...



УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ.

(„Г. Т.“, № 19, 18 нояб./1 дек. 1917 г.).

Товарищи рабочие, крестьяне, солдаты, матросы, все трудящиеся!

Илут выборы в Учредительное Собрание.

Оно, вероятно, скоро соберется и начнет заседать.

Все политические партии (в том числе и большевики) передают дальнейшую судьбу Революции, страны и трудящегося люда в руки этого „полномочного“ центрального органа.

Наш долг—предупредить вас, по этому поводу, относительно двух возможных опасностей.

Первая опасность.—Большевики не окажутся, в Учредительном Собрании, в значительном большинстве (или даже вовсе не окажутся в большинстве).

В этом случае, Учредительное Собрание будет еще одним лишним политическим, коалиционным (сборным), буржуазно-социалистическим учреждением в стране; еще одной нелепой политической говорильней, вроде „Московского Государственного Совещания“, Петроградского „Демократического Совещания“, „Совета Республики“ и т. п. Оно погрязнет в спорах и пререканиях. Оно будет тормозить Революцию.

Эта опасность не черезчур уж важна только потому, что, в этом случае, массы,—надо надеяться,—сумеют снова, с оружием в руках, отстоять Революцию и двинуть ее вперед, по верной дороге.

По поводу этой опасности, мы должны, однако, сказать, что такая новая и лишняя передряга совершенно не нужна трудящимся массам. Массы могут и должны были бы обойтись без нея. Вместо того, чтобы тратить огромные средства и силы на организацию нелепого учреждения (а трудовая революция, пока-что, опять останавливается!..); вместо того, чтобы отдавать, впереди, снова силы и кровь на борьбу с этим нелепым и ненужным учреждением, опять „спасая Революцию“ и сдвигая ее с новой мертвой точки,—вместо всего этого, те же силы и средства могли бы быть затрачены, с великой и ясной пользой для Революции, страны и народа, на прямую организацию трудящихся масс на низах, по деревням, городам, предприятиям, копям, рудникам и т. д.; на естественное, свободное, прямое и непосредственное, трудовое, а не партийно-политическое об‘единение этих организаций снизу, в вольные города и вольные деревни, в вольные общины (коммуны), по местностям, районам и областям; на энергичную деятельность этих организаций по снабжению сырьем и топливом, по улучшению перевоза (транспорта), по налаживанию обмена и всего новаго хозяйства; на прямую борьбу с остатками контрреволюции (главным образом, с сильно мешающим делу Калединским движением на юге).

Вторая опасность.—Большевики окажутся, в Учредительном Собрании, в значительном большинстве.

В этом случае, они, легко справившись с «оппозицией» и без особого труда раздавив ее, станут твердо и прочно хозяевами („законными“ хозяевами!) страны и положения, явно признанными „большинством населения“. Это, как-раз, и есть то, чего добиваются большевики от Учредительного Собрания и для чего оно им необходимо. Оно должно окончательно укрепить и „узаконить“ их политическую власть в стране.

Эта опасность, товарищи, гораздо более важна и серьезна, чем первая.

Будьте на чеку!

Укрепив, упрочив и узаконив свою власть, большевики, будучи социал-демократами, политиками и государственниками, то есть людьми власти, начнут из центра,—властным, повелевающим образом,—устраивать жизнь страны и народа. Они будут приказывать и распоряжаться из Петрограда по всей России. Ваши Советы и другие организации на местах должны будут, понемногу, стать простыми исполнительными органами воли центрального правительства. Вместо естественной трудовой стройки и свободного об'единения снизу, будет водворяться властный, политический, государственный аппарат, который сверху начнет все зажимать в свой железный кулак. Места, Советы, организации—должны будут слушаться и повиноваться. Это будет называться „дисциплиной“. И—горе тому, кто не будет согласен с центральной властью и не сочтет нужным и полезным подчиняться ей! Сильная „всеобщим признанием населения“, она заставит его повиноваться.

Будьте на-чеку, товарищи! Замечайте хорошенько и запоминайте крепко.

Чем прочнее и вернее будут успехи большевиков, чем тверже будет становиться их положение,—тем яснее и определеннее будут они властвовать, то-есть проводить, осуществлять и отстаивать свою твердую, политическую, центральную государственную власть. Они начнут категорически приказывать местам, местным организациям и советам. Они начнут, не останавливаясь,—быть-может,—и перед применением вооруженной силы, проводить сверху желательную им политику.

Чем более ярким и прочным будет их успех,– тем более ясной будет становиться эта опасность: ибо, тем увереннее и тверже будут они действовать. Каждый новый успех будет (вы увидите это!) все сильнее и сильнее кружить им головы. Каждый новый день их успеха будет приближать истинную Революцю к опасности. Наростание их успеха будет наростанием этой опасности.

Вы можете видеть это уже теперь.

Присмотритесь внимательно к последним приказам и распоряжениям новой власти.

Вы заметите, уже теперь, ясно прорывающееся стремление большевистских верхов к властно-политическому устроению жизни из центра. Уже теперь отдаются ими „приказы“ по России Уже теперь ясно видна у них склонность понимать лозунг „власть Советам“, как власть центрального учреждения в Петрограде, которому должны быть подчинены, в качестве простых исполнительных органов, Советы и организации на местах.

Это—теперь, когда они еще сильно чувствуют свою зависимость от масс и, конечно, опасаются дать повод к разочарованию. Теперь, когда успех их еще не совсем обеспечен и держится целиком на отношении к ним масс...

Что же будет тогда, когда их полный успех станет твердым фактом и массы окружат их восторженным и прочным доверием!..

Товарищи—рабочие, крестьяне и солдаты!

Помните всегда об этой опасности.

Будьте готовы к тому, чтобы отстаивать истинную Революцию и действительную свободу ваших организаций и вашей жизни на местах от гнета и насилия новой политической власти, нового хозяина—централизованного государства, новых властителей—вожаков политической партии.

Будьте готовы к тому, чтобы,—в случае, если успехи большевиков вскружат им головы и сделают их властителями,—эти их успехи стали их гибелью.

Будьте готовы к тому, чтобы вырвать Революцию из новой тюрьмы!..

Помните, что только вы сами,—при посредстве ваших свободных организаций на местах,—должны и сможете творить и строить вашу новую жизнь. Иначе вам не видать ее!..

Большевики часто говорят вам тоже самое.

Тем лучше, конечно, если они, в конце концов, исполнят свои слова.

Но, товарищи, все новые властители, положение которых зависит от сочувствия и доверия масс, говорит в начале сладким языком. И Керенский „стлал мягко" в первые дни; да после стало „жестко спать".

Присматривайтесь, прислушивайтесь не к словам и речам, а к делам и поступкам. И если найдете малейшее противоречие, между тем, что люди, говорят вам, и тем, что они делают,—будьте на-стороже!..

Не доверяйте словам!

Верьте только делам и фактам.

Не доверяйте Учредительному Собранию, партиям и вождям.

Верьте только самим себе и Революции.

Только вы сами,—то-есть ваши непосредственные, трудовые, беспартийные организации на местах и их прямое, стройное об'единение по местам, районам и областям,—должны быть хозяевами и строителями новой жизни, а не Учредительное Собрание, не центральное правительство, не партии и «вожди".

КАК БЫТЬ?

(„Голос Труда", № 19, 18 ноября/1 дек.) 1917 г..

Положение рабочих масс ухудшается со дня на день.

Голод увеличивается. Квартирный вопрос, с наступлением холодов, обостряется. Громадное количество фабрик и заводов должны вот-вот закрыться. Хозяйство страны разрушено в конец. .

С одной стороны, „рабоче-крестьянское“ Правительство надеется, все же, справиться с затруднениями. При этом, оно обращается за содействием к массам.

Но, только в одном вопросе это Правительство (следует отдать ему справедливость) само действует решительно, энергично и смело: в вопросе о мире. Здесь оно действительно помогает массам.

В других вопросах, оно идет ощупью, крайне робко, неуверенно и осторожно. Даже на бумаге,—в своих „декретах“ и „проектах декретов“,—оно, со дня на день, становится все умереннее и умереннее. Что же касается непосредственной жизни, то вмешательства в нее чего-либо нового, решительного и смелого—почти незаметно.

К тому же, впереди,—чем дальше, тем больше,—Учредительное Собрание и связанная с ним политическая деятельность будут отвлекать внимание и силы правительства от вопросов непосредственной жизни.

С другой стороны, рабочим говорят со всех сторон: „не ждите“, „не надейтесь ни на кого“; „действуйте сами“...

Рабочие и хотели бы действовать сами. Но—как? Вот в чем вопрос.

* * *

Создается странное, траги-комическое положение.

Наверху—облеченное властью и имеющее силу для ея проявления „рабоче-крестьянское правительство“. Казалось бы, оно должно приступить к живому революционному творчеству, к живому содействию массам в жизни, на деле... Массы ждут от него ответа на этот вопрос: «как?». Увы, оно издает декреты о том, что должно быть (и это что гораздо ниже потребностей и нужд масс); а на самый острый вопрос, „как?“—отвечает: Учредительное Собрание. Оно отличается от прежних правительств только тем, что пишет о том, что необходимо (прежнее правительство и этого не делало). Но оно так же, как и прежние правительства, бессильно, вяло и нерешительно в вопросе о мерах к достижению этого необходимого.

Внизу—все остается по старому.

Массы голодают,—зато спекуляция, нажива и возмутительная торговля „из-под полы“ продолжается.

Массы нуждаются,—зато магазины (даже снаружи) переполнены и одеждой, и мясом, и овощами, и фруктами, и консервами... И нет сомнения в том, что в городе имеются в изрядном количестве все предметы первой и второй необходимости.

Массы бедны,—зато банки богаты.

Массы лишены сколько-нибудь сносного жилья,—зато дома принадлежат домохозяевам.

Массы выбрасываются на улицу, благодаря закрытию фабрик,—а „взять“ брошенную фабрику „в свои руки“ нет возможности, ибо нет сырья, топлива и оборотных средств.

Деревне нужны продукты города. Городу нужны продукты деревни. Но—положение таково, что обмен почти невозможно наладить.

Заколдованный круг, из которого выход—Учредительное Собрание?!.. Какой вздор!

* * *

Так где же выход? Как быть?..

Все политические партии повинны в том, что не взялись во-время за революционное творчество снизу, не подготовили масс,—с первых же дней переворота,—к истинным задачам революции, а занимались игрой в политику и вопросом власти.

Все политические партии повинны в том, что загнали революцию в тупик.

Одна из этих партий в значительной мере искупила свою вину тем, что сама же и выбила революцию из тупика. Я говорю о большевиках. В этом—их первое оправдание. Второе их оправдание—решительная, пока-что, политика мира.

Но, сделанного еще недостаточно.

Во всех остальных отношениях, правительство большевиков тоже нерешительно, половинчато, робко и бессильно.

А стало-быть, если рабочие массы Петрограда хотят решительно двинуть вперед и другие вопросы,—они должны: 1) действовать самостоятельно и смело; и 2) раз правительство есть и берется выполнять их волю, они должны энергично, изо дня в день, путем печати и прямых обращений, давить на это правительство и требовать от него решительных мер.

Ведь оно же ваше, это правительство! Оно же для вас, рабочие, крестьяне и солдаты!.. Кто может мешать ему и вам?.. И зачем же продолжать терпеть явную несправедливость, нелепицу и нужду?..

* * *

Каковы, однако, те меры, которые должны и самими массами проводиться, и правительством, в первую очередь, поощряться и облегчаться?

1) Немедленно приступить к практической разработке плана общественной, планомерной, организованной конфискации всех имеющихся в городе продуктов первой и второй необходимости. Организация общественных продовольственных складов. Организация общественных столовых. Разработка действительных мер борьбы со спекуляцией, контрабандой и пр.

К этим задачам должны быть привлечены соответствующие задаче организации.—Требовать содействия правительства.

2) Вместо робкого „проекта декрета“ об облегчении платы за квартиру,—немедленно приступить к организации,—на почве существующих домовых комитетов,—комитетов улиц, кварталов, районов и пр., в целях немедленного и непосредственного перенятия в общественное ведение домов, жилищ и квартир.—Требовать содействия правительства.

3) Фабрики и заводы, владельцы которых „вешают замок" и уезжают,—тем самым естественно переходят в ведение самих рабочих данной фабрики или завода. Немедленно переводить такой завод на производство предметов мирного времени. Одновременно—налаживать сношения с окружающими деревнями, в целях обмена.—Требовать содействия правительства в деле добывания оборотных средств, топлива и сырья. (Подробнее об этом пункте—в следующий раз).

4) Немедленная организация всякого рода необходимых работ по городу, по транспорту и пр.

Таковы, в кратких—пока—словах, те главные меры, разработка и решительное, неуклонное, последовательное проведение которых в жизнь, вместо комедии Учредительного Собрания, не должно откладываться ни на один день.

Рабочие должны поставить перед собой, твердо и решительно, эти задачи.

Рабочие должны, на своих общих собраниях и во всех своих организациях, разрабатывать эти вопросы.

Рабочие должны требовать от Правительства внимания к этим вопросам и содействия этим задачам.

Об этих задачах (а не о власти!) должны кричать, изо дня в день, рабочие резолюции, рабочая печать, рабочие митинги и собрания, рабочие глотки!..

Ибо эти задачи, нужды, потребности и вопросы—единственно важны и интересны для трудящихся масс в данный момент. От их решения зависит судьба Революции.

СПЛЕТНИ и ФАКТЫ.

(Правда о синдикалистах).

(«Голос Труда», № 19, 18 нояб./1 декаб. 1917 г).

Социал-демократы и некоторые другие наши противники пробегают иногда на митингах и в печати,—к очень некрасивому, нечестному и неумному приему борьбы с нами: пользуясь неосведомленностью слушателей или читателей, они,—с целью посрамить и изничтожить анархо-синдикалистов, искажают одни факты, умалчивают от других, лгут о третьих...

Между прочим, из уст социал-демократов и других противников анархо-синдикализма мне зачастую приходится слышать следующие категорические заявления: „Синдикализм во Франции с треском провалился. Синдикализм потерпел полный крах.—Синдикалисты все изменили и оказались „патриотами".—Синдикализм сам похоронил себя, превратившись в „синдикал-патриотизм".—Синдикалисты очутились в лагере националистов и оборонцев.—Синдикалисты за время войны, ни разу не отмежевались от националистов: они об'единились с буржуазией... Вот куда ведет синдикализм..". и т. д., и т. д. При этом неизменно упоминаются, конечно, имена Жуо (се-

кретаря Всеоб. Конф. Труда) и еще двух-трех, действительно изменивших, деятелей французского синдикализма. Перечисляются и некоторые синдикальные организации, ставшие на оборонческую точку зрения. И,—вероятно, „по недосмотру",— забываются имена не изменивших интернационализму деятелей и организаций.

* * *

Мы, как известно,—не французские (так называемые „чистые") „синдикалисты". Мы—анархо-синдикалисты (что далеко не одно и то же). Я отнюдь не собираюсь, поэтому выступать пространно в защиту французского синдикализма и давать подробные раз'яснения относительно того как, кто и почему в лагере франц. синдикалистов, стал на патриотическую, националистскую и оборонческую точку зрения. Я не буду много говорить о том, что во Франции, в силу особых условий, о которых можно было бы сказать очень многое, все течения и почти все организации „дрогнули" и потеряли равновесие в первые месяцы войны: дрогнула и отступила социал-демократическая партия; дрогнули синдикальные организации; дрогнули даже очень и очень многие из французских анархистов. Я не стану входить в подробное обсуждение причин и характерных особенностей этого печального и почти всеобщего во Франции явления.

Но, как человек, проживший в Париже первые 2 года войны и принимавший близкое участие в борьбе французских интернационалистов против националистического угара; как человек, проездивший, осенью 1916 г., по французской провинции и близко стоявший к синдикалистскому движению,—я должен привести здесь, кратко и сухо, несколько голых фактов и цифр. Пусть читатель сам подумает над ними и оценит по достоинству те нечестные, демагогические выпады, которые часто делаются против нас на почве отношения французских синдикалистов к войне.

* * *

Как я уже сказал, в начале войны—во Франции дрогнули, заколебались, отступили и притихли все течения и почти все организации. Первые месяцы войны протекли в невыносимо тяжелой, удушливой атмосфере бесшабашного, наглого военно-патриотического разгула, с одной стороны,—всеобщего гробового молчания, всеобщей пришибленности, массовой измены, лжи и растерянности, с другой. Это была, по истине, „мерзость запустения..." Среди бешенного, бесстыдного, отвратительного завывания патриотической печати и улицы, не было слышно ни одного голоса правды, отрезвления и революционной бодрости. Расстроенные рабочие ряды, разбитые войной и реакцией организации, придушенная революционная печать—все, все замерло, сжалось и молчало, как бы внезапно скованное беспробудным сном. Вся рабочая и революционная Франция превратилась в пустыню...

Кто же первый осмелился нарушить молчание? Кто первый отрезвился от кошмара и ужасе осенних месяцев? Из чьих рядов прозвучал первый громкий голос интернационализма, первый мужественный призыв к борьбе с войной, с патриотическим угаром, с вакханалией национализма, взаимоистребления и отступничества?

Этот голос—открытый и ясный—раздался из синдикалистских рядов.

В декабре 1914 года,—в то время, когда все кругом молчало, погрязнув в болоте патриотизма или малодушия,—во Франции распространено было, в громадном количестве экземпляров, открытое письмо известного синдикалиста Пьера Монатт, делегата во Всеобщ. Конф. Труда от департаментов (губерний) Гард и Роны. В своем письме, Монатт смело и резко восставал против националистского угара, отравившего большинство организаций и людей. Он открыто порывал с патриотствующими элементами и публично слагал с себя обязанности делегата.

Правительство «свободной» Франции ответило тем, что призвало Монатта в армию. Но, письмо его произвело в рабочей среде и в организациях огромное впечатление; оно разрядило атмосферу. Необходимый почин был сделан. Выступление Монатта послужило тем камнем, который, будучи брошен, всколыхнул застоявшееся болото. Люди зашевелились. Началось „движение воды". Круги от брошенного камня пошли во все стороны, все шире и шире...

Первыми откликнулись активно на выступление Монатта, опять-таки, синдикалистские ряды, в лице некоторых крупнейших организаций.

Уже из текста письма Монатта видно, что „федерация металлистов" (одна из значительнейших и важнейших) стояла целиком на его стороне.

После его выступления, федерация металлистов, федерация землекопов (тоже одна из крупнейших), федерация бочаров и некоторые другие, менее крупные организиции приступили к энергичной интернационалистской работе. Секретарь федерации металлистов, известный Мерейм, стал душой этого движения. Рука-об-руку с секретарем федерации бочаров, Бурдероном, и с целым рядом других синдикалистов, повел он решительную пропаганду, борьбу и организационную работу против войны. Любопытно отметить, что Бурдерон, будучи членом синдиката бочаров, состоял одновременно и членом с.-д. партии. (Это довольно часто бывает во Франции). Но, свою интернационалистскую деятельность он повел в рядах синдикалистов, так-как партия была мертва, и там не с кем было работать.

К концу первого года войны—имеются уже на-лицо результаты работы. Появляются яркие признаки начавшегося повсюду пробуждения и отрезвления. Начинается массовое интернационалистское движение. И сказывается оно тоже, прежде всего, в синдикалистских организациях.

15-го августа 1915 г., в Париже созывается синдикалистская „Национальная Конференция корпоративных федераций, Союзов, Синдикатов и Бирж Труда". (Это была первая публичная конференция во Франции, со времени войны. Правительство не решилось запретить ее, опасаясь скандала).

На конференции, из числа 114-ти решающих голосов, 30 стоят на интернационалистской позиции.

После Конференции, брожение перебрасывается в с.-д. партию и в анархические группы (из которых тоже далеко не все стояли на точке зрения интернационализма).

В это же время, начинается усиленная подготовка к 1-й Циммервальдской Конференции, причем, в первых рядах работников по организации Конференции стоят синдикалисты: Мерейм, Бурдерон, Гасфельд (анархо-синдикалист) и мн. др.

Синдикалисты же, главным образом, приступают в Париже, после Циммервальдской конференции, к энергичной организации так-называемого „Комитета интернационального действия“, задачами которого были: организационное об‘единение интернационалистского движения во Франции и усиленная пропаганда идей интернационализма.

Сорганизовавшись, „Комитет“ широко распространил печатное воззвание, с призывом вступать в него и бороться, в его рядах, против окружающего ужаса. Он образовался на началах беспартийного об‘единения всех интернационалистов. Призыв встретил сочувствие и отклик. Впоследствии, в состав Комитета входило: 60% синдикалистов, 30% социалистов и 10% анархистов.

„Комитет“ выделил из своей среды исполнительную комиссию из 12 человек и быстро развил,—не только в самом Париже, но и по стране,—энергичную пропагандистскую и организационную деятельность против войны, против милитаризма, национализма и патриотизма, за мир, Революцию и Интернационал.

Правительство не решалось тронуть „Комитет“: оно не желало лишняго шума и разговоров. Оно ограничивалось „наблюдением“ и тем, что всячески старалось расстроить связи „Комитета“ с провинцией, старалось изолировать „Комитет“. (Арестовывало работников в провинции, закрывало провинциальные отделы „Комитета“, заставляло фабрикантов расчитывать членов „К-та“ с заводов и т. п.). Таким образом, „Комитет“, как сорганизовался, так и существовал и работал явочным, полулегальным порядком. (Не раз, в Париже ходили слухи, будто Правительство решило разогнать „Комитет“. Буржуазная и лже-социалистическая, оборонческая печать неоднократно, с пеной у рта, требовала „решительных мер“ и упрекала правительство в слабости).

Секретарем и деятельнейшим членом „Комитета“ был секретарь федерации металлистов, уже упомянутый мною синдикалист Мерейм. Целый ряд деятелей-синдикалистов вели в „Комитете“ активную, ответственную работу.

Орган Федерации Металлистов (синдикалистский „Союз Металлистов“) стал официальным органом „Комитета“. Причем, каждый номер этого журнала выпускался в нескольких первых тысячах экземпляров (минуя военный закон) без предварительной цензуры. (Правительство и на это смотрело сквозь пальцы). Эти первые тысячи рассылались, главным образом, по организациям.

За первые же месяцы своего существования, „Комитет“ развил энергичную пропагандистскую деятельность. Им издан был целый ряд интернационалистских брошюр, листовок, воззваний, документов и пр., широко расходившихся по стране.

В провинциальных синдикалистских организациях „Комитет“ организовывал, по мере возможности, свои отделы.

Впоследствии, и в Париже, и в провинции стали издаваться ежедневные и еженедельные органы синдикалистов-интернационалистов.

Отмечу здесь же, что общий дух, общий „уклон“ работы „Комитета“ был именно синдикалистским. Состоя членом „Комитета“, я несколько раз был свидетелем того, как вопросы решались в чисто синдикалистском смысле. Не один раз также „Комитет“ энергично отвергал всякую попытку направить его работу в русло парламентаризма, или внести в него дух партийности.

* * *

Осенью 1916 г., по постановлению министра внутр. дел (г. Мальви), я должен был быть арестован и заключен, впредь до окончания „освободительной“ войны, в „лагерь“, за мою анархическую, революционную и антимилитаристскую деятельность. Я скрылся из Парижа и, после двух месяцев невероятных мытарств, бежал в Америку. Я продолжал однако, внимательно следить за ростом интернационалистского течения среди французских синдикалистов. Из отчетов последующих конференций, из газет и других печатных материалов я видел, что течение это неуклонно крепнет, наростает, развивается, несмотря на всевозможные гонения и репрессии.

Из напечатанной недавно (в „Правде“, под заглавием „Синдикализм во Франции“) статьи Анри Гильбо видно, что, за последнее время, точка зрения классовой интернационалистской борьбы усвоена уже громадным большинством синдикалистских организаций и деятелей.

Гильбо заканчивает свою статью (снабженную точными цифровыми данными) очень характерным признанием:

„Война,—говорит он,—не положила конец разладу между синдикализмом и социализмом. И лишь путем сконструирования (образования) социалистической партии, стоящей на циммервальдской позиции, признающей основным принципом классовую борьбу при всяких условиях и обстоятельствах,—с последовательно—революционной программой,—лишь таким путем возможно устранение антагонизма (вражды) между синдикализмом и социализмом. (Разбивка моя. В. О.).

Уже из этих слов совершенно ясно, что, в деле классовой, революционной и интернационалистской борьбы, социализм во Франции далеко отстал от синдикализма.

Если же мы обратимся к протоколам социалистических (партийных) конференций, то документы и цифры скажут нам следующее.

Во-первых, франц. социалист. партия (с.-д.) лишь с большим трудом, с большой неохотой „раскачалась“ и пр ступила к устройству своих конференций (и то—под энергичным давлением низов). Так, первая партийная конференция с.-д. имела место в Париже лишь накануне 18 го месяца войны (25-го дек. 1915 г.), то есть, в то время, когда в синдикалистских рядах вопрос об интернационализме был уже давно поставлен ребром, и борьба двух течений—оборонческого и интернационалистского—развертывалась широко и ясно.

Во вторых, на партийных конференциях (и в рядах социалист. пар-

тии вообще)—интернационалистское и революционно-классовое течение бывало каждый раз представлено столь ничтожным количеством голосов и выражалось так робко, что о нем не стоило бы даже упоминать.

Французская социал-демократия находилась, за все время войны, в состоянии полного паралича. Она влачила самое жалкое существование, плетясь на задворках рабочего движения и играя самую несчастную роль в борьбе за интернационализм. Она, действительно, не выдвинула в этой борьбе почти ни одного имени, почти ни одного решительного, последовательного, сильного деятеля... К сказонному необходимо добавить, что, в то время, как в синдикалистских рядах идея интернационализма, борьба и число борцов беспрерывно наростали,—в рядах социалистической партии не было, в этом отношении, ни малейшего движения вперед. Конгресс за конгрессом обнаруживали лишь полное убожество духа, мысли и сил партии, которая, вплоть до последних дней, так и оставалась в хвосте движения.

Вот почему, когда наши отечественные партийные деятели, будучи полными невеждами в области французского рабочего движения, или же сознательно обманывая людей, с великим апломбом и не без доли простого нахальства, заявляют, в печати и с трибуны, что-де „французский синдикализм обанкротился", то им следует ответить русской поговоркой: „Чья бы коровушка мычала..."

Упомяну еще и о том, что, в силу целого ряда условий, французские анархисты тоже не смогли сколько-нибудь заметно возвысить свой голос, пока этого не сделали синдикалисты. Синдикалисты и анархо-синдикалисты помогли, в этом отношении, анархическим группам. Сомнения, колебания и бессилие тех анархических групп во Франции, которые, будучи замкнуты в самих себе, оставались оторванными от низов, от живых народных масс и от массовых организаций,—эти сомнения, колебания и это бессилие кончились только после того, как синдикалистские организации подняли свой громкий голос. Интернационализм в синдикалистских рядах дал решительный толчок анархическим группам и побудил их к (тоже весьма запоздалым и, вначале, очень робким) заявлениям и выступлениям в печати.

Если нам постоянно кричат о Жуо и еще о двух-трех, изменивших классовой борьбе и интернационализму, синдикалистах, то мы можем, в ответ, назвать имена Мерейма, Бурдерона, Гасфельда, Ифто, Перика, Брутшу и еще доброго десятка других, оставшихся верными своему знамени, видных французских синдикалистов и анархо-синдикалистов.

И если невежды или лжецы заявляют нам, что во Франции „синдикализм обанкротился, ни разу не отмежевал себя от национализма, об'единился с буржуазией, оказался синдикал-патриотизмом", и пр., и пр.,—то мы, с полным сознанием неоспоримости нашего утверждения, говорим: единственной крупной и яркой интернационалистской силой во Франции,—силой, которая, в годину войны и массового отступничества, выдвинула, отстояла и укрепила там идею интернационализма, вынесла на своих плечах интернационалистскую борьбу и, по выражению одного из французских общественных деятелей, „спасла во Франции социализм",—единственной такой силой оказался во Франции синдикализм.

* * *

Моя статья хотя и черезчур затянулась, но она была бы неполной, если бы, в заключение, я не остановился еще на двух фактах.

Во время моих двух-месячных скитаний по французской провинции, осенью 1916 г., в качестве нелегального, скрывающегося беглеца, в целях организации очень трудного, в то время, для анархиста побега в Америку*),—я близко соприкасался со множеством синдикалистов: они скрывали меня; давали мне приют и стол; помогли, наконец, моему побегу... И я имел случай убедиться своими глазами в том, что провинциальные синдикалистские организации были пропитаны духом интернационализма: синдикаты металлистов, техников-строителей, моряков торгового флота и др. имели уже тогда в своих рядах значительное количество интернационалистов.

Анри Гильбо как нельзя лучше подтверждает это и разрушает „сплетни" о французских синдикалистах, когда сообщает в своей статье, что, при последней анкете, из 3.208 синдикалистских голосов, „принцип классовой борьбы был признан 3.189 голосами; только 19 требовали смягчения классовой борьбы, и ни один голос не был подан за сотрудничество классов".

Вот как французские синдикалисты „об'единились с буржуазией" и „изменили борьбе"!..

Второй факт, о котором я считаю необходимым упомянуть, состоит в том, что,—как это было сообщено недавно газетами,—синдикалисты в Америке (там они называются „индустриалистами") не только все, как один человек, повели самую решительную борьбу против войны и за интернационализм, но и жестоко поплатились в этой борьбе. Синдикалистское движение, в данный момент, совершенно задушено „демократическим" правительством «свободной Америки». Большое число индустриалистов арестовано. Многие убиты и искалечены при самосудах и стычках с полицией. Организации разгромлены и закрыты. Печать запрещена. Устные выступления тоже...

Я скажу, чтобы закончить: искажение и ложь со стороны многих наших противников по отношению к синдикалистам и синдикализму—на-лицо. Не думает ли читатель, что необходимость прибегать, в борьбе с нами, к столь жалкому оружию—невольно заставляет предполагать отсутствие у этих противников другого, более сильного оружия и очень плохо рекомендует защищаемую ими «истину»?

*) Анархистам других стран легальный в'езд в Америку закрыт.



ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.

(„Гол. Тр.“, № 20, 25 нояб./18 дек. 1917 г.).

То, о чем мне хочется побеседовать сегодня, может многим показаться большой ересью.

Помню, как, пять слишком месяцев тому назад, по пути из за-границы, мы с товарищами жадно набрасывались на русские газеты, стремясь, на основании отрывочных газетных сведений, разобраться в сложной обстановке событий... Помню, как, уже в Сибири, один из товарищей, на основании этих сведений, высказал предположение, что наша революция „пошла на убыль“... Помню, что для того момента—такая мысль показалась мне глубоко ошибочной, и я посмеялся над несколько скороспелым пессимизмом товарища. Последующие события показали, что он, действительно, был не прав.

Не то—теперь. И я вспоминаю здесь обо всем этом для того, чтобы теперь же сказать товарищам, работающим в массах, на местах: будьте деятельны! Будьте на—готове сами, и готовьте других. Ибо ныне—Революция может пойти на убыль.

О, я отнюдь не хочу категорически утверждать это. Товарищам достаточно известен мой оптимистический взгляд на нашу революцию. Они хорошо знают, что я нахожу в ней громадные, глубоко затаенные силы и возможности, обеспечивающие ея конечную победу. Я не один раз останавливался на этих „шансах революции“ и в лекциях, и в статьях. И я отнюдь не хочу утверждать, что отныне революции грозит уже неизбежная гибель.

Но—всякая революция есть, прежде всего, борьба враждебных друг другу общественных сил. Исход борьбы зависит, в каждый данный момент, от наличного соотношения этих сил.

И я хочу только предупредить, что—по моему глубокому убеждению—нам предстоит, в ближайшем будущем, новая борьба, в которой это соотношение сил может стать иным, чем то, которое имелось до сих пор. Я хочу сказать, что в дальнейшем,—поворот революции назад более возможен, чем это было раньше. Я хочу предостеречь товарищей и лишний раз направить их внимание на ту немедленно необходимую деятельность, которая единственно способна укрепить для предстоящей борьбы, позиции и силы Революции.

Именно в настоящий момент, когда политическая революция дошла до своего кульминационного пункта, до своей последней черты,—именно теперь революции грозит величайшая опасность, на которую мы должны открыть глаза и для предупреждения которой мы должны напречь все наши усилия. Именно теперь Революция может застрять на мертвой точке, с которой может начаться ея откат. Именно теперь мы должны, во что бы то ни стало, помочь ей не остановиться на этой мертвой точке, на этом «повороте», но решительно двинуться дальше.

В чем же заключается та опасность, которая заставляет меня, на другой же день после новой победы, после нового, скачка Революции вперед, заговорить таким, отнюдь не восторженным языком?

В настоящее время, на самом гребне крутой горы, по которой, до сих пор, восходила наша революция,—и эта Революция, и контр-революция окончательно и деятельно собирают свои силы. Предстоит решительный бой. И бой этот развернется, вне всяких сомнений, вокруг определенного «фокуса»—Учредительного Собрания.

В каком же положении будут тогда обе силы—Революция и контр-революция? Каково будет соотношение между ними?

Если Революция не сумеет теперь же, немедленно ступить самым решительным образом на путь глубокого социального переустройства и творчества; если Революция ныне остановится и ограничится, в области социальной, безжизненными «декретами», робкими полумерами и бездеятельными мечтаниями; если Революция, в ближайшие же дни, все еще не сойдет с того кривого политического пути, к которому политические партии ошибочно готовили ее, по которому политические партии ошибочно вели ее, и в итоге которого те же партии привели ее к политическому болоту—Учредительному Собранию; если Революция, если массы останутся и впредь глухи и слепы к немедленно необходимому делу решительного, смелого социального действия,—то, к моменту решающей схватки, в лагере Революции могут оказаться лишь незначительные, наиболее передовые слои рабочей армии. В лагере же контр-революции очутятся помимо всех тех элементов, которые и прежде находились в нем,—все усталые, разочарованные, изверившиеся, неудовлетворенные, озлобленные, равнодушные...

Но, что важнее всего, те социальные полумеры, которые принимаются ныне Правительством, могут успокоить, „разреволюционизировать" довольно значительные слои населения, стоявшие еще при Керенском за Революцию. Эти слои могут теперь не пожелать выйти снова на бой. Они могут сказать: „С нас довольно того, что мы получили. Пусть Учредительное Собрание и новая власть укрепят это. Лезть дальше некуда и снова проливать кровь—не за что"...

Политический путь Революции; чисто политическая точка, в которую Революции предстоит завтра упереться,—Учредительное Собрание; робкие социальные полумеры, вместо решительных социально-творческих шагов; с одной стороны, утомление и недовольство, с другой—полуспокоение и примирение, которые очень возможны в результате этого ложного пути,—таковы те причины, которые могут быстро ослабить силы Революции. Такова та опасность, относительно которой мы должны предостеречь. Таковы те данные, которые могут привести к тому, что, в нужный момент, активные силы Революции окажутся, на этот раз, недостаточными.

Если сознательные рабочие слои хотят предотвратить эту возможную опасность и обеспечить дальнейшее движение Революции вперед, то передовые рабочие должны немедленно,—всюду на местах,—приступить к социальному творчеству и требовать от Правительства, раз оно еще существует, работы по разрешению социальных задач.

Вместо Учредительного Собрания и продолжения политической формы Революции (форма, которая отныне может быть только гибельным топтанием на месте); вместо робких полумер в области вопросов продо-

вольственного, банковского, производственного, жилищного и пр.,—рабочие организации,—всюду на местах,—должны решительно выдвинуть и начать разрабатывать план действительного активного проведения в жизнь следующих задач: 1) перенятие в свои руки продовольственного дела; 2) из'ятие из области частной торговли предметов первой и второй необходимости; 3) установление прочных сношений между городом и деревней в деле обмена продуктами; 4) конфискация и употребление части банковских капиталов в качестве оборотного капитала для начала новой производственной деятельности; 5) перенятие в руки рабочих организаций фабрик и заводов, причем следует положить энергичное начало этой деятельности в Донецком бассейне, где перенятие копей и рудников в ведение и распоряжение рабочих организаций не представляет „материальных" трудностей и связано, главным образом, с организационными задачами; 6) энергичное перенятие рабочими организациями в свое ведение дела снабжения заводов топливом и сырьем, для чего, помимо энергичной деятельности в Донецком бассейне, необходим переход в распоряжение рабочих организаций всех средств сообщения и сношения: жел. дорог, пароходства, почт, телеграфов и т. п.; 7) решительная деятельность в деле устранения частной собственности на дома и переход всех жилых помещений города в ведение организаций жителей города (домовых комитетов).

Необходимо немедленно приступить к практической работе во всех упомянутых областях, перейдя, от бумажных „декретов" и полумер, к живому и яркому социальному действию, творчеству.

Только такая деятельность способна двинуть Революцию по пути дальнейшей Социальной Революции, не позволив ей остановиться на мертвой точке революции политической.

Только такая работа может ярко осветить великие вершины истинной Революции, открыть ей новые привлекательные пути, снова увлечь широкие массы к дальнейшим победам и завоеваниям, удержать эти массы в лагере Революции, не дать вырости и окрепнуть надвигающейся реакции.

ВМЕСТО У. С.

(„Голос Труда", № 21, 2/15 дек. 1917 года).

Известно, что мы, анархисты, отрицаем Учредительное Собрание, считая его не только совершенно ненужным, но прямо вредным для дела Революции.

Очень немногие, однако, дают себе ясный и правильный отчет в том, откуда именно вытекает у нас такая точка зрения.

Между тем, существенен и характерен вовсе не самый факт отрицания. Существенны те причины, которые к нему приводят.

Мы отрицаем Учред. Собр. не из каприза, не из упрямства или духа противоречия. Мы не „просто и только отрицаем": мы приходим к отрицанию логически — потому, что считаем единственно важным и полезным для трудящихся делом, во время Социальной Революции,—устроение новой жизни самими трудящимися массами, снизу, при помощи непосред-

ственных массовых экономических организаций, а не сверху, при посредстве политического властного центра.

Мы отрицаем потому, что ставим на место Учредительного Собрания совершенно иной „учредительный“ институт—естественно об'единенную снизу трудовую (рабоче-крестьянско-солдатскую) организацию.

Мы отодвигаем У. С. потому, что выдвигаем на его место нечто другое.

Мы не хотим, чтобы одно мешало другому.

Большевики, с одной стороны, признают непосредственную, классовую организацию трудящихся (Советы и пр.), а с другой—сохраняют нелепое внеклассовое Учр. Собр. Мы считаем такую двойственность противоречивой, крайне вредной и опасной. Она является, конечно, неизбежным результатом того, что большевики, будучи „социал-демократами“, вообще путаются в вопросах „политики“ и „экономики“, „власти“ и „безвластия“, партии и класса. Они не решаются окончательно и вполне отказаться от мертвых предрассудков, ибо для них это означало бы броситься, не умея плавать, в открытое море.

Нельзя не путаться в противоречиях людям, которые, во время пролетарской революции, считают главной задачей организацию власти.

Мы отрицаем эту «организацию власти» именно потому, что выдвигаем, на ея место, организацию революции.

Организация власти упирается логически в Учредительное Собрание.

Организация революции приводит, логически же, к совершенно иному построению, в котором Учредительному Собранию просто нет места и которому У. С. просто мешает.

Вот почему мы отрицаем Учредительное Собрание.

ГРЯДУЩИЕ ЗАДАЧИ.

(«Гол. Тр.», № 21, 2/15 дек. 1917 г.).

Перед революцией теперь два пути. Третьяго—нет.

Или, приостановившись на вершине крутой „политической“ горы, по которой она взбиралась в течение восьми месяцев, Революция дрогнет и начнет скатываться назад, сползать вниз—к туманным, мрачным низинам; или—она должна будет продолжать под'ем, взбираясь на новую „социальную“ гору, вершина которой теряется в облаках.

Никакая Революция не может стоять на месте. Третьяго пути, третьяго состояния нет.

Мы говорим, что Революция достигла ныне вершины горы. В самом деле: под'ем политической революции—окончен. Политическая революция достигла последней черты, крайней точки вершины. Самая левая политическая партия овладела, наконец, властью. Эту власть она ныне закрепляет

и осуществляет. Политического движения вперед больше быть не может. Политической революции дальше итти некуда.

Трудящиеся массы должны теперь приложить все усилия к тому, чтобы не дать Революции остановиться. Рабочие и крестьяне должны предупредить, предотвратить возможный откат назад. Солдатские массы должны всячески поддержать, на этом пути, рабочих и крестьян. В противном случае—Революция погибла.

Рабочие и крестьяне должны теперь направить революцию в созидательное, социальное русло. Если это удастся им,—революция спасена и победа обеспечена. Если не удастся,—смерть Революции неизбежна.

Что же должны делать трудящиеся для того, чтобы поддержать, подхватить Революцию и направить ее по пути революции социальной?

Ряд громадных и нелегких задач выростает теперь непосредственно перед трудовыми массами деревни и города.

Деревне предстоит,—в длительной, упорной борьбе и работе,—овладеть всей землей на артельных, мирских, общинных началах; устранить частное, не мирское владение землей, устранить помещика и крестьянина-собственника: „устроить“ землю на справедливых началах,

Но, овладеть землею, это—лишь пол—дела.

Надо будет, далее, обзавестись, на артельных же началах, необходимым для обработки этой земли инвентарем: скотом, машинами, инструментами и т. д.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Овладевая землей и инвентарем, крестьянство должно будет тут же налаживать правильную, равномерную сельскую работу, опять-таки на артельных началах, постепенно улучшая хозяйство и совершенствуя приемы работы.

Наряду с этим, крестьянские артели должны правильно поставить дело распределения продуктов (зерна, сена, овса, овощей и пр.). Все необходимое для потребления артели должно распределяться по едокам; необходимое для посева—ссыпаться в склады; остальное посылаться заказчикам—туда, где сельские продукты требуются. Отсюда возникают новые задачи: устройство общественных складов; организация нового распределения; налаживание деятельных сношений между деревнями, деревень с городами и т. д.

А дальше—выростают крупнейшие задачи „второго порядка“: полная перестройка крестьянских жилищ; организация школьного дела; оздоровление деревни и постановка там санитарного и врачебного дела...

Задачи города, городского хозяйства, городской жизни—еще более сложны; в особенности, в обстановке текущего момента.

Только многосторонняя планомерная деятельность рабочих организаций —деятельность, решительно направленная к определенной цели,—может оказаться на высоте этих задач.

В общем и целом, эта деятельность и эти задачи рисуются в следующем виде.

Организация питания.

Везде, где достаточные силы сознательных солдат и матросов стоят на страже революции и поддерживают рабочее дело, необходимо, прежде всего, решительно поставить, энергично разработать и самым определенным образом провести в жизнь продовольственный вопрос.

Главные с'естные продукты (хлеб, мясо, сахар, соль, молоко, масло и пр.) должны быть немедленно из'яты из частно-торгового оборота. Имеющиеся на-лицо продукты (в лавках, магазинах, на складах и т. д.) должны перейти в ведение общественных организаций; общественные же организации должны взять на себя дело добывания новых продуктов. Вместо частных торговых заведений, организуются общественные склады.

Какие именно организации могут приступить к этой задаче? Удобнее и проще всего было бы поручить выполнение ея кооперативным организациям. В этом случае—во-первых, дело попадало бы сразу в руки людей, уже знакомых с продовольственным делом; во-вторых, задача облегчалась бы тем, что кооперативы могли бы осуществить конфискацию продуктов и организацию складов, без особых затруднений и осложнений, по кварталам, районам и пр.; в-третьих, планомерное проведение в жизнь этой задачи позволило бы приказчикам и другмм служащим в торговых заведениях не остаться без работы на улице, а перейти к той же роботе—на складе того же квартала; в-четвертых, наконец, такое решение вопроса позволило бы связать задачу продовольственную с задачей жилищной. Деятельность кооперативов потребителей данной улицы, квартала и пр. может быть весьма удобно об'единена с деятельностью домовых комитетов. (Связь между тем и другим уже подчеркнута Революцией).

Конфискация продуктов и огрганизация общественных складов должны сопровождаться организацией дешевых (или даже бесплатных) общественных столовых, с горячей пищей и чаем (вместо нынешних трактиров и чайных).

Такая постановка вопроса, такое широкое проведение в жизнь основных мер по организации питания могло бы тотчас же существенно облегчить положение бедного населения. С другой стороны, совокупность этих мер нанесла бы серьезный удар спекуляции и контрабанде, с которыми нет возможности бороться другими средствами.

Меры эти были бы бесплодны, если бы продуктов не было. Но—они есть. Надо лишь суметь найти и обобществить их. В этом отношении, большую услугу могут оказать именно кооперативы (домовые, улиц или кварталов), в единении с домовыми комитетами.

Необходимо немедленно требовать от своих рабочих организаций постановки всех этих вопросов на очередь дня. Необходимо, чтобы живая масса, стоящая вне организаций, настаивала на немедленной разработке всех этих вопросов и на скорейшем воплощении в жизнь этих первейших, насущнейших мероприятий.

* * *

Рука-об-руку с деятельностью по организации питания (планомерная реквизиция продуктов первой и второй необходимости; организация общественных складов-лавок и добывание продуктов; устройство

общественных столовых и т. д.), должна развиваться энергичная работа по разрешению жилищного вопроса.

Организация расселения.

Необходимо немедленно приступить к планомерному из'ятию домов и жилищ из рук частных собственников, живущих эксплоатацией „жильца", „квартиронанимателя". Обобществление всех, без исключения, домов города и, затем, более или менее равномерное, справедливое распределение имеющихся квартир,—такова непосредственная задача.

Мы прекрасно знаем, что задача эта не может быть разрешена одним ударом, в пять минут. Она требует планомерной, вдумчивой, серьезной работы.

Но необходимо решительно поставить перед собой эту цель и определенно приступить к разработке плана ея осуществления. Дело, ведь, только тогда и делается, когда имеется ясная, определенная цель.

Наше правительство проектировало робкий, осторожный декрет об облегчении квартирной кабалы и—на этом застряло. Но, речь должна итти не об изменениях условий квартирной платы, а о полном устранении частной собственности на жилища, об установлении совершенно новых жилищных отношений.

Организации, способные провести эту задачу в жизнь, имеются: домовые комитеты, советы уполномоченных от жильцов.

Каждый такой комитет или совет подготовляет и разрабатывает осуществление задачи у себя, на месте, в пределах данного дома. Ему, этому комитету, точно известно положение вещей у него „на дому". Он может, в каждом доме, собрать точнейшие данные по всем существенным вопросам: положение домовладельца и жильцов, состояние квартир, вопросы ремонта, отопления, освещение, домовой прислуги и пр.

Комитеты отдельных домов об'единяются естественно в советы улиц, кварталов, подрайонов, районов. Каждый такой совет рассматривает вопросы, выходящие из круга ведения отдельного комитета. Наиболее общие вопросы решаются обще городской организацией, естественно об'единяющей нисшие ячейки.

Вслед за перенятием домов в ведение и распоряжение домовых организаций, возникает вопрос о распределении квартир. Это—как раз такой вопрос, который должен решаться в обще-городском масштабе. И если обще-городская организация, действительно, об'единяет домовые, квартальные и районные организации снизу, то решение задачи будет легко осуществимым.

Построение организации по разрешению жилищного вопроса снизу,—от окружности к центрам,—одинаково обеспечивает, как возможность и планомерность рассмотрения всех отдельных, частных случаев и положений, так и осуществление общих для всей массы населения задач.

Отметим, что в таком именно виде приступлено на-днях к разрешению жилищного вопроса в г. Кронштадте.

Петроградскому населению необходимо немедленно и энергично взяться за работу по организации расселения. В этом вопросе найдется дело каждому обывателю, ибо каждый обыватель живет в доме и заинтересован в том, чтобы оплата его жилища была справедливой и шла, действительно, на покрытие связанных с содержанием дома расходов. Что же касается более справедливого распределения квартир, то, вслед за первыми шагами по пути общественного дела, дальнейшие шаги окажутся и естественными, и нетрудными.

* * *

За-одно с организацией общественного питания и организацией расселения, необходимо теперь же приступить к планомерной организации перехода фабрик и заводов в ведение и распоряжение фабрично-заводских комитетов.

Фабрики и заводы.

Не зачем много говорить о том, что фабрики и заводы должны теперь же начать переходить в руки рабочих организаций. Это ясно для каждого сознательного рабочего. Важнее остановиться (пока—вкратце) на вопросе о том, как осуществить этот переход.

В настоящий момент, фабрики и заводы закрываются в громадном количестве. Ежедневно тысячи и тысячи рабочих остаются без дела. Что же мешает этим рабочим не дать закрыть фабрику и продолжать дело самим? Главные трудности и препятствия известны: 1) недостаток оборотных средств („денежных знаков“); 2) недостаток заказов; 3) недостаток сырья и топлива; 4) невозможность быстрого перехода на изготовление предметов мирного времени; 5) сознательный саботаж предпринимателей и высших служащих. Из этих препятствий, особенно серьезными являются: недостаток заказов и недостаток сырья и топлива. Серьезность их зависит, в значительной степени, от отсутствия правильных и постоянных сношений с деревней, от разрухи и оторванности центров угольной, нефтяной и металлургической промышленности (Донецкого бассейна и Урала), от малой провозоспособности дорог и полного расстройства транспорта.

Из сказанного вытекает необходимость ряда мер, за которые рабочие должны приняться сами—немедленно и энергично, не ожидая решительно ничего ни от каких центральных организаций и обращаясь в эти организации лишь-за помощью.

В то время, как в городе должны налаживаться: обобществление продовольственного дела, организация питания и перенятие домов, что уже, в значительной степени, облегчит существование рабочих,—необходимо поставить на очередь вопрос об овладении оборотными средствами (денежными знаками), в целях снабжения ими фабричных и заводских касс.

Банки.

Необходима конфискация крупных банковских капиталов и обращение этих средств на дело поддержания работ на заводах и фабриках. При этом, отнюдь не желательна так-называемая „национализация банков“ (уже проведенная правительственным декретом), при которой капиталы поступают в распоряжение государства (т.-е., фактически—

правительства). Надо, чтобы конфискованные суммы положили начало не „Государственному“ (правительственному), а „Рабочему“ банку. Необходимо весь вопрос о размерах и употреблении конфискованных средств передать на рассмотрение рабочего с‘езда, который и решит вопрос о распоряжении этими средствами и об организации „Рабочего Банка“.

Город и деревня.

Однако, конфискация наличного денежного капитала может лишь на некоторое время смягчить остроту положения; она не в силах прочно и на долго разрешить вопрос.

Важнейшей для городских рабочих мерой, которая может (в связи с уже перечисленными мерами) помочь им обеспечить свое существование на долгое время и постепенно наладить новую работу на своих заводах и фабриках является немедленное установление прочных связей и отношений с крестьянами окружающих деревень (уезда или, даже, губернии). Необходимо тотчас приступить к организации прямого обмена с деревней. На это дело не следует жалеть ни времени, ни энергии. Надо, на рабочем с‘езде, выработать воззвание к крестьянам и разослать по деревням как это воззвание, так и людей, с целью организовать получение от крестьян всевозможных сельско-хозяйственных продуктов, в обмен на городские продукты и на работу по починке и ремонту с.-хоз. орудий. В некоторых местах городские рабочие уже приступили к этому и быстро достигли крупных результатов.

Сырье и топливо.

Что касается сырья и топлива, то, в этом отношении,—время, несомненно, упущено. Надо было обратить внимание на этот вопрос с самого начала революции. Теперь—положение очень серьезно; но, все же, не безнадежно. Кроме Донецкого бассейна, от которого ждать помощи пока не приходится, существует Урал, на который необходимо послать людей, в целях установления прочных связей и получения необходимых материалов. Надо рабочим самим взяться за розыски, затрачивая на это часть сил и времени, пока они могут еще продержаться в городе (благодаря другим мерам). За это же время, следует, по возможности, приспособлять имеющиеся заводы к задаче изготовления предметов для деревни и к нуждам ремонта, чинки и пр.

Транспорт.

Рабочие, остающиеся без дела, должны узнавать, где могли бы они приложить свой труд на железных дорогах (чинка паровозов и вагонов, ремонт пути и т. п.). Железные дороги должны, в этом отношении, пойти на встречу рабочей нужде.

Кроме того, необходимо самым решительным образом настаивать на немедленном переходе железных дорог в распоряжение рабочих организаций.

Общественные работы.

Но и помимо железно-дорожных работ, необходимо организовать общественные работы в самом городе. Это обычная мера борьбы с безработицей имеет свое значение.

* * *

Таковы, в кратких словах, ближайшие насущные задачи, выростающие перед рабочим населением города,—задачи, смелая и энергичная постановка которых может в большей степени смягчить болезненность переживаемого острого переходного кризиса.

Скажем, в заключение, что, по нашему мнению, рабочие Петрограда должны теперь же взять в руководство три следующих необходимости: 1) созвать рабочий с'езд, с большим числом представителей, для разрешения всех этих и других чисто-деловых вопросов; 2) действовать смело и решительно, не боясь ни ошибок, ни неудач; ибо, хуже быть не может, а улучшить положение — другого способа нет; и 3) ни от кого ничего не ждать, ни на кого не надеяться: действовать самим, обращаясь к помощи своих рабочих организаций, когда последние в силах помочь, и действуя помимо организаций, когда последние прямо заявляют о своем бессилии.

Только сами, беззаветно и смело идя на все, до конца, не останавливаясь ни перед чем и участвуя—каждый—в общем деле, рабочие смогут добиться успеха и не дать буржуазии восторжествовать на развалинах революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА.

(Ответ читателям).

(«Г. Т.» № 21, 2/15 дек. 1917 г.).

Я получил два письма—оба чрезвычайно характерных.

В первом—один из читателей пишет: „Вы не раз указывали на то, что без заключения мира, невозможно действительно полное разрешение всех других насущных вопросов. Теперь скажите: можно ли заключить мир без определенного политического центра, то есть без политической власти, которая вела бы дело заключения мира? А если невозможно, то, значит, и другие насущные вопросы не могут быть разрешены без предварительного захвата политической власти. Значит большевики были правы, стремясь, прежде всего, захватить власть".

В другом письме мне пишут: „Правильно ли поступают большевики, что ведут переговоры о мире с правительствами? Можно ли допустить, чтобы рабочее и крестьянское правительство,—правительство Великой Пролетарской Революции,—обращалось от имени революционного народа к буржуазно-военным, империалистским правительствам других стран? Я считаю это недопустимым, позорным. Я обвиняю большевиков в том, что они затеяли торг между Революцией и правительствами,—ея закоренелыми врагами. Как вы думаете по этому поводу?"

Я нарочно свожу вместе оба письма. Второе уже, в значительной степени, отвечает на первое. Мне остается лишь, в нескольких словах оттенить внутреннюю связь между обоими письмами и пополнить ответ.

Начну с второго письма.

Я думаю, что нельзя винить большевиков за то, в отдельности, что они вступили в переговоры с правительствами. Такой прием был для них роковой неизбежностью на том политическом пути, которым социал-демократы шли и до русской революции, и во время самой революции. Можно и следует винить в том, вообще, что они, с самого начала, разыгрывали революцию по политическим нотам захвата власти и партийной борьбы. Заключение мира путем переговоров с правительствами явилось лишь неумолимым логическим следствием и выводом из всей их деятельности. Политический путь имеет свои роковые законы, свои неизбежности. Если человек, взяв неверную дорогу, пришел к болоту, то нельзя винить его в том, что на этом пути имеется болото, а можно и следует винить его в том, что он, с самого начала, взял неверную дорогу.

Раз революция шла политическим путем, то на этом пути она, по вопросу о мире, не могла не вылиться в форму политического же заключения мира, то-есть, в форму переговоров о мире между политическими центрами — правительствами. Вините большевиков в том, что они взяли неверную дорогу, но никак не в том, что на этой дороге имеется неизбежность — мирные переговоры между правительствами.

Заключение мира было безусловной необходимостью. И раз, в результате политического пути Революции, составилось (будь оно хоть трижды „рабочим и крестьянским") правительство, то эта необходимость заключения мира неумолимо должна была вылиться в форму переговоров о мире между этим и другими правительствами. Иного выхода, при политическом пути Революции, не было.

Из сказанного уже ясен мой ответ и на первое письмо.

Автору этого письма, вероятно, и в голову не приходит, чтобы можно было заключать мир иначе, чем путем переговоров между правительствами, и чтобы можно было обвинять в ведении таких переговоров „рабочее и крестьянское правительство". Он рассуждает просто и, с своей точки зрения, верно: 1) мир был необходим; 2) мир можно было заключить лишь при помощи переговоров между правительствами; 3) вывод: стало-быть, необходимо было образование соответствующего правительства, то есть захват власти большевиками.

Но, тут-то и выплывает вопрос автора второго письма: а хорошо-ли, правильно-ли заключать мир таким образом? Иными словами, автор второго письма несогласен с 2-м основным положением автора первого письма, а, стало-быть, несогласен и с его, — кажущимся ему столь неумолимым, — выводом.

Несогласен с ним и я.

Я нахожу, что как дальнейшее углубление самой Революции, так и связанное с этим углублением движение к миру могли и должны были итти, с самого марта месяца, не политическим путем, не через «власть», а путем непосредственной экономической, внепартийной деятельности масс на местах (организация и планомерный переход к экспроприации).

Я считаю, что мир, в этом случае, мог бы быть и проще, и скорее заключен самими массами, без посредничества правительств.

Я думаю, что Революция и война, что основные вопросы о хлебе и мире не уперлись бы, в этом случае, в тот почти безвыходный, ужасный тупик, в каком они находятся поныне.

Но, как же мог бы русский народ заключить мир без посредничества правительства?

Один из сотрудников „Голоса Труда" (матрос М. Харлампиев) говорит в прошлом номере: „Что же касается мира, то мне кажется, что это дело надо взять в руки самим солдатам и матросам... Они лучше, вернее и скорее всех организуют настоящий мир—справедливый и вечный... Не думайте, что они плохо сделают, „не организованно"; поверьте, не такие уж мы косолапые, как про нас понимают „буквоеды".

Несколько месяцев тому назад, один из товарищей выдвигал идею созыва Всероссийского рабочего с'езда для постановки вопроса о прямой ликвидации войны и о созыве, с этой целью, международного рабочего с'езда (порядок дня—устройство международной всеобщей стачки против войны).

Выдвигались и другие меры.

Наконец, раздавались голоса и за то (как нам приходилось уже отмечать), чтобы русская армия показала в этом деле прямой почин и ушла организованно домой, просто перестав воевать. Говорили, что теперь такой прямой почин неизбежно, „механически" увлек бы армии других стран, и война сейчас же прекратилась бы.

Я не могу развивать здесь подробно всю эту тему, ибо мне пришлось бы, в таком случае, поднять громадный вопрос о войне в его целом.

Ограничусь кратким выводом.

Я, лично, склонен думать, что последнее мнение наиболее правильно. Я полагаю, что, сам взявшись,—революционно и прямо,—за решение вопроса о войне, русский народ должен был бы поступить (и поступил бы) именно так: наши солдаты просто прекратили бы войну и, организованным порядком, оставили бы фронт. Они ушли бы домой, и—раз навсегда в истории, война кончилась бы, как явно бессмысленная и ненужная вещь.

Автор первого письма (как и всякий большевик) не станет, конечно, бояться иностранного вторжения, в случае такого прекращения войны. Ибо, большевики прекрасно понимают всю напраслину подобных страхов и говорят устами Ленина: „Пусть она (всемирная буржуазия) попробует повести народы на четвертый год войны друг против друга. Это ей не удастся". (Речь Ленина на Всероссийском с'езде военного флота; „Известия", № 235).

Ну, так и я, в свою очередь, спрошу теперь автора письма:

Если буржуазии «это не удастся» и опасаться вторжения, вообще, нечего, то чем такой прямой и простой прием ликвидации войны хуже переговоров между правительствами? И почему нельзя заключить мир иначе, как через посредстбо правительства? Не ясно ли,

во-первых, что, раз вторжение невозможно и все народы готовы к революции (см. ту же речь Ленина), то любой путь прекращения войны не страшен, и надо выбрать именно наиболее простой, прямой, скорый и верный путь? И не ясно ли, во-вторых, что путь междуправительственных переговоров есть, как-раз, наихудший путь, ибо он сложнее, запутаннее, дольше других путей; ибо он, действительно, неприятен и нелеп по существу; и—главное—именно на этом пути мы больше всего рискуем наткнуться на невозможность заключения мира, то-есть вернуться,—после новых мытарств, отсрочек, перерывов и т. д.,—к старому, разбитому корыту.

Мне думается, что если делать, то надо делать решительно, прямо и быстро. Если действительно, мир необходим и не страшен для Революции, то надо итти к нему смело и просто. Если хотеть бесстрашно лететь к облакам, то—зачем же оставаться на жалкой привязи?..

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕЛО.

(„Голос Труда", № 22, 9/22 дек. 1917 г.).

6-го декабря, на Всероссийском С'езде Советов Крестьянских Депутатов имел место знаменательный факт.

Во время заседания С'езда (на Фонтанке), прибыла делегация от Черноморского флота. Депутат матрос, тов. Кедрин, произнес сильное слово о расколе среди крестьянства и о той вредной, гибельной поддержке, какую оказывают этому расколу—политические партии.

Среди гробовой тишины на скамьях депутатов, впервые на С'езде раздалось: «Проклятие партиям! Проклятие партийным лидерам!"

Товарищ призывал крестьян взять с'езд и все крестьянское дело в свои собственные руки и итти самостоятельно, по пути разрешения насущных, наболевших вопросов крестьянской жизни. Крестьянские организации,—говорил товарищ,—не занимаются своим, крестьянским делом, а идут на поводу у партийных вожаков. Партии вносят раз'единение и раскол в крестьянскую среду и отрывают крестьянство от его прямых нужд и задач. Крестьянство стравлено партийными работниками, с.-р. и большевиками. В этой борьбе между партиями, в этом расколе—самого крестьянства нет. Есть с.-р. и большевики, Чернов и Ленин... А великая задача, трудная задача, за которую крестьянство должно немедленно само взяться всюду на местах,—задача эта не двигается. Помощи крестьянству в его истинных крестьянских нуждах не видно. Партии дерутся между собой и не об'единяют крестьян на живом деле, а раз'единяют их. Большей радости врагам российского крестьянства никто доставить не мог. Партии и их бесконечные раздоры, вместо дела,—дали врагам крестьянства в руки сильное оружие. И в этом их тягчайшее преступление перед крестьянством. В этом—вина партийных «лидеров» и работников: Черновых, Лениных и иже с ними. Проклятие партиям, посланное через представителей Черноморским флотом, да падет на головы партийных главарей. Партийные интересы стали выше интересов крестьянства.

Крестьянство оказалось втянутым в эти партийные раздоры и расчеты. Вместо живой работы по созданию силы, организованности и сплоченности, вместо работы по строительству новой жизни на местах, — вот уже два с‘езда занимаются навязанной им партийной грызней. Долой партийные интересы! Да здравствует хозяин земли русской — крестьянин; а партии пусть ему служат, а не он—партийным расчетам...

* * *

Так, приблизительно, говорил депутат Кедрин.

Нам почти нечего прибавить к этим словам.

И за-долго до русской революции, и с самого начало революции, мы, анархисты, настойчиво убеждали, что споры и борьба партий по вопросу о «власти», вместо внепартийной организации трудовых масс—рабочих и крестьянских—в одну трудовую армию с целью сплоченной и прямой борьбы за землю и фабрику, что эти споры и эта борьба раз‘единят трудящихся и нанесут страшный (быть-может, непоправимый) удар революции.

Мы всегда говорили: Долой партии! Рабочие и крестьяне, организуйтесь в беспартийную, революционную трудовую организацию и приступайте к прямой борьбе за землю и волю! Честные социалисты, бросьте споры о власти и помогите массам направить их организации на прямую цель,—единственно-важную в революции, — перенятие в руки этих организаций земли, рудников, копей, фабрик, заводов, жилищ, дорог и др. Не борьбой партий за власть, а борьбой таких организаций против власти победит революция...

Нас не слушали. Нас было мало. Наш голос был слаб...

Теперь—нас утешает только одно: авось, массы сами начнут понимать истину и проложат своим силам и революции прямой путь. Авось, народ еще сумеет и успеет добраться до верного решения вопроса.

Пусть же звучный голос, раздавшийся на крестьянском с‘езде, будет „первой ласточкой“, будет первым кличем к тому, чтобы крестьянство взялось, наконец, само, — рука-об-руку с рабочими городов, — за прямое, живое, сложное крестьянское дело.

Да раздастся этот клич по всей России, и да откликнутся на него повсюду живые силы!..

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ.

(„Гол. Тр.“, № 23, 16/29 дек. 1917 г.).

В настоящий момент, мы еще лишены возможности знать, насколько точны и справедливы все те тревожные известия и слухи, которыми пестрят столбцы многих газет и о которых говорят по всем углам и перекресткам нашей революционной столицы.

Говорят, будто Украинская Рада обладает значительными силами; будто ея агитация за „самоопределение“ и клич „защищайте независимость свободной Украины от притязаний большевистского правительства“ имеют

большой успех в малосознательных массах... Говорят, что крупные части войск—на ея стороне. Говорят, будто к ней же примкнуло большинство команд Черноморского флота. Говорят, будто солдаты петроградского и московского гарнизонов отказываются, в большинстве, выступать в поход против Рады. Говорят, что среди солдат существует серьезное брожение на почве недовольства большевистской властью Совета Народных Комиссаров, на почве стремления вручить „всю власть Учредительному Собранию"... Говорят, наконец, будто, под влиянием всех этих событий, большевики, — в подавляющем большинстве, — готовы итти на уступки и вступить в переговоры с „соглашательскими" партиями относительно образования обще-социалистического министерства...

Говорят еще, будто переговорам о мире грозит полное крушение...

Мы хотели бы верить, что все эти разговоры подобны былым сплетням о японцах, запопонивших Сибирь, о немцах, высадившихся в Финляндии, о двух германских корпусах, двигающихся на Петроград, и о всех прочих ужасах и небылицах, которыми еще так недавно пугали ребячески-пылкое воображение невинного обывателя...

Мы хотели бы верить...

Но, если бы во всех таких рассказах оказалась значительная доза правды, — это нисколько не удивило бы нас. Мы имели бы здесь дело с теми именно крупными препятствиями и затруднениями, которые являются неизбежными последствиями ошибочного пути Революции и относительно которых мы давно, мы всегда, — упорно и настойчиво, — предупреждали.

Нам не один уже раз приходилось и в „Голосе Труда" говорить о том, что ложный, „кривой", политический путь Революции имеет свои роковые неизбежности, которые могут вырасти в громадное препятствие и, даже, оказаться гибельными. Нам ли, после этого удивляться, если жизнь, — увы! — подтвердит наши опасения?!.

Мы постоянно говорили социалистическим партиям, — в том числе, социал-демократам: вместо прямой, ясной и до конца правдивой постановки вопросов, вы, на основании различных глубоко-ошибочных соображений (преждевременности, постепенности, неосуществимости и т. п.), —останавливаетесь на пол-дороге и, разрушая старые фальшивые фетиши и ценности, заменяете их новыми, столь же фальшивыми. Бойтесь, ибо вы дадите этим, в эпоху революции, сильное оружие врагам ея; вы рискуете потерять массы, проиграть игру, убить Революцию...

Мы могли бы теперь сказать с.-д.-большевикам, если бы „слухи" оказались „фактами":

Вы начинаете чувствовать свое бессилие? Вы начинаете ощущать безжизненность, оторванность вашей власти, „бесплотность" и бесплодность ваших лозунгов и декретов? Вы жалуетесь, что масса не воспринимает их, не проводит их сама в жизнь, не творит и не берет «власти» в свои руки?.. Но, не вы ли, вместо прямой задачи безвластной и самодеятельной организации масс,—задачи, ясная постановка которой одна только и могла подготовить массы к творчеству,—не вы ли, в течение стольких лет, приковывали внимание этих масс к фетишу захвата власти партией и организации революции партией же? Не вы ли ныне,

увлеченные „проблемой власти“, задачей „организации власти“, „борьбой за власть“. „захватом власти“,—не вы ли отвлекли и заранее ограничили энергию масс узкой задачей поддержки новой власти, вместо того, чтобы, с самого начала, открыть этой энергии широкий простор самоорганисации и творчества?.. Где и когда подготовляли вы в массах тот дух самодеятельности и те организационные стремления, которые одни только и могли бы, в нужный момент, дать массам подлинную, живую возможность творить, действовать, проводить в жизнь задачи Революции?.. Нигде. Никогда. И мы скажем вам еще, что, если бы вы, с самого начала, оставили в стороне вопрос о «власти»,—массы не отравлялись бы ныне никакими сомнениями и недовериями: с полным, беззаветным энтузиазмом, с полной ясностью делали бы они и защищали бы подлинное свое дело... Теперь—поздно жалеть...

Вы жалуетесь на то, что Раде удается, обманывая трудовой народ Украины лживым толкованием лозунга „национального самоопределения“, дурачить массы, направляя их, на деле, против революции, против их же собственных интересов?.. Но, не вы ли сами создали возможность такого „одурачения“? Ибо, если бы вы,—с самого начала, всегда и везде,—говорили полную правду; если бы вы, вместо неверного и искусственного лозунга „самоопределения“, раз‘ясняли массам,—упорно и настойчиво,—ту простую истину, что какое бы то ни было внимание к национальным интересам излишне и вредно для трудящихся, и что единственными задачами трудовых масс должны быть полное игнорирование национального принципа и организационное об‘единение на основе не-национальных, чисто-трудовых интересов,—если бы вы так поставили „национальный вопрос“, то массам было бы теперь гораздо легче понять обман. Они сразу увидели бы его. Быть-может, их даже вовсе не удалось бы уловить на удочку „самоопределения“... Вы бросали в массы неверный (исторически, логически, социологически и социалистически) лозунг. Увы,—„полная Революция“ требует полной же прямоты, ясности и правды. Всякая фальшь, всякая незаконченность отравляют ее. В решительной борьбе с врагом—опасен малейший промах, рискована малейшая неясность. Вся туманность, двусмысленность, „неполнота правды“ дает сильное оружие врагу, позволяя ему сбить массу с толку. Враг охотно поднимает это оружие и, большей частью, умело пользуется им. „Полная Революция“ мстит жестоко за неполноту революционной идеи и истины.

Вы стоите перед той нелепостью, что солдаты,—ваши же солдаты—готовы требовать ныне „всей власти Учредительному Собранию“, воображая, будто они, тем самым, служат подлинным интересам народа и Революции?.. Но, не вы ли сами,—в течение долгих лет и чуть не до последнего дня,—приковывали взоры масс к фальшивому фетишу—Учредительному Собранию? Что создавали, что подготовляли вы, в психике масс на его место? Никогда, ничего. Зачем же жаловаться на то, что вами же самими было подготовлено?...

Нет. Если вы терпите удары,—вы терпите их по заслугам. И если Революция, действительно, начинает поворачиваться к вам спиной,—вы сами дали ей это право, оскорбив ее, в свое время (да оскорбляя ее и по сейчас), неполнотой доверия к ней... О, Революция умеет мстить за себя...

Вы начинаете ныне пожинать горькие плоды того, что вами же было посеяно.

Ибо, масса обладает двумя способностями: и здоровым чутьем к истине, и—увы!—способностью легко поддаваться обману. Вы открыли путь этой второй способности. Она проявляется всегда временно. Но, когда масса начинает понимать обман,--бывает поздно. Революция оказывается ослабленной. Реакция вступает в свои права...

И если наша Великая Революция,—на что мы еще не теряем надежды,—сумеет, все же, в конце концов, растоптать горькие плоды вашей работы и принести плоды сладкие и налитые жизнью, то лишь потому, что в ней таятся великие об'ективные силы. Эти силы, быть-может, помогут ей выбраться во-время с того кривого пути, на который вы,--вы сами,--навели ее. Эти силы, быть-может, еще сумеют вывести ее на прямую, широкую дорогу истинного дела, истинного творчества, истинной организации и—победы. Тогда, вы—или пойдете с нею, или—окончательно измените ей и будете опрокинуты, смяты и раздавлены ея сверкающей колесницей.

Диктатура пролетариата и Советская власть.

(„Голос Труда“, № 23, 16/29 дек. 1917 г.).

Под таким заглавием появилась, на-днях, в „Правде“ (№ 211) весьма характерная статья, в которой нас занимают, главным образом, следующие положения:

„В отличие от анархистов, социалисты полагали и полагают, что на переходное время, когда гражданская война еще продолжается, пролетариату нужна его собственная государственная организация, рабочее, трудовое государство.

Анархисты говорят совершенно правильно, что всякое государство есть орудие принуждения и угнетения. Это верно. Но именно поэтому рабочему классу и необходимо это орудие, его собственное орудие, орудие, находящееся в его руках.

Оно необходимо ему для того, чтобы „принуждать“ и «угнетать» буржуазию до тех пор, пока она повсеместно не сдастся на капитуляцию.

Пролетарская революция не может пройти „как по маслу“ ни в одной стране, потому что она поднимает против себя все силы старого мира. И было бы бессмысленным, если бы пролетариат сидел, сложа ручки, и по-христиански подставлял щечки своим классовым противникам. Наоборот. Его задача состоит в том, чтобы раздавить всякое сопротивление, чтобы добить буржуазию, чтобы не дать ей никакой возможности вернуться к ея классовому господству.

Таков смысл диктатуры. Таков смысл рабочего государства“.

Далее, автор говорит о том, что впоследствии, с исчезновением классовой борьбы, исчезнут и самые классы, а, стало-быть, не будет больше никакой надобности и в орудиях классового угнетения. Не будет и государства.

В заключение, автор статьи утверждает, что, раз «смысл диктатуры заключается в подавлении классового противника», то пролетариат и беднейшее крестьянство должны построить свою „классовую власть". Органами этой власти и являются Советы.

* * *

Я лишен, к сожалению, возможности исчерпать вопрос, в небольшой огазетной статье, с той полнотой, с какой хотелось бы это сделать. Я ограничусь, поэтому, лишь несколькими основными положениями, которые все же, осветят позицию анархистов в затронутом вопросе.

О „политической борьбе" вообще.

Социал-демократы часто утверждают, будто мы, анархисты, отрицаем „политическую борьбу". Они любят поучать нас, раз'ясняя, что-де без „политики" не овладеть „экономикой" и т. д.

Весь этот спор основан на крайне поверхностном отношении к вопросу и на полном непонимании анархизма.

Выражение „политическая борьба" само по себе еще ничего не означает. Этот термин совершенно неопределенен и расплывчат.

Под „политической борьбой" можно понимать три глубоко-различных вещи: 1) борьбу ради политической цели (захват власти); 2) борьбу политическим методом (организация политической партии, с целью захвата власти) и 3) борьбу в защиту революционных благ от насилия политической власти (борьба против власти и насилия буржуазии).

Что же признают и что отрицают анархисты?

Анархисты отрицают политическую цель борьбы (захват власти).

Анархисты отрицают политический метод (способ) борьбы (организацию политической партии и пр.)

То и другое они считают вредной, бесплодной и гибельной ошибкой.

Но анархисты признают политическую борьбу, как защиту революционных благ от насилий и покушений. Эту борьбу они вели и ведут всегда и везде,

О „диктатуре пролетариата".

Опять-таки, выражение „диктатура пролетариата"—весьма неопределенно. Оно еще ровно ничего не обозначает. Что понимать под „диктатурой"? Вот в чем вопрос.

Мы, анархисты, признаем диктатуру пролетариата; но—какую, в каком смысле?

Первый пункт (о „политической борьбе" вообще) уже дает ключ к ответу.

„Диктатуру" в виде захвата политической власти—отрицаем.

„Диктатуру", осуществляемую при посредстве политической партии,—отрицаем.

Но мы признаем „диктатуру" в том смысле и виде, что, и по нашему мнению, пролетариат должен вести прямую и беспощадную борьбу против власти буржуазии, вплоть до полной ея капитуляции, и что эту борьбу он может вести успешно лишь организуясь не в политическую партию, с целью захвата власти, а во внепартийную трудовую организацию, с прямой целью перенятия в свои руки всех средств и орудий производства. Мы признаем „диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства" не в смысле борьбы рабочих и крестьян за власть, в недрах политической партии, а в смысле борьбы внепартийных рабочих и крестьянских организаций за землю и фабрику, против власти буржуазии и ея насилия. И чтобы подчеркнуть отличие нашего понимания „диктатуры" от понимания социал-демократов, я, обыкновенно, говорю не о „диктатуре пролетариата" а о „диктатуре труда".

Возможно ли?

Но, возможно ли без „политики" (то-есть, в понимании с.-д., без борьбы за политическую власть при посредстве политической партии),— возможно ли овладеть „экономикой" и отстоять ее?

Вот он, корень вопроса.

Социал-демократы (а ныне—большевики) постоянно говорят нам: для того, чтобы „овладеть экономикой", приступить к перенятию в свои руки земли и пр. и организовать новое хозяйство,—надо, сперва, „создать возможность" этой деятельности, т.-е. захватить политический аппарат власти в свои руки. Власть буржуазии (вспомните Керенского!) мешала бы вашей борьбе и организации...

Оставляя в стороне некоторые менее важные возражения, отвечаем: а вам, большевикам,—вашей партии,—власть буржуазии (вспомните Керенского!) не мешала? Вашей борьбе и организации она не препятствовала?

Мешала и препятствовала,—говорите вы.

Значит, в отношении „мешания" и „препятствования",—в отношении сопротивления,—и ваша партийная, и трудовая, внепартийная организация находились бы в совершенно одинаковом положении. И та, и другая вынуждены были бы защищаться от насилий и покушений со стороны буржуазной власти.

Вы боролись против этой власти, против этих насилий и покушений? Да. Боролись.

И внепартийная организация боролась бы.

Вы победили? И внепартийная организация масс победила бы.

Так, в чем же разница?

В том, что партия боролась не только против власти, но и за власть, а мы говорим: боритесь против власти, но не за власть, а прямо за землю и фабрику—непосредственно и вне партий.

В чем же вы, большевики, усматриваете у нас невозможность

борьбы и победы? Наоборот: мы смело утверждаем, что прямая борьба внепартийно организованных рабочих и крестьян против власти, за землю и фабрику (а не за власть) — и возможнее, и легче, и быстрее, и яснее, чем партийная борьба за власть. Мы уверены, что разрушение власти и „диктатура труда" на экономической базе (вместо политической „диктатуры пролетариата") больше и полнее обеспечивают победу...

О „советской власти".

Отношение наше к Советам вытекает логически из нашей общей позиции. Мы находим, что Советы должны внепартийно об'единять, в меру необходимости, нисшие трудовые (экономические) ячейки организации рабочих и крестьян.

„Власть" же Советов мы понимаем так же, как мы понимаем „диктатуру". Советы должны быть об'единяющими ячейками сопротивления и разрушения власти буржуазии, пока она не уничтожена, но ни в коем случае не должны становиться сами „органами власти". Советы ведут борьбу против власти и насилия буржуазии, за землю и фабрику, за революцию, а не за власть.

Таковы, в самых кратких словах, наши основные возражения.

Прибавлю, что мы не особенно верим большевикам в том, что они, действительно, сумеют превратить политическую диктатуру и власть партии в экономическую диктатуру пролетариата, с „властью Советов!"..

Нет, не верим...

БУДЬТЕ ГОТОВЫ!

(„Г. Т.", № 24, 23 дек./5 янв. 1918 г.).

С каждым днем, мы подходим все ближе и ближе к более или менее решительному моменту революции. Еще две-три недели, и—либо Революция с новой силой ринется вперед, и начнется новый под'ем ея, к новым высям и далям, либо—оборвется ея восходящее движение, и мы будем свидетелями и участниками неудержимого ея отступления.

Мы можем несколько ошибиться в сроке. Но мы не боимся ошибиться в близости самого факта. Чувствуется ясно, что назревает роковой перелом. Либо—новый скачек вперед, либо—крутой поворот назад... Мы приближаемся к бездне, которая отделяет заканчиваемый нами путь революции политической от виднеющегося впереди пути решительной социальной революции. Наступает час, когда мы или должны будем смело перескочить бездну, или—в смятении, ужасе и бессилии попятиться перед ея зияющей пастью.

Мы имеем, при этом в виду отнюдь не чисто-военную сторону дела, не положение вещей на нашем „внутреннем фронте": калединско-украинское предприятие само по себе не имеет серьезных шансов на успех. Не

имеем мы также в виду и вопроса о „мире“: в той или иной форме, война неизбежно будет ликвидирована. Но есть в развертывающихся событиях одна сторона, от которой зависит все. Судьба революции зависит от $^3/_4$ фунта хлеба: плюс $^3/_4$ ф.,—и Революция спасена: минус $^3/_4$ ф.,—и Революция в опасности. Ныне это ясно каждому. „Мы можем оборваться, если не овладеем экономикой“,—как совершенно верно заметил недавно на лекции один большевик.

Овладеем ли мы экономикой?—вот в чем вопрос.

Нельзя не признать, что „овладевать“ принялись поздновато. Теперь всем должно стать ясно, что „овладение политикой“ еще не решает судеб Революции. Наоборот: „овладение экономикой“,—и только оно,—обеспечивает победу и ведет к „овладению политикой“. Социал-демократы ни раньше, ни в процессе самой революции не хотели и не могли понять этой простой истины. Они не хотели понять, что бороться с властью буржуазии приходится, в равной мере, и „политике“, и „экономике“; что как та, так и другая могут победить; и что в то время, как победа „политики“ оплачивается длительными, кровавыми и далеко еще не окончательными усилиями,—победа „экономики“ сразу подводит прочный фундамент под здание новой жизни.

Овладеем ли мы ныне „экономикой“?

Решение вопроса находится в руках самих масс.

Положение серьезно, но не безнадежно. Население северных областей должно быть готово к тому, что, на некоторое время, оно окажется совершенно отрезанным от юга. Оно должно быть „готово“ к такой возможности в том смысле, что должно теперь же, заранее, приготовиться к спокойному, выдержанному, организованному действию, в случае наступления полного голода, полной изоляции.

Если „костлявая рука“ голода ляжет на горло трудящейся массы,— масса должна будет решительно, но спокойно высвободиться из-под этой руки. В противном случае, „сим победит“ Каледин.

Ближайшие дни могут поставить население Петрограда в прямую необходимость организовать Коммуну, то есть, такое общежитие, в котором всякое существование частной собственности на продукты питания и др. станет фактически и „физически“ невозможным. Ближайшие события могут заставить население приступить к планомерной конфискации продуктов во всех, без исключения, частных магазинах, складах и пр. и организовать общественные склады, питательные пункты и столовые. И, рядом с этим, население должно будет само организовать добывание новых продуктов из окрестных губерний.

Возможно, что мы стоим на пороге весьма необыкновенных (при всей необыкновенности уже совершающегося) событий, когда город будет предоставлен исключительно самому себе, собственным своим рессурсам и силам, собственной организованности, выдержке и сознательности. Возможно, что близок день, когда для населения не останется иного исхода, как выйти на улицу и заняться одним только вопросом—вопросом организации общественного распределения и потребления

имеющихся в городе запасов и организации добывания новых продуктов. Частная торговля будет тогда сразу ликвидирована. В пределах данного города население вынуждено будет перейти к коммунизму.

Мы ни на одну минуту не сомневаемся в том, что,—если так суждено,—население сумеет просто и достойно справиться с этой задачей. Важно только, чтобы наступление голода не привело, вместо планомерной организации Коммуны, к бесшабашному „голодному бунту", к разгромам, погромам и стихийной, дикой сумятице. Важно это не только потому, что такой „выход" означал бы начало конца и грозил бы неисчислимыми бедствиями; важно это, главным образом, потому, что этот „выход" не был бы выходом и не привел бы, все-равно, ни к какому результату. Ибо ничто, абсолютно ничто, кроме планомерной организации города коммуны и немедленной связи этого города с окружающими городами и деревнями,—не может спасти положение.

Вот что должны себе сказать теперь же мыслящие граждане.

Вот к чему должны быть отныне готовы жители города, включая и „Совет Народных Комиссаров"...

Быть-может, близится день, когда вопросы новой организации общежития придется решать без декретов и без правительства; когда город-коммуна начнет сам, в целом, строить новую жизнь, выдвигать необходимые для этой цели организации и спасать себя от голода...

Это и будет первый „настоящий день"...



ПОДВОДНЫЕ КАМНИ.

(„Голос Труда", ЕЖЕДНЕВ., № 2, 11/24 Янв. 1918 г.).

У революции есть три серьезных опасности, три главных подводных камня.

Первая опасность—экономические затруднения: та страшная обще-хозяйственная разруха, та мертвая рука подлинного массового голода, призрак которой заставил нас недавно сказать, что судьба Революции зависит ныне от 3/4 ф. хлеба.

Вторая—„военно-дипломатические" и международные осложнения: та самая „трагедия мира", которую мы, в свое время, отметили и к развязке которой мы теперь вплотную подходим.

Третья опасность—политическая. Сущность ея сводится к тому, что вожаки политической партии, овладев аппаратом власти, стремятся уже теперь (и будут, если позволят события, стремиться чем дальше, тем сильнее) к полной политической централизации всей хозяйственной и общественнной жизни страны.

Государство, то-есть, центральное правительство, должно будет все прибрать к рукам, подавляя и подчиняя себе местные учреждения, рабочие организации, и т. д., и т. д. Государственный капитализм и диктатура центра—вот имя этой опасности.

Несмотря на всевозможные препятствия, к счастью выдвигаемые самой жизнью на пути решительного существования этой мертвящей государственной централизации,—целый ряд фактов подтверждают наличность опасности: „национализация" (то-есть, экспроприация правительством) банков, заводов, различных отраслей промышленности и т. п.; „огосударствление" рабочих организаций, уже намечающееся по отношению, напр., к профессиональным союзам, и другие факты этого же порядка.

Читали ли вы, кстати, обращение „Народного Комиссариата по Внутренним Делам" „Ко всем Советам" и „Инструкцию о правах и обязанностях Советов", напечатанные в № 258 "Известий" и оставшиеся почти незамеченными, благодаря жгучим событиям дня? Нам придется еще остановиться подробно на этих, поистине убийственных, актах. Но мы должны теперь же отметить, что ими фактически устанавливается сильнейшая центральная правительственная диктатура над Советами на местах...

Пресловутая,—неверно понимаемая и искажаемая большевиками,—„диктатура пролетариата" превращается, силою вещей, в политическую диктатуру партии. Вот где опасность...

* *
*

Удастся ли Революции избежать всех этих подводных камней, не разбиться о них?

Да, если осуществятся те условия, которые единственно в силах отвести угрозу.

Против первой опасности—массового голода—должна встать организованная борьба со спекуляцией и, как мы уже указывали,—готовность

населения перейти к непосредственной организации продовольственного дела.

Против второй опасности должна подняться грозная сила международной революции.

Против третьей и главной опасности—политической диктатуры—должна вырасти свободная организация и самодеятельность масс на местах.

Мы думаем, что все три условия осуществимы, и что подводные камни Революции останутся—рано или поздно—далеко позади.

ШАКАЛЫ РЕВОЛЮЦИИ.

(«Голос Труда», № 3, 26 янв. 1918 г.).

Чем дальше, тем все отчетливее и неумолимее выступает наружу безобразный, чудовищный факт: за исключением хлеба, которого, временно, действительно не хватает, в Петрограде имеется количество продуктов, достаточное для того, чтобы население не голодало.

Имеется сахар. Имеется масло. Имеются овощи. Имеется мясо. Имеются консервы. Имеются фрукты. Имеется рыба.

Загляните в бакалейные магазины. Загляните в некоторые рестораны... Загляните в те места, где особенно процветает торговля „из—под полы“...

За хорошие деньги в Петрограде можно достать всего, в изрядном количестве.

Почему же продукты эти не доходят до голодающего населения и распределяются с чудовищной неравномерностью?

Бьющие в глаза факты говорят нам каждый день о том, что одна из причин беды кроется в невероятной спекуляции.

Организации могут еще, кое-как противостоять этому злу и выворачиваться. Но значительная часть неорганизованного населения голодает в ужасающих размерах.

Хотя, за последнее время, правительство предприняло некоторые шаги по борьбе со спекуляцией, но, как всякое правительство, оно бессильно вести решительную, беспощадную борьбу с этим страшным злом.

Между тем, необходимо положить конец повальному мародерству. Необходимы немедленные энергичные меры.

Население должно само взяться за организованную борьбу с шакалами революции. Оно должно поставить на очередь вопрос о ликвидации частной торговли и об организации общественных складов и столовых.

Пора же, наконец, проснуться! Пора стряхнуть с себя робость, вя-

лость, терпеливость... Пора приступить вплотную к задаче общественной организации питания.

ЛЕНИН И АНАРХИЗМ.

(«Голос Труда», № 5, 29 янв. 1918 г.).

Благоразумные, аккуратные и осторожные „социалисты" на каждом шагу упрекают гражданина Ленина в приверженности к анархизму.

Возражения гражданина Ленина сводятся, всякий раз, к одному и тому же: Подождите. Я—еще не совсем анархист.

Анархисты нападают на гражданина Ленина за его пристрастие к догме марксизма.

Возражения гражданина Ленина сводятся, всякий раз, к одному и тому же: Подождите. Я—уже не совсем марксист.

Мы чувствуем, наконец, желание сказать всем, смущающимся в сердце своем: Не тревожьтесь и не ждите. Гражданин Ленин—совсем не анархист.

* * *

Гражданин Ленин утверждает, что, в целях свержения буржуазии, необходимо, прежде всего, захватить государство и создать в нем,—в этом новом, революционном государстве,—сильную власть, жестокую „диктатуру пролетариата". В этих целях, гражданин Ленин захватывал, с помощью своей партии, и захватил государство и власть. В этих целях, гражданин Ленин, со своими коллегами, проводит в жизнь „диктатуру пролетариата"...

Согласитесь, что необходимость предварительного захвата,—при помощи политической партии,—государственного аппарата и центральной власти есть одно из основных положений марксизма...

„Да,—кричат благоразумные, аккуратные и осторожные „марксисты": —но, гражданин Ленин отрицает парламентаризм, отбрасывает Учредительное Собрание, собирается распылить власть по Советам, толкует о коммунизме, делает глазки анархистам... Разве это—марксизм? Разве это—социализм?"...

* * *

Анархисты всегда утверждали, что путь к социализму лежит не через организацию масс в политическую партию, с целью захвата власти в государстве,—а через классовую, беспартийную, боевую самоорганизацию масс, с целью непосредственного перенятия всех средств и орудий производства, передвижения и обмена.

Каждый путь имеет свою неумолимую последовательность.

Путь марксизма неизбежно проходит через государство, политическую власть и политическую диктатуру.

Путь анархизма проходит через самостоятельные организации масс. „Политическая борьба",—на этом пути,—признается лишь, как отпор со стороны этих организаций политическому насилию и сопротивлению бур-

жуазии. „Диктатура",—на этом пути,—обозначает лишь самозащиту со стороны этих организаций.

Русская революция, с самого начала, пошла стихийно по анархическому пути. Советы, фабрично-заводские организации, крестьянские и иные комитеты должны были быть, по существу, внепартийными, классовыми организациями трудовых масс. Роль социалистов была—помочь этим организациям выдержать и отбить натиск буржуазии, об'единиться и усовершенствоваться, приступить к организованной экспроприации и осуществить переход к социалистическому общежитию.

Но, могли ли „марксисты" понять и выполнить эту роль? Конечно, нет. Ибо, их путь проходил „по иным землям"...

И вот, Ленин и его единомышленники, насилуя природу и логику вещей, отвлекли эти массовые организации от их естественного пути и перетянули на свой, „марксистский" путь.

Путь этот ныне пройден. И что же? Насилие над логикой и правдой вещей дает себя знать. „Государство", „власть", „диктатура"—трещат, трещат... Массы снова тянутся к оставленной, полузабытой дороге... И гражданин Ленин прав, говоря: мы отбрасываем парламентаризм, Учред. Собр. и др. потому, что Революция породила Советы.

Да. Революция породила... не Советы только, а, вообще,—правильное, здоровое стремление к классовой, внепартийной, внегосударственной, неполитической организации. В этом стремлении—спасение Революции. И гражданин Ленин был бы прав, если бы признал давно-давно, на заре своей юности, что истинная революция пойдет именно этим путем... Увы, он был в то время „чистым марксистом"...

А теперь?.. О, конечно, все более и более сознательные анархические тенденции масс смущают его. С прежнего пути—массы уже свели гражданина Ленина. Он уступает, он сдается, он оставляет „государство", „власть", „диктатуру" лишь на час, на минутку, на „переходный момент"... А потом... потом—анархизм, почти-анархизм... „советский" анархизм, „ленинский" анархизм...

И благоразумные, аккуратные и осторожные „марксисты" в ужасе кричат: „Вы видите? Вы слышите? Вы понимаете?.. Ведь это ж ужас! Разве это—марксизм? Разве это—социализм?.."

Но, Бог мой! Разве вы не предвидите, граждане-социалисты, что скажет гражданин Ленин, когда нынешняя власть укрепится, и возможно станет неприслушиваться более к голосу масс?

Он вернется тогда на свой привычный, проторенный путь. Он создаст самое подлинное „марксистское государство". И он, в торжественный час окончательной победы, скажет: Вы видите, господа? Я опять—совсем марксист.

Остается только один, глазный вопрос: не станут ли массы, ранее этого блаженного часа, „совсем анархистами" и не помешают ли оне гражданину Ленину вернуться к „совсем марксизму"?

ЗА РЕВОЛЮЦИЮ.

(„Г. Т." № 6, 30 января 1918 г.)

Международное положение становится угрожающим.

Румыния начала военные действия. „Союзники" втихомолку строят козни. Германия показывает свой „бронированный кулак" и ставит нам ультиматум: либо немедленный сепаратный мир на предлагаемых ею условиях, либо—снова заговорят пушки...

Приближается роковое, неизбежное: всемирная реакция, всемирная контр-революция, черная сила всемирного Капитала ополчается на Великую Революцию, угрожающую Царству Золотого Тельца.

«Вожди» революции волнуются. «Вожди» революции колеблются. „Вожди" революции теряются... Они,—сделавшие себя ответственными за судьбы Революции,—готовы теперь отступить перед лицом неумолимого Рока. Они склонны не принять „последнего боя"... Они предпочитают (к счастью, не все) уклониться... Они надеются миром купить победу...

Что же делать? Как быть? Чем спасти Революцию?

Противопоставить ли грядущему натиску темных сил вдохновение и ярость Великого Бунта? Извлечь ли из ножен пылающий меч „священной войны"?.. Или—затаить в себе гнев и ненависть, нежно отвести в сторону железный кулак и угодливо пожать другую руку врага?..

Ответ?

Он дан трижды.

Он дан, в юные дни Революции, самой же Революцией, когда,—в гневе и силе,—она воскликнула; смерть Великой Блуднице—Капиталу—и царству ея!..

Ибо, в ту же минуту, Великая Блудница стала опоясываться окровавленным мечом своим, мечом бешенства, и Революция видела это, и Революция не испугалась этого, и Революция не остановилась, не смирилась, не стала кротким агнцем, не вложила праведного меча своего в ножны...

Он дан,—этот ответ,—рабами самой Великой Блудницы—там, где она еще царствует... еще повелевает...

Ибо, во мраке и тесноте темницы своей, они сотрясают каменные стены, и гнут железные прутья решеток, и приветствуют Великую Зарю на Востоке...

Они мятутся, эти рабы... Они жаждут Великого Бунта... Они ропщут... Они потрясают кулаками... Они проклинают Великую Блудницу... Они отказываются служить ей...

И еще раз дается этот ответ Историей.

История властно говорит нам:

В этой Революции,—в этой Великой Революции, которую мы же сами—народ, История сделали Великой,—в этой Революции дело не в мире самом по себе; дело не в оккупациях, контрибуциях и аннексиях... Дело только и единственно в том, что Всемирная Блудница ныне ополча-

ется на Всемирную Революцию. Германия—ныне только распорядительница. Она не одна. Сегодня—с нею Румыния и Рада, Каледин и Белая Гвардия. Завтра—с нею будут Франция и Англия, Америка и Япония.

Отступление невозможно. Уступить ныне Германии значит уступить *Всемирной Блуднице*. Уступить ныне Германии значит потерять веру в Великий Бунт. Уступить Германии значит усомниться в силе Революции, погасить зарю, задернуть трауром Солнце, разбить надежды рабов...

Мы верили в юности. Мы знали и в то время, что, когда Революция станет Великой,—против нея поднимется Блудница. Мы шли на это.

Блудница поднимается. Блудница идет. Вот смысл минуты.

Отступать нельзя.

Бой должен быть принят.

„Последний и решительный бой"...

Мы увидим, кто будет с нами.

Пусть, в бешенстве своем, блудница разит... Мы увидим, удержит ли она меч...

Революция—не склоняет головы.

Победить или умереть,—*только таков может быть ея лозунг.*

Революция не сдается.

Победа или Смерть!—только таков может быть ея клич.

И она победит... Она победит...

РАБОЧИЙ ПУТЬ.

(„Гол. Тр." № 7, 31 янв. 1918 г.).

Революция,—в особенности, большая, *серьезная* революция,—всегда характерна тем, что „оголяет" некоторые вопросы и ставит их ребром, неумолимо стаскивая со спорщиков пышные теоретические одежды и заставляя кончать поединок на арене подлинной жизни.

В этом отношении, особенно характерен для совершающейся ныне революции спор между большевиками и нами, анархистами, по вопросу о том, *как* следует поступать с фабриками, заводами, копями, рудниками, железными дорогами и прочими предприятиями: *национализировать* ли их, то-есть, передать в распоряжение *государства* (фактически—правительства), или же—предоставить *рабочим организациям на местах* перенять их *непосредственно* в ведение и распоряжение этих организаций?

Как известно, большевики стоят за *огосударствление* предприятий, анархисты же—за перенятие их *рабочими организациями*.

„Теоретические одежды" спорщиков тоже известны всем: у социал-демократов—стремление к централизму и признание за государством роли

необходимого фактора при переходе к истинному социализму; у анархистов —стремление к децентрализации и отрицание за государством „социализирующей“ роли.

По совлечении жизнью „пышных одежд“, сей великий опор становится конкретным, разгорается в плоскости совершенно реальных вопросов дня и, порой, становится даже грубоватым...

— Вы, с вашим сепаратизмом, с вашими ф.-зав. комитетами и захватами заводов, с вашим „патриотизмом колокольни“, создаете только мелких хозяйчиков, какие-то своеобразные акционерные компании, —кричат нам большевики.

— Вы, с вашим „государственным аппаратом“, с вашим стремлением прибрать к рукам государства—правительства не только предприятия, но даже и рабочие организации, насаждаете, вместо социализма, государственный капитализм и ставите на место прежних отдельных хозяев-эксплоататоров одного чудовищного, все подавляющего эксплоататора-хозяина—Государство,—кричим мы большевикам.

Кто же прав?

Не, входя, конечно, здесь в подробное обсуждение вопроса, выскажем только одно небольшое соображение.

Если находить, что рабочие, без опеки государства, могут обратиться в мелких хозяйчиков, а рабочие организации—в акционерные компании, то большевики правы. Но, в этом случае, не следует им обманывать ни себя, ни других! Если рабочие, действительно, таковы, то они неспособны быть социалистами и создать социализм. В этом случае, нечего и говорить о социализме, а надо сказать прямо: рабочие сами к социализму неспособны, а потому, как неизбежное зло, мы вынуждены прибрать все к рукам государства и временно водворить государственный капитализм.

Мы, анархисты, смотрим прямо в глаза действительности и прямо говорим: или рабочие неспособны сами создать социализм, и тогда—устраивайте, господа „социалисты“, свое Государство... Но, не говорите же, будто оно приведет к социализму... Или—рабочие способны водворить социализм, и тогда—нечего бояться того, что их организации, перенимая производство, превратятся в акционерные компании мелких буржуйчиков; и тогда—надо предоставить рабочим самим делать свое рабочее дело.

Если мы, анархисты, стоим за непосредственное перенятие предприятий и всей хозяйственной жизни в руки рабочих организаций, то именно потому, что не находим нужным подменять единственный верный путь к социализму неизбежным злом—государством.

Не находим нужным потому, что признаем рабочих способными творить социализм и не боимся их превращения в мелких буржуйчиков,

Мы убеждены, что истинный путь к социализму лежит только через непосредственное перенятие всех средств и орудий производства, обмена и передвижения в руки рабочих организаций-(а не государства) и через даль-

нейшее свободное об'единение этих организаций между собою—созданием общин,—городских и сельских,—и их союзов.

Или рабочие станут на этот путь, или социализма не будет вовсе.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГОЛОД.

(«Г. Т.», № 8, 1 февр. 1918 г.).

Люди, не умеющие вникать в глубокую сущность вещей, а еще чаще —люди, сознательно лгущие и искажающие, кричат теперь на уличных перекрестках; „Большевики виноваты в том, что нет мира, что нет хлеба. Долой большевиков! Ход назад!..“.

Масса, народ—умнее. Она инстинктивно чувствует: во-первых, что не сами большевики виноваты в ужасах переживаемого момента; и — главное —во-вторых, что никто, решительно никто, на месте правительства, не может одолеть эти ужасы. И она героически идет вперед, мирясь с тягостями минуты.

На страницах нашей еженедельной газеты мы не один раз беседовали на все эти жгучие темы.

И по вопросу о мире, и по вопросу о голоде, мы говорили, что большевики, как и все, — без исключения,—социалистические партии, повинны в том, что повели революцию по ложному пути партийно-политической борьбы за власть, а не по верной дороге развития самодеятельности масс и энергичной помощи этой самодеятельности.

Следовательно—говорили мы,—надо винить или всех, или никого. Во всяком же случае, можно винить людей в том, что они взяли, вообще, неверный путь. Но нельзя их винить, в отдельности, за каждый ухаб, который на этом пути попадется.

Мы говорили, что путь к миру—не в правительственных переговорах, а в том, чтобы солдаты сами прекратили войну. Это проще и скорее развязало бы узел войны...

Мы говорили, что спасение от голода—не в правительственных мерах, а в том, чтобы население само приступило к энергичной борьбе со спекуляцией и занялось продовольственным делом.

Совсем недавно, в № 24 еженедельника, мы писали о том, что население должно быть готово к организованному действию для спасения себя от голода—к организации Петроградской Коммуны.

Поздно ли теперь действовать?

Отнюдь нет.

Революция сильна. Она мчится вперед гигантскими скачками. За-граница волнуется. Провинция действует энергично, опережает столицу и, в большинстве мест, не голодает...

Мы призываем население Петрограда — домовые и кооперативные организации, районные советы и т. д. — немедленно сговориться об активных

организованных действиях по постановке продовольствия Петрограда на общественно-коммунистических началах.

И призываем начать действовать.

Продукты есть. Продукты можно достать. Для этого необходимо, чтобы рабочие организации взялись сами энергично за дело.

Побеждающая революция не должна голодать.

Торжество революции все ближе. На пути этого торжества лежат трудные, но необходимые задачи: конфискация продуктов во всех, без исключения, частных складах и магазинах; организация общественных складов, питательных пунктов и столовых; организация доставки продуктов из окрестных губерний.

Словом, — организация общественного распределения и потребления имеющихся в городе запасов и организация добывания новых продуктов. Организация города -коммуны и немедленной связи этого города с окружающими городами и деревнями.

Население Петрограда должно перейти к коммунизму. Иного выхода нет. Иного спасения нет.

Торжествующая революция не должна голодать. Она может не голодать.

И все, все силы, все внимание организаций и жителей Петрограда должны быть теперь направлены на эту сторону жизни.

„Костлявую руку голода“ надо отвести. Ибо не может быть, чтобы торжествующая Великая Революция погибла из-за «четверти фунта хлеба»...

Искусство, толпа и революция.

(«Гол. Тр.», № 10, 3 февр. 1918 г.).

Неисчислимые толпы людей, осужденных, из столетия в столетие, пресмыкаться и ползать, не видя, не слыша и не творя ни красок, ни звуков, ни слов... Миллионы и миллионы черных рабов земли, рабов труда, перед которыми наглухо захлопнутыми оставались двери Великого Храма... Ничтожные горсти жрецов-властелинов, смело и гордо подымавшихся по ступеням Храма, свободно вступавших под его своды, проникавших в самое Святое Святых его и в восторге творивших там свои молитвы...

Искусство избранных... Искусство для избранных... Замкнутое, интимное, мелочное искусство вчерашнего дня,—ты, пришедшее на смену безымянным гимнам седой старины,—где ты?..

Кончается и твое царство. Готовься и ты к смене.

Великая буря потрясает своды храма, и разверзлись двери его... И неисчислимые толпы людей, переставших пресмыкаться и ползать, врываются и теснятся в Святое Святых... Они хотят слышать и видеть,—эти люди. Они хотят творить и молиться... Они жаждут красок, звуков и слов, вдохновения и творчества...

Страшны ли тебе эти толпы, великое, бессмертное Искусство?

Содрогнешься ли ты, падешь ли во прах, Великий Храм?..

О, нет! Ты вечен. Ты был всегда и всегда будешь. И ты помнишь время, — далекое время, — когда такие же толпы молящихся теснились в стенах твоих, и пели осанну Прекрасному, и творили свои молитвы.

Ты не дрогнешь и теперь, ты примешь новых жрецов...

Их изгнали когда-то из-под сводов твоих, — они возвращаются ныне к твоим алтарям.

Перед ними захлопнули двери твои, — они создали бурю, и буря разверзла двери...

И ты будешь приветствовать их новым сиянием, новым блеском твоих светильников, новым благоуханием твоих курильниц...

Ты знаешь, что они не осквернят тебя.

Утихнет буря. Уляжется стихия. И новая гармония воцарится на месте минутного хаоса.

Личное, интимное, святое и вдохновенное—не умрет. Ты знаешь это. Личное, интимное будет. Останется. Без него—нет молитвы. Но источниками его станут не маленькие, замкнутые души гордых уединением своим жрецов, а великая душа безбрежного людского океана... Океан будет омывать твои чертоги. Океан будет рождать в тебе священное... Океан будет навевать свои грезы великим сынам своим...

Когда-то, он плескался под твоими сводами. И ты горел и звенел тогда всеми красками и звуками мира. Но он был безличен и дик... И люди отвергли его...

Шли века. И тускло горели твои огни, и скучно звучали песни, творимые гордыми, одинокими жрецами...

И вот—он возвращается к тебе, великий океан мира. И снова плескается у твоих ступеней...

Ты примешь его. Ибо он нашел лик свой. Ибо он даст тебе истинных жрецов...

* * *

Была жизнь мира-океана. Было творчество, было искусство мира-океана, без жрецов. Величавое и могучее, но безликое и слепое. Это—далекое прошлое. День первый. Он давно погас...

Была жизнь маленьких, замкнутых, одиноких душ. Было творчество, было искусство жрецов, без мира-океана. Личное и зрячее, но ничтожное и бессильное. Это—день второй. Он угасает в буре...

Грядет день третий: великое и могучее, личное и зрячее—в мире-океане. Одинокое—во всем, и все в одиноком. Океан—в жреце, и жрец—от океана.

* * *

Храм Великий!

Ты встретишь грядущий день огнями всех твоих светильников и фимиамом всех курильниц твоих. Ибо, только теперь мы пришли к истине, к величайшему синтезу:

От великого „все“ без священного „я“,—через священное „я“ без великого „все“,—к священному «я» в великом „все“.

РАБОЧЕЕ ДЕЛО.

(«Г. Т.», № 11, 5 февр. 1918 г.).

Пару месяцев назад, мы настоятельно обращали внимание рабочих на сущность тогдашнего момента. Мы говорили: крутая гора, по которой, до сих пор, взбиралась политическая революция, пройдена. Мы достигли ея вершины. Политическая власть на деле перешла в руки крайней левой политической партии. Политический путь, политическое восхождение революции остались позади.

Оттеняя, в то время, известные опасности этого переломного момента,—этого торжества политической революции,—мы говорили, что впереди возможны два пути: или—после небольшой приостановки, после некоторого колебания,—откат назад, сползание и падение в смрадные низины реакции, если Революция не найдет в себе силы решительно начать новый под'ем по пути к великим вершинам революции социальной; или —новый порыв вперед, новое восхождение, новое неуклонное стремление к солнечным вершинам... И, как и в самом начале революции, мы выражали уверенность, что известные об'ективные условия данной революции помогут ей двинуться именно вперед, начать и довести до конца это новое восхождение.

Многие явления и события последнего времени ясно говорят нам о том, что начало этого желанного под'ема—свершившийся факт. После ряда едва заметных для постороннего глаза переходов, новое восхождение началось, осуществляется...

Знаменательный перелом, все великое значение которого современникам трудно еще учесть.

Этот перелом—свершился. Политическая революция осталась далеко позади. Кризис миновал благополучно. Великие пути и великие достижения революции социальной лежат перед нами. Пусть еще не все трудности превзойдены... Путь открыт. Толчок дан. Первый—самый трудный —шаг сделан. Начало положено.

* * *

В свое время, мы достаточно подробно останавливались на тех громадных творческих задачах, которые выростают перед трудящимися массами на этом пути подлинной народной революции. Тогда же, мы не раз оттеняли ту мысль, что если, на пути политической революции, крайняя политическая партия (большевиков) могла играть относительно-прогрессивную роль, то,—в случае перехода революции в стадию социальную,— кривой политический путь ея станет окончательно тормазящим и окажется бессильным творить эту новую революцию, разрешать ея задачи.

Мы предостерегали массы. Мы говорили им: если вы хотите творить победную социальную революцию,—творите ее сами, на местах. Организуйтесь и беритесь сами за все ея задачи. И будьте на-стороже: политическая партия, руководившая политической революцией и победившая в ней, будет стремиться, по инерции (и по теории), оставить в своих руках и дело социальной революции. Вам предстоит „выпрямить линию революции",

исправить ошибку. Мы уверены, что об'ективные условия и в этом помогут вам.

* * *

Наши предвидения начинают ныне оправдываться.

С одной стороны, партия, стоящая у власти, все более и более решительно берет на себя руководство и организацию социальной революции. Правительство, под флагом „государства", стремится сосредоточить все дело социального переустройства в своих руках. И если это стремление к руководительству, к централизации, к „партийной монополии" в деле новой революции еще не сказалось с полной определенностью, то только потому, что победа еще не вполне обеспечена, что имеются еще крупные трудности и препятствия, что партия вынуждена еще вести суровую борьбу с контр революцией.

С другой стороны, сама жизнь толкает массы,—повсюду на местах,—к самостоятельным действиям, к самостоятельному разрешению возникающих задач.

* * *

Если мы, анархисты, всегда (не исключая политической стадии революции) считали ложным, «кривым» путь партийно-политического «действа» и противопоставляли ему путь организации и борьбы масс вне партий, на основе чисто-классовой организации и деятельности,—то, тем паче, теперь, в процессе развертывающейся социальной революции, мы считаем необходимым настойчиво подчеркивать, что действительные достижения на этом пути возможны лишь при условии самостоятельной, внепартийной творческой работы масс и массовых организаций—всюду на местах—независимо ни от какой власти, ни от каких „центров".

Только работа и деятельность чисто-рабочих классовых организаций может и должна, по нашему мнению, разрешить все, стоящие перед нами во весь рост, гигантские задачи Всемирной Социальной Революции.

* * *

Партия созывает С'езд Советов. Яркий прием постановки и разрешения задач этой революции политическим путем, сверху, под руководством „партии у власти"!—Действует партия. С'езд—только прикрытие.

Партия приступает (под прикрытием Ц. И. К.) к разрешению одной из важнейших задач момента: поездки революционеров за-границу, с целью дать толчок международной революции.

Партия же принимается за осуществление экономических целей революции, стремясь прибрать к своим рукам (под прикрытием „государства") рабочую экспроприацию, рабочие организации, все дело социального строительства.

Мы считаем этот путь глубоко ложным.

Мы находим, что все ближайшие задачи начинающейся Социальной Революции должны быть поставлены, обсуждены и, в общих чертах, решены на строго-деловом рабоче-крестьянском с'езде: на большом, многолюдном Всероссийском с'езде подлинных представителей, членов

рабочих и крестьянских организаций. Этот с'езд должен быть созван Центральным Советом фабр.-зав. комитетов, совместно с центральными организациями професс. союзов и крестьянских комитетов. На этом с'езде должны быть по возможности широко представлены все рабочие и крестьянские организации. Деятели социалистических партий и организаций, равно как специалисты в разных областях знания, должны быть приглашены на этот с'езд исключительно для совета и для необходимых раз'яснений. С'езд должен поставить в порядок дня один только вопрос: об осуществлении социалистического переустройства общества. Рабочие и крестьяне, члены с'езда, должны: 1) обсудить и вырешить ряд основных практических вопросов, выдвинутых задачей социального переустройства; и 2) избрать и направить заграницу чисто-рабочую делегацию.

Такой, подлинно рабочий, деловой с'езд имел бы действительно серьезное влияние на дальнейшие успехи революции. Такой с'езд обладал бы громадным авторитетом для всей трудовой России. Роль такого с'езда в дальнейшем развитии революции была бы очень велика.

Партия—бессильна открыть творческую революцию. Партийное руководительство искажает великие задачи, великое дело строительства социальной революции. Партия, подобно Учредительному Собранию, отжила свой век.

Отказавшись от первой ошибки—Учред. Собрания,—пора перешагнуть и через вторую ошибку—партию, дабы притти вплотную к единственно-правильному решению: самостоятельному рабочему действию.

Товарищи-рабочие! Организуйте Всероссийский рабоче-крестьянский с'езд для обсуждения вопросов, связанных с осуществлением задач Социальной Революции.

Подумайте об этом!

ЗАДАЧА МОМЕНТА.

(„Г. Т.", № 12, 6 февраля 1918 г.).

Мы снова переживаем острый, напряженный момент.

Три одинаково крупных явления характерны для него:

Условия жизни в стране и, особенно, в столицах—Петрограде и Москве—становятся, для огромных масс населения, окончательно невыносимыми. Ужасом, мраком, запустением веет от всего того, что мы привыкли называть жизнью. Развал, распад, разложение достигли крайней степени. Замерла промышленность. Вот-вот остановится транспорт. Повальный голод хозяйничает в бесчисленных семьях. Массовая безработица царит в рабочих кварталах... В связи со всеми этими ужасами—нарастают изо-дня в день зловещие события. Болезни и эпидемии подкашивают сотни жизней. Разгромы и расстрелы становятся „бытовым явлением". Грабежи и убийства грозят попасть в рубрику „профессионального движения"... Общее одичание доходит до последнего предела...

Но, среди всего этого хаоса разрушения, горит ослепительно-ярким светом луч сознания того, что творчество новых ценностей, что строительство нового мира, на этих смрадных развалинах старого, уже началось, уже вырисовывается... И не то даже важно для переживаемого момента, что это „великое новое“ начинает осуществляться: еще важнее именно твердое сознание того, что это творчество, это строительство—неизбежно, неотвратимо; что в нем—единственный выход, единственное спасение; что оно будет.

Именно это сознание заставляет глубокие массы населения оставаться спокойными. Терпеть и ждать.

Не судите, при этом, лишь по Петрограду. Провинция прекрасно поняла неумолимую, творческую задачу момента и быстро опережает столицу...

На этом своеобразном жизненном фоне, то мрачном до ужаса, то играющем ярким блеском творческого сознания и действия,—с новой и жгучей остротой выплывает, за последние дни, вопрос о том, поддержат ли нас, помогут ли нам наши братья, трудящиеся и угнетенные, там, за рубежом, в этой загадочной, молчаливой до сих пор Европе?

Как путники на швыряемом бурей корабле жадно вглядываются в даль, ища луча надежды, луча спасения, так и мы,—напряженно и страстно,—ждем оттуда, с запада, проблеска света, искры ответного пожара, который помог бы нашему творческому горению...

И все глубже, все острее делается сознание того, что должно свершиться это чудо; что старуха-Европа должна загореться огнем новой юности и протянуть нам руку помощи.

На нее—наша последняя, наша величайшая надежда. С нею—мы бесповоротно спасены.

* * *

Ясно, что, соответственно трем основным сторонам переживаемого момента, перед нами стоят сейчас три же основных, величайших задачи: 1) борьба с мраком и ужасом, с запустением и развалом жизни; 2) немедленное энергичное осуществление всех творческих задач,—задач строительства нового мира; и 3) энергичное, мощное действие заграницей. Напряжение всех сил для того, чтобы помочь трудовой Европе зажечь мир.

Громадные, необ'ятные задачи! Кому под-силу оне?..

Только безнадежно-слепые люди могут думать, что правительство,— правительство, занятое политической суетой, борьбой с враждебными силами и организацией бесконечных с'ездов-говорилен,—может разрешить великую задачу. Необходимо, чтобы обсуждение и решение всех этих кровных вопросов дня было предоставлено Всероссийскому С'езду, на который с'ехались бы, для строго-деловой работы, живые силы страны: представители крестьянских, рабочих и солдатских организаций с мест.

Всероссийский трудовой с'езд рабочих, крестьян и солдат—не для молниеносного голосования политических резолюций и не для оваций лидерам политических партий, а для углубленного обсуждения величайших

всемирных задач нашего времени,—такова ближайшая, непосредственная задача дня.

С нею необходимо спешить.

С'езд должен быть организован немедленно.

Нельзя ждать ни часа!..

РАБОЧИЙ С'ЕЗД.

(«Г. Т.», № 13, 7 февр. 1918 г.).

Нам говорят:

— Для чего опять с'езд? Только-что от с'ездов...

Да. За время революции у нас слишком часто „с'езжались"... Но хорошего, дельного, нужного с'езда не было ни одного.

Мы говорим не о политических с'ездах, на которых верховодят политические партии, лишь „для видимости" ставя на обсуждение некоторые серьезные вопросы, а на самом деле проводя спешным порядком политические резолюции и укрепляя свое влияние. О, таких с'ездов у нас было сколько угодно! Нам приходилось бывать на них и уходить с чувством глубокого отвращения и боли...

Нет! Мы имеем в виду подлинно трудовой, рабочекрестьянский с'езд—для делового обсуждения целого ряда насущных вопросов, связанных как с переживаемым моментом, так и со всей нашей революцией.

Революционные россияне—увы!—слишком привыкли, за последнее время, к с'ездам-пустоцветам, с их крикливыми, митинговыми заседаниями, с их фразами, лозунгами, мертвыми резолюциями... И людям нужно теперь сделать над собой известное усилие, чтобы припомнить, что с'езд должен быть, прежде всего, большим и серьезным делом; что с'езды созываются для содержательного обсуждения назревших вопросов—вопросов живой работы, живых исканий, живого строительства.

Не правы ли мы, утверждая, что, до сих пор, в революционной России ни одного с'езда не было?

* * *

Каковы же вопросы, подлежащие обсуждению и решению Первого Рабоче-Крестьянского С'езда, на скорейшем созыве которого мы настаиваем?

Нам приходилось уже говорить, что в порядке дня этого с'езда должен стоять только один основной вопрос: Практические шаги, пути и приемы, связанные с непосредственно стоящей перед нами творческой задачей; задачей строительства нового, социалистического общежития—нового производства, нового распределения и обмена, нового передвижения, новых хозяйственных, политических, общественных и бытовых отношений.

Надо сегодня же творить новые ценности. Надо сегодня же начать созидать новую жизнь. Надо сговориться о том, как осуществить великое созидание.

Этот основной, единственно-важный теперь вопрос распадается естественно не ряд под-вопросов, отдельных пунктов, каждый из которых должен быть обсужден с величайшей тщательностью и вырешен с возможной полнотой и ясностью.

Меры против все увеличивающегося развала жизни: против массового голода; против повального закрытия и остановки предприятий; против расстройства транспорта; против спекуляции; против безработицы и т. д.

Способы последовательного проведения в жизнь всеобщей экспроприации и пути постепенного перехода всей хозяйственной жизни страны в руки трудящихся. Взаимоотношения между городом и деревней и постановка правильного обмена между ними. Нужды деревни и нужды города.

Организация нового труда (трудовая повинность). Вопросы регулирования земледельческого и промышленного хозяйства. Вопрос организации натурального и денежного обмена. Вопросы, связанные с демобилизацией.

Таковы некоторые из важнейших вопросов, подлежащих тщательному обсуждению и решению с'езда.

Кроме того, с'езд должен обсудить вопрос о мерах более решительного и яркого воздействия на Западную Европу. Активная поддержка борющегося европейского пролетариата. Отправка в Европу рабочих делегаций для установления тесных сношений с тамошними рабочими организациями, и т. д.

Все эти вопросы могут быть серьезно обсуждены и действительно вырешены только на деловом с'езде рабочих и крестьян.

Довольно нам политических с'ездов под верховодством партийных лидеров.

Пора, наконец, приступить к серьезной постановке кровнейших вопросов, выдвинутых Великой Народной Революцией и настоятельно требующих скорейшего решения.

Еще о рабочем с'езде.

(„Г. Т.", № 14, 8 февр. 1918 г.).

По нашему мнению, Всероссийский Рабоче-Крестьянский С'езд, на скорейшем созыве которого мы настаиваем, должен быть организован на следующих началах:

1) Инициатива созыва и предварительная подготовка к с'езду должны принадлежать Организационному Бюро, составленному из членов центральных рабочих, крестьянских и солдатских организаций: Центрального Совета фабр. зав. комитетов, центрального органа профессиональных союзов, ц. о. земельных комитетов и ц. о. полковых комитетов. Почин в деле постановки вопроса о с'езде и составления Организац. Бюро может взять на себя Центр. Сов. ф.-зав комитетов. В Орг. Бюро должны входить 2—3 представителя от Петроградского и Московского Советов,

2) Не следует созывать с'езд наспех, кое-как. Приступить к делу необходимо сейчас же, но самый созыв с'езда должен быть подготовлен со всей возможной серьезностью, тщательностью и аккуратностью. Не следует, поэтому, определять очень близкий срок с'езда. Надо иметь достаточный запас времени, чтобы хорошо подготовить с'езд и обеспечить его успех. В этих целях, Орг. Бюро должно хорошо и широко опубликовать о нем в печати и, кроме того, лично списаться с разными организациями. В этих же целях, О. Бюро должно тщательно составить порядок дня с'езда и заранее разослать его по организациям на местах, предлагая хорошо ознакомиться с ним и прислать в О. Бюро дополнения и замечания к нему. Таким путем, О. Бюро составляет и широко опубликовывает окончательный порядок дня с'езда.

3) О. Бюро должно предложить всем организациям на местах: а) тщательно обдумать все пункты порядка дня с'езда, обсудить их в организациях и установить более или менее определенную точку зрения по каждому пункту; и б) подготовить к с'езду деловые отчеты с мест, соответственно пунктам порядка дня с'езда, а также деловые доклады по вопросам с'езда.

4) С'езд должен быть по возможности многолюдным, полным, построенным на началах самого широкого представительства организаций: фабр.-зав. комитетов, земельных комитетов, профессиональных союзов, полковых комитетов, Советов, рабочих кооперативов и домовых комитетов. Не следует бояться обилия делегатов. Это именно и должен быть большой, исключительный по размерам и количеству участников, с'езд.

5) С'езд не должен назначать и ограничивать заранее срок своего заседания. Он должен быть расчитан на продолжительное время, в виду совершенно исключительной важности предстоящих вопросов и необходимости исчерпывающего обсуждения их. С'езд должен быть расчитан на такую продолжительность, какая понадобится для успешного, продуктивного обсуждения и плодотворного решения всех вопросов.

6) Членами с'езда могут быть лишь подлинные, действительные члены рабочих, крестьянских и т. д. организаций. Что же касается вопроса о том, что, для успешности занятий с'езда, необходима будет помощь интеллигентных, образованных сил—членов социалистических партий и организаций, специалистов в разных областях знания и т. п.,—то ничто не помешает с'езду, в ходе его работы, приглашать сведущих и опытных людей со стороны, для совета, указания, раз'яснения, обмена мнениями и т. п. Практическое же обсуждение и вырешение вопросов должно принадлежать исключительно членам с'езда —рабочим и крестьянам.

Организованный на таких началах, с'езд—надо полагать—сумеет принести действительно ценные результаты, дать сильный, живой толчок народному творчеству и положить, таким образом, прочное начало большой, серьезной, дружной и согласованной работе на местах,—работе по устроению жизни на новых основаниях.

И тогда—значение его в революции будет поистине громадно.

ДВА КОММУНИЗМА.

(«Г. Т., № 15: 9 февр. 1918 г.»)

Большевики любят называть себя „коммунистами“. Даже в правительственных актах начинает, за последнее время, нередко мелькать слово «коммунизм“.

„Да здравствует Коммунизм!“—так заканчивается недавнее обращение Петроградского Совета к Берлинскому и Венскому Советам.

Неосведомленная „публика“ подхватывает „страшное“ слово и пугливо шепчется: „Ну, не правду ли говорят, что большевики—те же анархисты, только в масках?!..“

Однако, если вспомнить старину, то легко убедиться в том, что, как анархисты, очень нередко, называли (и называют) себя „социалистами“, так и социалисты (социал-демократы) давным-давно говорили о коммунизме и именовали себя „коммунистами“.

Дело тут не в слове, а в том содержании, которое в слово вкладывается.

Само по себе слово „коммунизм“ (латинского происхождения) означает общность—общее владение и пользование теми или иными предметами. Но как понимать это «общее владение и пользование“,—вот в чем весь вопрос.

В многолетнем споре между различными течениями социалистической мысли, ясно установились два различных понимания коммунизма.

Один коммунизм—„авторитарный“, т. е. властный, государственный. При этом коммунизме, общее владение орудиями и средствами производства, передвижения и обмена (землями, лесами, рудниками и копями, фабриками и заводами, железными дорогами и пароходствами, и т. д. и т. д.) принадлежит „всей нации“, как целому, то-есть государству, в лице его руководящего органа—правительства. Государство,—то есть его центральный и зависящие от центрального органы,—распоряжается, заведует и „присматривает“ за „достоянием“ государства-коммуны. Государство „от себя“ передает орудия и средства производства, передвижения и обмена в пользование крестьянам и рабочим. Последние являются как-бы арендаторами и наемниками государства-хозяина, которому они платят своим трудом, и которое вознаграждает их за труд, в той или иной форме.

Другой коммунизм—безвластный, противогосударственный, анархический. Этот коммунизм мыслит „владение и пользование“ делом не централизованного государства-коммуны, не правительства и его органов, а делом самостоятельных, свободных общин и организаций производителей и потребителей. По мнению анархического коммунизма, земли и леса поступают в общее владение и пользование крестьянских общин-артелей непосредственно; фабрики и заводы, рудники и копи, дороги и пароходства (равно, как жилища, склады, столовые и пр.) переходят в общее владение и пользование рабочих организаций и городских общин—непосредственно.

Каждая организация, каждая община вполне самостоятельна и независима в своей деятельности. Она „сама себе хозяин“, сама ведет свои де-

па, сама ведает своими нуждами и интересами; сама решает, с кем, когда и для чего ей входить в сношения.

Необходимая **связь**, хозяйственная гармония между общинами и организациями достигаются **естественно**—путем живых сношений, добровольного об'единения, свободного соглашения. Центральные органы такой „федерации общин" возникают тоже совершенно естественно, снизу, по мере сознаваемой на местах—организациями и общинами—определенной **надобности** в таких центрах. Такие центры-узлы создаются сознательно, в определенном месте, на определенное время, для определенной цели. По миновании надобности в них, они—естественно—прекращают свое существование. В известных случаях, может возникнуть и один, общий „центр" для целой страны и даже для многих стран вместе. Возникающие таким путем центры никогда не могут стать властными, распорядительными, давящими учреждениями. Они—лишь исполнительные органы, создаваемые для определенного дела и перестающие функционировать, когда надобность в них минует.

Таковы два совершенно различных **содержания**, вкладываемых в понятие «коммунизма», как **организационного** принципа. (Мы не касаемся сейчас других сторон).

Первый, государственный коммунизм обыкновенно называется, в **узком** смысле слова, „социализмом". Беря же слово „социализм" в **широком** смысле, анархисты-коммунисты нередко говорят, что именно они являются истинными социалистами, то-есть, борцами за свободное человеческое общежитие.

Путем, ведущим к государственному, властному коммунизму, является так-называемая „**национализация**", то-есть постепенное **огосударствление** средств и орудий производства, передвижения и обмена.

Путем, ведущим к противогосударственному, безвластному коммунизму, является непосредственный переход средств и орудий производства в ведение и распоряжение трудовых организаций и, далее, строительство независимых общин (коммун).

Между тем и другим путем пролегает—путь так-называемой „социализации"—путь неопределенный, двойственный.

Читатель, вероятно, знает, что большевики, **именно теперь**, все, тверже, решительнее и шире становятся на путь „**национализации**", подготовляя **государственно-коммунистическую** организацию общежития.

Этот путь и эта организация ничего общего с анархическим коммунизмом не имеют.



ТИТ ТИТЫЧИ.

(„Голос Труда", № 16, 10 февр. 1918 г.).

Стародавний—теоретический когда-то—спор между коммунизмом государственным, властным, и коммунизмом вольным, безвластным, становится все более и более, спором практическим, житейским, деловым... Надо отдать себе в этом ясный отчет и, быть может, готовиться к решительной борьбе.

Путь к коммунизму властному—национализация. И, с каждым днем, правительство все тверже, все решительнее и определеннее, гонит Революцию на эту—глубоко ошибочную, с нашей точки зрения,—дорогу.

За последнее время, правительством „национализуется" все, что попадает под руку: от банков и акционерных капиталов—переходят к железным дорогам, фабрикам, заводам, типографиям, угольным предприятиям, пароходствам, домам... Государство начинает становиться каким-то жадным спрутом, охватывающим своими щупальцами и засасывающим все, что только может быть нащупано. (Лишь с вопросом о земле дело обстоит еще не совсем ясно. Здесь поперек дороги стоят левые с.-р ы, со своей „социализацией". Увы, правительству приходится, пока-что, серьезно считаться с ними...).

Все это, разумеется,—в порядке вещей. Такова была всегда теория,—такова ныне и практика утверждающегося в России „научного" социализма...

Характерно, однако, что чем дальше, тем больше накопляется сведений о назревающем, на этой почве,—то там, то сям,—недовольстве, о возникающих, кое-где, конфликтах, о сопротивлении „национализированию", о „самочинных действиях" рабочих организаций в провинции...

Нечего и говорить о том, что такое сопротивление наши марксисты считают плодом недостаточной зрелости, недостаточной сознательности, неверного понимания рабочими своих подлинных интересов.

Как же, однако, защищают и аргументируют господа «научные социалисты» намечаемый ими ныне „путь к социализму"?

Мы, анархисты, отстаиваем переход средств и орудий производства, передвижения и обмена не в руки государства (правительства), а именно в руки рабочих и крестьянских организаций и общин непосредственно.

Аргументация марксистов порождается, в значительной степени, необходимостью возражать нам и носит, поэтому, в большинстве случаев, отрицательный характер. Почему нельзя, почему не надо передавать предприятия непосредственно рабочим организациям? Так ставят вопрос большевики. Как же они отвечают на него?

—Нельзя—говорят они,—итти по пути непосредственного перехода предприятий в руки организаций; ибо такой путь привел бы нас не к истинному „большому" социализму, а лишь к насаждению новых мелких хозяйчиков и своеобразных акционерных компаний...

В № 72 газеты „Рабочий и Солдат",—в статье, озаглавленной «Коммунизм анархистов и коммунизм большевиков",—некий В. Б. весьма картинно пишет:

«Вместо одного Тита Титыча (капиталиста) они (анархисты) хотят создать тысячу мелких Титов Титычей (курсив наш), которые получают доход в свою пользу (курсив в подлиннике). На другой фабрике будет работать тысяча других мелких Титов Титычей». И, ниже, снова говорится о «компании маленьких Тит Титычей»...

Мы настоятельно обращаем внимание рабочих на эту аргументацию Ибо, здесь-то и „зарыта собака".

Марксизм рассуждает так: рабочие сами не могут быть социалистами и творить социализм. Если поручить им самим это дело, то они способны только превратиться в «мелких Тит Титычей, получающих доход в свою пользу». А потому—„мы, социал-демократы", в лице нашего правительства, руководящего государством, должны водворять и осуществлять, „в обще-государственном масштабе", истинный социализм. Другого выхода нет.

Мы не можем здесь, разумеется, вдаваться в пространные рассуждения. Мы еще остановимся на этом вопросе подробнее в других статьях.

Но, мы скажем теперь же, вкратце:

С такой постановкой вопроса мы ни в каком случае согласиться не можем. Во главу угла всей борьбы за социализм мы кладем полную уверенность в том, что рабочие сами—и именно (и только) они сами — при помощи своих, свободно действуюших и свободно об'единяющихся организаций, способны, могут и будут создавать социализм.

Мы утверждаем категорически: 1) государство — неспособно творить социализм. Именно оно способно лишь стать одним громадным Тит-Титычем, эксплуатирующим и угнетающим; 2) рабочие, наоборот, — неспособны стать Тит Титычами и никогда ими не станут.

Добавим: не потому, конечно, что они такие уж „милые люди", а потому, что, с одной стороны, нет в современной хозяйственной жизни тех факторов, поводов и причин, которые могли бы толкнуть их на путь Тит Титычей, а с другой, есть в современной хозяйственной жизни тысячи факторов, поводов и причин, которые неизбежно, неминуемо направят рабочие организации и трудовые, вольные общины именно на путь широкого, всеоб'емлющего социализма. Об этих-то факторах, поводах и причинах мы поговорим подробно в другой раз. Ибо, корни нашего разногласия с марксистами лежат, в данном случае, очень глубоко, в чисто-философской оценке всего исторического процесса. Об этом в двух словах не скажешь...

Может ли „победить" марксистская идея?

Мы говорим категорически: нет. Ибо,—как нам уже приходилось выражаться,—или рабочие сами, своими руками создадут социализм, или его не будет вовсе.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ШАГ.

(«Голос Труда», № 17, 12 февр. 1918 г.).

Как и во многих других случаях (напр., с Учредительным Собранием), большевики,—после излишних проволочек, нелепой «политической игры» и ненужной затраты времени и сил,—сделали, наконец, тот решительный шаг, о котором мы давно говорили на страницах „Голоса Труда“: отказавшись подписать навязываемый Германией мир, они просто распускают фронт, то-есть приходят к необходимости прямого прекращения войны.

Мы утверждали всегда, что никакие дипломатические переговоры с представителями империалистских правительств (как и никакие „мирные конференции“) не разрешат трагедии войны и не приведут к истинному миру. Мы не один раз указывали и на бесплодность, и на недопустимость (для революционного народа) подобных переговоров. И мы говорили, что единственным правильным шагом к прекращению войны, со стороны революционного народа, было бы прямое прекращение войны, прямой (организованный, конечно) уход с фронта. Если, — говорили мы, — революционная Россия действительно верит в победу социальной революции и в невозможность подавления ея международной реакцией, то незачем робко цепляться за полумеры. Надо итти решительными шагами. Надо черпать полной мерой...

Теперь, этот решительный (хоть и очень запоздалый!) шаг—сделан.

Разумеется, большевики скажут, что их попытки «переговоров о мире» имели агитационное значение, будили сознание масс за-границей и пр. Это—обычная „тонкая дипломатия“ соц.-демократов... Мы никогда не соглашались и не можем согласиться с нею. Мы всегда считаем, что прямой, решительный, ясный шаг революционизирует и сильнее, и быстрее.

Но, разумеется,—„лучше поздно, чем никогда“...

Еще недавно мы, на основании некоторых слухов, опасались, что большевики, почувствовав, в решительную минуту, припадок робости, подпишут мир согласно требованиям германских дипломатов.

Ныне—это опасение отпадает.

Решительный шаг сделан.

Мы едва не назвали его „правильным“ шагом. Но—воздержались от такой квалификации, по следующим причинам;

Во-первых, как мы сказали, шаг этот запоздал.

Во-вторых, шаг этот диктуется массам сверху, в виде „приказа“.

В-третьих, мы должны выждать более определенных известий.

В том официальном „заявлении“, которое оглашено вчерашней вечерней печатью, есть крупная неясность: не указано точно, прекращены ли переговоры о мире и, если да, то в какой форме они прекращены?

Мы надеемся, что сегодняшний же день внесет определенную ясность в этот пробел и ответит на вопрос.

И если переговоры о мире прерваны; если разрыв произошел в такой форме, которая означает: мы прерываем всякие разговоры с империалистами; именем Революции, мы прекращаем безумную бойню и, таким образом, отдаем дальнейшую судьбу Революции и мира в руки народов других стран; если именно таков сделанный шаг,—мы, несмотря на его запоздалость и на другие, сравнительно несущественные его недостатки, охотно назовем его не только решительным, но и правильным шагом.

Война заканчивается так, как она давно должна была быть закончена.

И—да услышат нас все другие народы!

КРИВОЙ ПУТЬ.

(„Гол. Тр.“, № 18, 13 февр. 1918 г.).

Если пожелать перечислять ежедневно накопляющиеся у нас факты и явления, неопровержимо доказывающие, что нельзя творить социальную революцию „сверху“, то уже можно было бы заполнить десятки газетных столбцов... Скучное занятие, однако! Предоставим эту работу кропотливым будущим историкам нашей революции. Они, несомненно, найдут в ея архивах богатейшие материалы, красноречиво говорящие о том, как не надо „делать социальную революцию“... Нам же, право, надоело повторять, что ни истинная свобода вообще, ни подлинное и полное освобождение труда, ни новая культура, ни новая общественность,—никакие ценности социализма не могут быть осуществлены путем централизованного „государственного аппарата“, приводимого в действие рычагом центральной политической власти, захваченной в руки политической партии. Не пора ли уже перестать говорить об этом—в той надежде, что завтра же сама жизнь с беспощадной ясностью докажет эту простую истину всем слепым?..

А слепых еще много...

Только на-днях, нам попалась на глаза резолюция, гласящая, что, хотя идея анархизма—самая лучшая и чистая идея, но время осуществления ея еще не настало, а потому—необходимо сперва закрепить данную („социалистическую“) революцию. „Мы убеждены,—заканчивает резолюция,—что настанет и восторжествует анархизм после социализма“.

Вот оно—обычное, шаблонное, обывательское понятие об анархизме!

Для обывателя, анархизм—или бомба и грабеж, ужас и хаос, или, в лучшем случае, блаженная мечта, сладкий рай «после социализма». Ибо, обыватель не знает анархизма. Обыватель судит по наслышке... Он так наивен и легковерен, бедный обыватель!..

Не знают анархизма и авторы резолюции.

Если представлять себе анархизм, как наступление эпохи „молочных рек в кисельных берегах“, то, конечно: время его еще не настало, как не настало оно, в этом смысле, и для социализма.

Но если,—как это делают авторы резолюции,—подходить к вопросу с точки зрения самого пути к освобождению, самого процесса борьбы за освобождение, то явно нелепо думать, будто, идя по одному пути, мы придем к другому пути. Можно лишь—выбрать или тот, или другой путь.

Анархизм—отнюдь не только идея, цель: анархизм—прежде всего, и метод борьбы, путь борьбы за освобождение человечества. И с этой точки зрения, мы говорим определенно и ясно: „социалистический" путь (путь властного, государственного социализма) не может осуществить целей социальной революции, не может привести к социализму. Только анархический метод способен разрешить задачу.

Сущность анархизма, как метода борьбы, как пути к истинному социализму, в том и состоит, что „через социализм", „после социализма" нельзя придти ни к анархизму, ни, вообще, к свободе. Не „через социализм", а только „вопреки социализму", „против социализма" можем мы придти к анархизму. Осуществить анархизм можно только, идя прямо к цели, прямым анархическим путем. Или—мы не придем к нему вовсе...

Через государственнический социализм придти к свободе нельзя.

И раз „социалисты" пошли к социализму путем делания социальной революции сверху, то они,—говорим мы,—свернули с правильного пути на кривую дорогу, которая ни к какой социальной революции и ни к какому социализму не приведет. Или „социалисты" вынуждены будут вернуться на верную, прямую, анархическую дорогу,—или они заблудятся и заведут в тупик всю революцию.

Вот что утверждает анархизм. Вот почему он борется против нынешнего „социализма". И вот что жизнь должна будет скоро доказать наиболее слепым...

* * *

Избегая, скуки ради, останавливаться на многочисленных явлениях, которые уже подтверждают наше мнение,—мы чувствуем, однако, необходимость отметить один, весьма яркий факт этого рода—факт „последней минуты".

Перед нами лежат только-что опубликованные „Временные правила о порядке издания всех периодических и непериодических печатных произведений в Петрограде.

Мы всегда считали беспощадную борьбу с буржуазной печатью непосредственной задачей трудящихся в эпоху социальной революции.

Представьте же себе, читатель, на минуту, что социальная революция идет, с самого начала, по нашему, анархическому пути: создаются и об'единяются в классовую организацию рабочие и крестьянские организации; они перенимают в свои руки хозяйственную жизнь страны и дают отпор враждебным силам буржуазии. Вам станет ясно, что формы борьбы с печатью, как оружием буржуазии, были бы совершенно иными, чем та форма, в которую выливается „отпор" нынешнего „социалистического" правительства.

Разве, в самом деле, эти „Временные правила" борются с буржуазной печатью?

Вчитайтесь в пункты 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и т. д. этих „правил". Вчитайтесь в отдел „Закрытие и конфискация",—и вы воочию убедитесь, что эти „правила"—с первого пункта до последнего—являются актом, уничтожающим всякую тень свободы печатного слова вообще; типичным актом, устанавливающим самую строгую цензуру неугодных правительству изданий, откуда бы они ни исходили; актом, узако-

нивающим целый ряд абсолютно ненужных стеснений, формальностей, придирок...

Мы убеждены, что истинная рабоче крестьянская революция боролась бы с буржуазной печатью совершенно иными методами и в иных формах.

Мы уверены, что истинным деятелям и борцам социальной революции не пришлось бы и не придется прибегать к казенному, типично-властному закону о цензуре, имеющему в виду охранить существующее правительство от критики и борьбы не только справа, но и слева, и вводящему целый ряд совершенно диких,—с точки зрения свободы слова,—и совершенно ненужных стеснений и формальностей.

Что-ж! Всякий путь,—говорили мы не раз,—имеет свои роковые неизбежности. Слава богам, что данная неизбежность касается, пока, одного только Петрограда. Будем надеяться, что революционные массы остальной России опередят нашу спотыкающуюся столицу и сделают ненужным дальнейшее распространение „Временных правил" на провинцию. И будем надеяться, что этим временным „Правилам", действительно, не суждено стать—постоянными...

РАЗВЯЗКА.

(„Г. Т.", № 19, 14 февраля 1918 г.).

Тот основной смысл нашей великой эпохи, на который мы давно и часто указывали, все более и более открывается современникам.

Трагедия близится к концу, к развязке. Ея логическое развитие становится ослепительно ясным. Ея содержание—почти исчерпано.

Титаническая схватка между Всемирным Капиталом и Всемирным Трудом. Гигантская борьба двух, издревле споривших, сил, из которых одна должна неминуемо выйти победительницей. Таков смысл совершающегося.

* * *

Помню, как, в самом начале войны,—за-границей,—в одном из обычных споров между нами, „интернационалистами", и нашими противниками, „патриотами", мне пришлось охарактеризовать в общих чертах наше понимание событий.

Если в истории есть хоть какая-нибудь логика,—говорили мы тогда:—если исторические события подчиняются известному закону равновесия, то ход событий рисуется нам в следующем виде: Германия наносит ряд сильных ударов России, чем дает „физический" толчок назревшей там революции. Германия наносит серьезный удар Франции, что всколыхнет и там мещански-буржуазное болото жизни... А затем? Затем,—говорили мы,—революция в России. Германия бессильна сокрушить врагов „до конца". Война попадает в тупик. Революция, как единственный выход, увлекает за собой все другие народы и наносит, в конечном счете, решительный удар Германии. Всемирная война переходит во всемирную революцию, и падают о земь, и разбиваются вдребезги цепи рабства по всей освобожденной земле...

* * *

Нас называли тогда „утопистами". С нами боролись. Нас преследовали и травили.

Жизнь—шла с нами. И ныне—все, намеченные нами, в то время, акты великой трагедии, кроме последнего, сыграны.

Занавес взвивается в последний раз. Открывается последний акт. Обе стороны—Жизнь и Смерть, Война и Революция, Капитал и Труд—бросают свои последние ставки.

Кто выиграет? Кто победит в последней схватке?

Жизнь—ответит нам и на это. Но мы хотим теперь, в конце этой величайшей из войн и глубочайшей из трагедий, повторить сказанное нами в ея начале.

Если есть в истории какая-нибудь логика, если на «человеческую историю» падает хоть тень всемирного закона равновесия, то этот последний акт трагедии, эта приближающаяся развязка—может быть только победой Жизни, Труда, Революции.

Ибо—победа Смерти, победа Войны, победа Капитала означала бы, на этот раз, долгое, ужасное царство мрака, зла, безумия и—крови, новой крови...

Ибо—не может же история мира человеческого захлебнуться в крови!.. Она может лишь великой кровью купить великую радость...

ВЛАСТЬ.

(„Гол. Тр.", № 20, 15 февр. 1918 г.).

За самое последнее время, в петроградской атмосфере начинает чувствоваться нечто новое, едва (и далеко еще не для всех) уловимое, но чрезвычайно характерное.

Это „новое" проявляется, пока-что, в мелочах, в обыденных и не ярких „событиях дня", в отдельных, как-будто не связанных друг с другом, фактах... Оно неосязаемо носится в воздухе; оно воспринимается, покачто, не сознанием, а нервами, инстинктом... Но если начать сознательно присматриваться к фактам, подбирать, сближать и нанизывать их, то смутное ощущение быстро вырастает в определенную, отчетливую мысль.

Аппарат твердой власти,—тот самый аппарат, без которого мы, в сущности, жили все первые 10 месяцев революции,—не только начинает фактически „налаживаться" и работать, но (что гораздо характернее и важнее) начинает исподволь признаваться населением, начинает находить и примиряющихся, и почитающих, и фанатически—не за страх, а за совесть—служащих.

Заметьте, мы говорим не о большевиках, которые, как таковые, уже отходят в тень истории, а именно о власти, о правительстве.

Всем известно, что,—до самого последнего времени,—власти в стране, по существу, не было. Выпав из рук самодержца, она закатилась куда то, в самый темный угол Зимнего Дворца, и валялась там, заброшенная и пыльная, до самого октября месяца. О ней забыли. Ея не замечали. Никто не сумел ни найти, ни подобрать ея. (О том, чтобы удержать, и говорить не приходится).

Крайняя левая политическая партия,—в октябрьские дни,—нашла эту запыленную реликвию, извлекла ее на свет божий, тщательно почистила, отполировала, позолотила и—впервые со времени Революции, применила к жизни.

С этого момента, „большевики", как нечто характерное, перестали существовать. Народилась новая власть, новое правительство. Характерным становится теперь именно это обстоятельство.

Новая власть начинает исподволь признаваться населением. К ней привыкают. С нею мирятся. Складывается, понемногу, отношение к людям у власти—не как к простым членам и деятелям партии, а как к носителям власти, как к правителям.

Вот то „новое" и характерное, что начинает ясно чувствоваться в атмосфере момента.

* * *

„Удержат ли большевики государственную власть?" — спрашивал не так давно Ленин. Я нахожу, что, в своей брошюре, он, даже отдаленно, не ответил на этот вопрос. Он занимался тогда исключительно вопросом о том, сумеют ли большевики найти, поднять и начать проявлять эту власть.

Это они и сумели сделать. Сумеют ли они, далее, удержать ее, —вопрос другого порядка.

Признание новой власти, как новое психологическое явление, ограничивается, пока, одной только столицей. Провинция еще не так скоро скажет свое последнее слово. . .

Дальнейшее распространение этой „психологии" на всю страну зависит от двух основных условий: с одной стороны, от внешних, об'ективных успехов этой власти и от дальнейших политических, экономических и военных событий вообще.

С другой — от дальнейшего поведения самой этой власти, внутри страны.

Несомненно, каждый новый успех власти, каждое внешнее благоприятное для нея событие будут чрезвычайно укреплять ея положение.

Но что касается второго условия,—то на этом пути она, по нашему мнению, роковым образом пойдет к бездне. И чем больше будут укреплять ее внешние обстоятельства, тем большей опасностью для нея будет становиться—она же сама.

Ибо,—как мы не раз указывали,—с одной стороны, она никоим образом не сумеет привести к победе социальной революции—к свободе, равенству, социализму. . .

С другой же стороны, она неизбежно сделается, со временем, самой жестокой, беспощадной и деспотической властью, какую когда-либо знали века... Ибо нет ничего ужаснее власти, которая, будучи, по существу, бессильной, считает себя признанной, оправданной, обязанной и ответственной. . . А такова будет неизбежно всякая „социалистическая власть". . .

На этом роковом пути ждет ее роковая гибель.

За революцию!

(„Г. Т.", № 23, 20 февр. 1918 г.).

Германия начала военные действия.

Если верить последним сообщениям,—немецкими войсками заняты Двинск и Гапсаль. Ревель под угрозой.

Шведскими войсками заняты Аландские острова. Порты Финляндии —под угрозой.

Румыния ведет войну на юге...

Так, с неумолимой последовательностью, развертывается лента событий.

Занавес взвился. Последний акт великой трагедии начат. Всемирная реакция ополчается на великую Революцию.

Германские империалисты возвещают миру, что идут спасать Россию от анархии и водворять порядок. Близится день решительной схватки, „последнего боя“. Развязка недалека...

Что делать? Что думать о событиях?

О, мы знаем: вся правая—черносотенная, буржуазная и соглашательская—печать заскрежещет зубами: одни не без тайной радости, другие—с явным злорадством. Мы услышим, еще и еще, гнусавый вой гиен и зловещее карканье ворон. Мы знаем заранее, что будут думать, говорить и делать болотные гады и ночные совы...

„Гибель России... Гибель родины... Гибель Петрограда... Гибель Киева... Гибель Москвы... Гибель государства“... И—прибавят некоторые—„гибель Революции“...

Мы знаем. Мы слышим...

Но что думать и что делать нам, революционерам и сознательным трудящимся России? Как оценить события?

* * *

Два основных положения должны быть твердо, непоколебимо и непреклонно установлены.

Первое. Только одно важно для нас: спасение и победа революции. Все остальное должно быть отброшено. Все другие интересы, опасения, печали, страхи и беды не должны для нас существовать.

Двинск? Ревель? Петроград? Киев? Москва?

Помните Кутузова? Помните 12-й год?

Тогда—не было еще ни революции, ни социализма.

Трудящиеся рабы были темны и невежественны. Они были покорными слугами „отечества“. И речь шла о защите и спасении этого отечества. И вот, когда решался вопрос о Москве, старик Кутузов, на совете в Филях, выслушав все мнения и споры, сказал: „С потерей Москвы, еще не потеряна Россия“. Он не причитал, не жаловался, не упрекал. Он понял глубокую правду минуты и высказал ее. И просто, без лишних слов, взял на себя ответственность за эту правду. Жизнь и история одобрили его.

Прошло сто лет.

Ныне—нам, трудящимся, важна не сама по себе „родина“: нам важна —Революция. Ее защищаем мы. За нее мы боремся. Ибо мы знаем, что только революция спасет родину—нашу родину, то-есть ценности и блага, завоеванные нами, трудящимися.

Только спасение революции; только победа революции; только любовь к революции,—только это должно руководить нами, только этот священный огонь должен ныне освещать наш путь. Только этим пламенем должны мы гореть. Только этой мыслью дышать.

Ни падение Двинска или Ревеля, или Петрограда, или Москвы—не могут, не должны убивать, огорчать, смущать, останавливать нас.

„С потерей Петрограда, еще не потеряна Революция". Вот та правда минуты, которую мы должны теперь же сказать себе.

И— вперед, за революцию, за свое дело, за свою, трудовую родину—всемирную родину труда!..

Это—второе наше положение.

Если вражья сила будет надвигаться на революцию; если не сейчас еще революционная Европа, революционная Германия ударит в тыл шайке международных разбойников; если нам суждено биться и защищать великое дело,—все мы, как один человек, все, без исключения, должны встать на защиту революции, взять ружье и итти на последний бой.

Все—за Революцию!

Без колебаний, без уныния, без сомнений.

Россию нельзя покорить. Русский революционный народ непобедим.

Если надо,—будем бороться месяцы. Если надо—будем драться годы.

Если понадобится,—будем умирать. Если потребуется,—будем отступать.

Но будем бороться, бороться до последней капли крови, до последнего вздоха.

Других задач у нас нет. Других целей—не может быть. Других желаний, мыслей, чувств не должно быть.

Все—за Революцию. С твердой верой в то, что—рано или поздно—европейский тыл встанет за нас. Ибо ныне—мы творим и защищаем нашу трудовую Революцию, наши завоевания, нашу борьбу, наши победы...

Ныне—мы защищаем наш мир, наше светлое будущее.

Ныне—у нас есть что защищать.

Пусть Германия, пусть всемирная контр-революция шлет в глубь России свои полчища... Пусть! Она идет, с завязанными глазами, к бездне.

Мы не дадим покоя ея орде. Мы будем жалить, бить, терзать ее. Отступая ли, уходя или наступая, мы—партизаны Великой Революции—будем бороться, пока не разверзнется бездна.

И если мы будем бесстрашны и стойки до конца,—бездна разверзнется. Бездна неминуема. Бездна ждет разбойников...

Слово—за народом.

(„Г. Т.", № 24, 21 февр. 1918 г.).

В одну из самых страшных, самых глубоких и трагических минут истории,—в эту безумно-напряженную и мучительно-жуткую минуту, когда поистине решаются ближайшие судьбы мира и Революции,—нам не хочется много говорить...

Не хочется писать.

Слишком натянуты нервы. Слишком переполнена душа...

Хочется остаться наедине с самим собою. Хочется вслушаться в молчаливую тайну грядущего... Уловить тяжкую поступь веков... Услышать голос приближающейся истины...

* * *

Отвратителен, гадок становится мир.

Оглянитесь вокруг. Что видите вы?

Одни—презренные трусы, жалкие изменники, кричавшие о вере, о великом пламени, о солнечных горизонтах, и—испугавшиеся в первую

же решительную минуту... Отрекшиеся от всего, растоптавшие и веру свою, и пламя, и солнце!..

Они никогда не верили, эти пигмеи!..

Недостойные политиканы—они сумели только размахивать картонным мечом захваченной власти, и меч их размяк и повис перед первой же действительной опасностью.

Гороховые «вожди», ослепленные собой и не знающие великой, истинной веры и силы духа,—они мечутся теперь, и спасают себя, и предают Революцию...

Предатели—имя им.

А другие?.. Лучше ли они—все эти чахлые партийные комедианты, кривляющиеся на подмостках истории и мечтающие тем же картонным мечом разрубить великую тайну Революции?

Они лучше только тем, что заранее признались в безверии своем, в трусости душ своих... И не кричали о солнце. Помните? Они не смогли вырвать из рук правителей даже и картонного меча! И теперь они—они, эти маленькие, ничтожные, хилые души—они тоже хотят спасать!.. И шипят, и злобствуют, и кликушествуют...

А обыватель—этот, дрожащий от страха, подземный крот, вечно готовый уйти в первую же нору или, если не успеет,—ласкаться к победителю?.. Слышите ли вы его гнусливые причитанья на перекрестках?..

Отвратителен, гадок становится мир...

Куда взглянуть? На кого опереться, в эту страшную минуту, Великой Революции, брошенной на посмеяние, обезоруженной, покинутой?..

* * *

О, мы не падаем духом. Мы твердо смотрим вперед.

Ибо мы знаем, что Революция,—эта Революция,—бессмертна.

Революция смеется над вождями и комедиантами...

Революция живет в народе. Народ жив. Народ не умер. Народ бессмертен.

Что скажет он—многомиллионный сфинкс? Теперь—за ним вещее слово.

Год тому назад, заговорил он. С тех пор—ему зажимали рот. Ныне—мы снова ждем его.

Он скажет, что предатели и трусы должны уйти. Он скажет, что снова берет судьбу Революции в собственные руки.

Он скажет, что будет защищать свою Революцию. Он скажет, что эта Революция непобедима.

Он скажет, что верит братьям, которых снова заставили поднять меч; что верит—меч выпадет из их рук...

Он скажет, что всемирные разбойники не могут не проиграть и этой, последней ставки.

Он скажет, что надо стойко и твердо бороться,—задерживать, затруднять, затягивать... Отступая, наступать. Наступая, тревожить, мешать...

Он скажет, что, отныне, мы все—партизаны Великой Революции против всемирной реакции.

Он об'явит войну—не солдатскую, не армейскую, а народную, партизанскую.

Революционную войну.

Священную войну.

Она давно об'явлена. Она давно начата. Ныне—открылся последний акт ея.

И он скажет, что его Революция—никогда не склоняет головы; что победить или умереть—только таков может быть ея лозунг.

Скажет ли он так?

Да.

И предатели—не помешают ему...

ЗИГЗАГИ.

(„Г. Т.", № 25, 22 февраля 1918 г.).

Мы предполагали сегодня остановиться подробно на молниеносном принятии сепаратного мира Советом Народных Комиссаров. Нам хотелось подвергнуть этот безумный шаг тщательной критике. Мы ознакомились с аргументацией Ленина по этому вопросу и—не нашли в ней ни одной мысли, которая могла бы, хоть в малой степени, поколебать наше мнение, оправдать или сколько нибудь удовлетворительно об'яснить, в наших глазах, позицию правительства. И наши выводы—оставались прежние: оправдания никакого нет и не может быть; об'яснение мыслимо только одно: характерные, для партийных „вождей", робость и нерешительность; испуг; колебание; падение—в решительную минуту—веры в конечную победу Революции; малодушный „зигзаг" чувства чести; полная растерянность и паника...

Положение, в основе, определялось нами так: постыдная и пагубная сделка с империализмом, то-есть признание, перед лицом трудящихся всего мира, бессилия и безвыходности Революции. Удар по революционной энергии других народов. Закрывание глаз на тот очевиднейший факт, что „выскакивая" таким приемом из войны, Революция нисколько не спасает а, наоборот, губит себя.

Мы имели в виду подкрепить все эти выводы и положения более или менее исчерпывающей аргументацией.

С другой же стороны, мы предполагали самым резким образом протестовать против самовольного акта правительства, без попытки столковаться с полномочными рабочими организациями. И мы хотели еще и еще раз подчеркнуть всю преступность, всю недопустимость и гибельность партийно-политического ведения Революции, путем захвата и организации «государственной власти» вожаками политических партий.

Но, события несутся теперь с ураганной быстротой. Мы живем—мы кружимся—в вихре. Сутки успевают изменить одно положение на другое, прямо противоположное. И—по последним сведениям—правительство аннулирует предложение сепаратного мира, об'являет священную войну Социальной Революции против Всемирной Реакции и издает декрет о всеобщей мобилизации революционных сил.

Мы скажем опять—«лучше поздно, чем никогда»...

Мы уже несколько раз высказывали наше непоколебимое убеждение в том, что развертывающаяся ныне революция должна быть активно отстаиваема, до последней капли крови, против всякого насилия, против всякой попытки остановить, задушить ее,—откуда бы эта попытка ни исходила. Мы не будем сейчас повторять наши соображения.

При новом, радикально изменившемся положении вещей, мы считаем необходимым остановиться на некоторых отдельных сторонах дела,

—сторонах, на которые революционный народ должен обратить самое пристальное внимание.

1) Необходимо, чтобы,—одновременно с „внешней“ защитой Революции,—внутри страны продолжалась и развивалась, ни на минуту не останавливаясь и не ослабевая, начатая в октябре борьба с буржуазией.

Трудовое немобилизованное население деревень и городов должно неуклонно продолжать как энергичное сопротивление контр-революционным силам, так и деятельное, упорное строительство новой жизни. Буржуазия должна быть решительно выбита из последних своих позиций. Она должна окончательно разделить со всем остальным населением все тяготы и лишения, все горести и радости грядущих дней. Никаких привиллегий, никакой разницы в положении отдельных членов революционной семьи не должно быть...

2) О, если бы народ сам, игнорируя правительство и власть, взялся решительно, смело и вдохновенно, как за строительство, так и за оборону Революции!..

При партизанской войне,—оно так и будет. Оно так должно быть.

Во всяком случае, недопустимо более ни на одну минуту безответственное хозяйничанье кучки политиканов, решающих от себя, за себя, и для себя вопросы жизни и смерти Революции. С нас довольно „зигзагов власти“!.. Все общие вопросы дела должны впредь обсуждаться и решаться расширенным в своем составе перманентно заседающим Советом Рабочих, Крестьян и Солдат.

3) Мы должны обратить внимание революционного народа еще на одно обстоятельство.

Явная нерешительность и растерянность правительства в прошлом должны заставить нас быть сугубо на-стороже в будущем.

В этом отношении, мы должны обратить особое внимание на поведение наших „союзников“. По имеющимся сведениям, „союзные“ правительства держатся, пока-что, выжидательной политики и настроены, скорее, благосклонно к России. Но не следует ни на минуту забывать, что все их поведение диктуется исключительно лицемерием и расчетом.

Мы должны следить за тем, чтобы правительство, в силу своей нерешительности и робости, не стало—рано или поздно—искать опоры у „союзных“ правительств. На возможные заигрывания со стороны последних, мы должны ответить полным игнорированием.

Определенно и твердо возвещаем мы нашу войну, как развертывающуюся Социальную Революцию против Всемирной Реакции. Мы говорим только с народами и к народам, а не к правительствам. Сделки и переговоры с правителями и представителями капитала Франции и Англии недопустимы в той же мере, как с правителями Германии или Австрии.

Мы глубоко убеждены, что отказ правительства (после долгих колебаний) от сепаратного мира вызван, главным образом, тем обстоятельством, что, за истекшие 24 часа, оно убедилось во враждебном сепаратному миру настроении масс. Воля народа оказала свое действие. Эта воля должна ярко выражаться и в будущем. И, прежде всего, пусть народ заявит твердо, что наша революционная война должна развиваться прямо и решительно, как Социальная Революция и Социальная Война против всех разбойников мира—немецких, французских, английских и иных.

Это положение не должно быть ничем и на одну минуту, ни из каких соображений, затемнено, затушевано.

Мы порываем окончательно со всеми правительствами, со всеми врагами Социальной Революции. Мы говорим только с народами. Мы зовем их за собой—к Всемирной Революции. К избавлению от всего безумия и ужаса войны. К миру и свободе.

Такова воля народа.

Такова воля истории.

Жребий брошен. Впереди—победа Великой Революции или честная смерть.

К ДЕЛУ! К ДЕЛУ!

(«Г. Т.», № 26, 23 февр. 1918 г.).

Правительство ведет себя до последней степени странно. Одной рукой—оно призывает к защите Революции. Другой—посылает курьеров с мирными предложениями. Одним пером—пишет боевые, революционные прокламации. Другим—готовится подписать условия сделки с германскими империалистами.

Вот уже три дня, как вся эта нелепая игра ведется за спиной народа. Ни намека на определенность. Ни тени решительности, ясности, твердости.

Население ничего не знает. Массы бродят в темноте и не могут ни понять, ни оценить поведения „верхов". Ибо „верхи"—молчат. „Верхи" двуличничают. „Верхи" прячутся, выжидают, колеблются...

И это называется „политикой"? Это называется „ответом Социальной Революции" на вызов брошенный ей империалистами?... Это именуется „истинно революционной" и „интернационалистской" позицией?!...

И Петроградский Совет „одобряет" эту „политику", присоединяется к этой „позиции"?!..

Где найти слова, чтобы достойно заклеймить дряблую волю этих людей?

Где найти жесты, которые могли бы выразить все наше негодование?.,

Мы не будем искать их. Не будем потому, что сейчас—не время слов и жестов.

Надо действовать.

Пройдет минута растерянности, ошеломленности, и—народ сам поймет, что ему делать.

Предоставим же оторвавшимся от народа политиканам на-верху—покорно ждать империалистских милостей, показывая за спиной дрожащий кулак. Они ни во что больше не верят, эти выдохшиеся революционеры! Они сами не знают, какую революцию творят и что защищают...

Предоставим их самим себе. Пусть продолжают уходить от народа, пока не повиснут беспомощно в воздухе...

История воздаст им по делам их.

Наше же дело—просто и ясно. Будем энергично формировать боевые отряды Революции и организовывать сопротивление.

Пусть народ ответит, по своему, врагам революции. Только этот ответ зачтется Историей.

О РЕВОЛЮЦИОННОМ ДУХЕ.

(«Голос Труда», № 27, 24 февр. 1918 г.).

Мы подошли к роковой грани—к решительному перелому. Стучит минута чеканной ясности и исключительной трагичности. Положение определилось. Вопрос поставлен ребром. Сегодняшний день решит, подписывает или не подписывает правительство мир с Германией. От этого дня, от этой минуты зависит весь дальнейший ход и русской революции, и мировых событий.

Условия поставлены Германией открыто и полно. Мнения многих „видных“ членов партий и членов правительства—известны. Единства нет нигде. Раскол среди большевиков. Раскол среди левых эс-эров. Раскол в Совете Народных Комиссаров. Раскол в Петроградском Совете и в Ц. И К. Раскол в массах, по фабрикам, заводам и казармам. Отношение провинции мало выявилось... Срок германского ультиматума—48 часов. При таких условиях,—волей-неволей, вопрос будет обсуждаться и решаться спешно, в замкнутых правительственных кругах. И это—едва ли не самое ужасное.

Наше мнение известно читателям. С самого начала, мы были против „мирных переговоров“. Мы теперь—против подписания мира. Мы за немедленную энергичную организацию партизанского сопротивления. Мы считаем, что телеграмма правительства с просьбой мира должна быть аннулирована; что вызов должен быть принят, и судьба революции должна быть открыто и прямо вручена в руки пролетариев всего мира.

* * *

Наше мнение известно читателям. С самого начала, мы были против „мирных переговоров“. Мы теперь—против подписания мира. Мы за немедленную энергичную организацию партизанского сопротивления. Мы считаем, что телеграмма правительства с просьбой мира должна быть аннулирована; что вызов должен быть принят, и судьба революции должна быть открыто и прямо вручена в руки пролетариев всего мира.

* * *

Ленин настаивает на подписании мира. И—если верить имеющимся сведениям—значительное большинство пойдет за ним. Мир будет подписан.

Только уверенность в конечной непобедимости этой революции заставляет нас не смотреть на эту возможность чересчур мрачно. Но что подписание мира окажется сильнейшим ударом по революции, надолго затормазит и исказит ее,—в этом мы абсолютно убеждены.

Мы знакомы с аргументацией Ленина—в особенности, по статье его „О революционной фразе“ („Правда“, № 31). Эта аргументация не убедила нас.

Сейчас,—в спешной статье,—невозможно отвечать на нее подробно. Остановимся лишь на некоторых пунктах.

Во-первых: Ленин говорит только о двух „началах“: или холодный анализ, революционный расчет, или—„революционная фраза“ Если признавать, что существуют лишь эти два фактора, то Ленин прав. Его логика неуязвима. Нельзя ничего строить на «революционной фразе», конечно...

Но—очень удобно строить логическое рассуждение, заранее отведя в

сторону все, что может осложнить элементарную простоту рассуждения. Увы, какая цена такому построению?...

Несомненно, „революционная фраза“ существует в жизни; и ей—грош цена. Несомненно, революционный расчет—необходим. Но, между этими двумя полюсами есть еще одно, третье данное, имеющее весьма крупное значение и, совершенно не учитываемое Лениным.

Сознательно или бессознательно, Ленин оставил совершенно вне поля своего зрения и анализа этот третий фактор: революционный дух. Дело вовсе не ограничивается выбором между „революционной фразой“ и „революционным расчетом“: значение и роль третьего элемента—революционного экстаза, энтузиазма, воодушевления, духа бунта и возмущения—очень велики. Этот фактор сыграл в истории человечества (и особенно—в критические моменты этой истории) громадную роль. Можно, конечно, быть различного мнения о роли этого фактора в настоящих событиях, но нельзя вовсе игнорировать его.

Благодаря этому крупному пробелу; благодаря тому, что во внимание принимается только революционный учет, и этому учету ошибочно противопоставляется только революционная фраза,—вся аргументация Ленина теряет для нас значение. Ибо, именно в настоящий момент и в настоящих событиях—мы придаем революционному духу, как фактору борьбы и победы, очень крупное значение.

Во вторых: Ленин все время повторяет, в разных выражениях, „страшную“ фразу об отсутствии у нас армии. (Здесь, по нашему мнению, кроется истинная сущность его опасений).

Но—он ни одним словом не обмолвливаетя ни о партизанской войне, ни об условиях наступления немцев вглубь страны. Он, вообще, не дает никакого анализа перспектив и шансов борьбы, принимая наличные условия за данное. Это еще более ослабляет все его построение.

Мы хотели бы остановиться еще и на исторических ссылках Ленина (Франция 92 го года и пр.) Недостаток места вынуждает нас отказаться от этого.

Главное—мы абсолютно убеждены, что прииятие нами предлагаемого мира затянет революцию, „принизит“ ее. Сделает ее надолго хилой, серенькой, тусклой, худосочной... Принятие мира пригнет революцию к земле. Обескрылит ее... Заставит ползать...

Ибо: революционный дух, великий энтузиазм борьбы, смелый размах и полет величайшей идеи всемирного освобождения—будут отняты у нея.

Свет ея—погаснет для мира.

НАРОД.

(«Г. Т.», № 28, 26 февр. 1918 г.).

Час решительных действий пробил.

Отступления больше нет. Колебаниям больше не место.

Не время сейчас—разбираться в роковых ошибках всех, без исключения, партий в прошлом.

Некогда останавливаться на тех безобразно-ложных шагах, на которые

мы неустанно указывали, и которые, с самого начала, повели Революцию по роковому пути.

Писать—тоже не время и неохота теперь. И если мы еще раз беремся за перо, то лишь для того, чтобы сказать следующее.

Народ, сам народ—рабочие, крестьяне и солдаты—сбросили в феврале царя.

Народ—сам народ—создал на местах свои великие революционные организации.

В этом сказалась величайшая сила и истина Революции—творческая мощь народа (не партии, не власти).

Но этот же народ повторял все время, раз за разом, одну и ту же роковую ошибку: совершив подвиг, он,—едва только наступало успокоение,—вручал то одним, то другим лицам,—то одним, то другим партиям,—власть над собою.

Он—народ—признал, было, думское правительство. Он—народ—признал Керенского. Он признал, наконец, власть партии большевиков.

И больно, безумно больно за народ.

Власть всегда ведет себя одинаково: в спокойное время—она стремится прибрать все к своим рукам; в критическую минуту—она теряется, колеблется, медлит, идет на сделки, и, в конце концов, предоставляет расплачиваться народу. Она видит свое бессилие. Она чувствует, она знает, что только сам народ—истинная, действующая, творящая и организующая сила.

Совершенно то же самое повторилось теперь.

Понемногу, новое правительство все прибирало к рукам...

Пришла критическая минута—самая трагическая из всех, последняя минута. И власть колебалась, оттягивала, вела нелепые „переговоры", умничала, рассуждала и—прозевала провокацию. Она потеряла неделю и принизила энтузиазм народа. И теперь, когда час пробил,—снова все возлагается на плечи народа...

Мы говорим ему:

Снова ты сам, великий народ, призван взять в свои руки судьбу Революции. Снова, на твоих плечах—тяжесть действия. Снова ты должен надеяться только на самого себя. Ты сам—или никто—спасешь Революцию.

Действуй.

И помни: если ты победишь,—не отдавай плодов этой, последней победы в руки новой власти, которая еще и еще изменит тебе, а потом—взвалит на тебя же бремя расплаты.

Если ты победишь,—то, после этой Великой Победы, строй же, наконец, свою жизнь сам, свободно и вольно, без власти, без лидеров, без партий... Строй ее в виде вольного союза твоих свободных организаций и общин—союза вольных городов и деревень, безвластных (анархических) коммун.

Победишь ли ты?

Да, да. Эта революция не может не победить. Быть-может, еще не сегодня, еще не завтра и не через неделю зазвучат победные трубы... Но никто, никто не в силах погасить священное пламя Революции, развертывающейся на огромном простран-

стве России, при сочувствии революционных рабочих на Западе.

Вся задача—держаться. Сопротивляться. Не сдаваться. Бороться. Вести неустанную партизанскую войну—везде и всюду. Наступать. Отступая, уничтожать. Мучить, беспокоить, терзать врага...

Разбойники идут к бездне. Бездна ждет их.
Вперед же, за Революцию!
Победа реет над нами.
Мы слышим трепет ея крыльев...

ВЛАСТЬ—ЭТО ГИБЕЛЬ. *)

(„Голос Труда", № 29, 28 февр. 1918 г.).

Грозные события момента обнаружили (скорее и раньше, чем это было бы при других условиях) всю гибельность, всю нелепость, всю ложь, весь ужас власти.

События с ослепительной яркостью показали, что фактически власть неизбежно сосредоточивается в руках кучки лиц; что выражеиия «власть Советов", „Советская власть", „народная власть" и пр.—неизбежно превращаются в пустые „революционные фразы".

События показали, что всякая (даже „революционная") власть —в критическую минуту теряется, колеблется, робеет, черезчур «умничает» и, тѣм самым, упускает драгоценное время, тушит энтузиазм и самодеятельность масс, убивает душу Революции.

События показали, что власть неспособна действовать—как-раз тогда, когда от решительных действий зависит спасение.

События показали, что власть не умеет правильно оценить и учесть положение; что власть ошибается—как-раз тогда, когда ошибка может погубить дело.

События показали, что сами глубокие народные массы—вне и против власти—способны как понять сущность момента, так и действовать.

События показали, что народ уже действует, и действует именно так, как надо: воодушевляется на борьбу и ведет ее партизанскими отрядами, по пути и в тылу неприятеля.

Пусть же стихия народного возмущения, народного энтузиазма и народного действия захлестнет своими волнами растерявшуюся, колеблющуюся, торгующуюся власть! Пусть стихия народная творит, организует и защищает сама свое великое дело. У нея есть для этого основной рычаг—советы.

И тогда события покажут, что ничто и никто не в силах победить громадную революционную страну в обстановке продолжающейся всемирной бойни.

---

*) Последняя статья в Петроградском „Голосе Труда", прекратившем через несколько дней существование, вследствие ухода моего и других товарищей в партизанский отряд. В.

Оглавление.

Стр.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Конфедерации Анархистских Организаций Украины
„НАБАТ“.

Издано:

Декларация и Резолюции Первой Конференции А. О. У. Н.

Э. Малатеста. Крестьянские речи.

Э. Малатеста. Анархизм. (Изд. Харьк. гр).

К. Оргеиани. Революция и революционное правительсте (Изд. Харьк. гр.).

М. Уралов. Кошмар. (Изд. Харьк. гр).

Резолюции Первого Сезда Конфедерации „Набат“.

Волин. (В. М. Эйхенбаум). *Революция и Анархизм. (Сборник статей).*

Открытое письмо к партии коммунистов (большевиков).

Островский. Нужно-ли крестьянам делить землю и хлеб? (Изд. Гуляй-Польской гр.).

В печати:

Волин. Революция и крестьянское дело.

Готовится к печати:

К. Оргеиани. Собрание сочинений.

3

Цена 10 руб.



